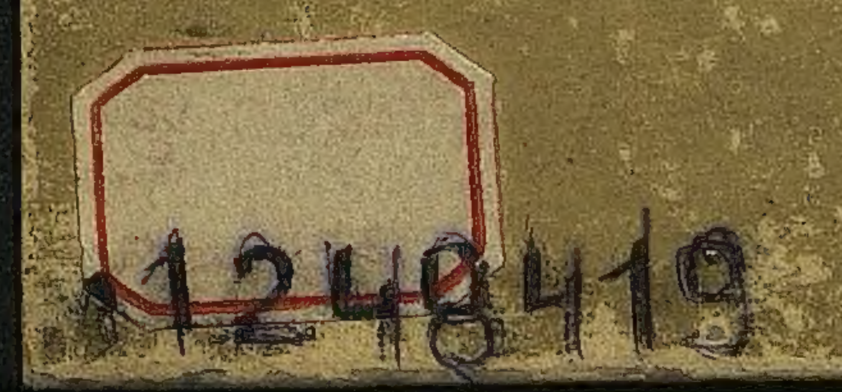
Н. Пинегин

В ЛЕДЯНЫХ ПРОСТОРАХ

Сестра ея, жена Истомина, Евгенія Борисовна, молодая красивая шатенка, немного картавила, говорила съ увѣрен-
ностью
воспи

М
стор

—
воспит
шитс

И
Евге
смѣял

Съ
когда
лась
рой,

Эт
лись
очер вызы

Но генерал
рисовны, был

Въ мундир
онъ ходилъ в
отъ кладовых

Все хозяйст
демонстративн

— Зачѣмъ
Аглаидѣ Васил
вкусы, взгляды.

Истомины поженились четыре года тому назадъ.

Ему было тогда пятьдесятъ четыре года, ей двадцать лѣтъ.

Истоминъ былъ товарищемъ по корпусу отца Евгеніи Борисовны. Истоминъ уже командовалъ полкомъ, входилъ съ нимъ въ тотъ городъ, гдѣ въ тотъ день появилась на свѣтъ Евгенія Борисовна.

Какъ ни противился отецъ этой свадьбѣ, Евгенія Борисовна настояла.

Со своей обычной непоколебимостью она категорически заявила:

— Или я выйду замужъ за Евграфа Пантелеймоновича, или уйду въ монастырь.

Въ первое время они очень любили другъ друга. Любили и теперь, но уже болѣе спокойнымъ, остывшимъ чувствомъ. На горизонтѣ ихъ семейной жизни собирались тучки: при-

Горенко говорила долго и много.

Наташа стихла. Она положила голову на руки, молчала и только изрѣдка вздрагивала. Острая боль смѣнилась какимъ-то сладкимъ успокоенiемъ. Гдѣ-то далеко-далеко раздается голосъ Горенко, что-то сверкаетъ, точно въ яркихъ лучахъ солнца: то церковь стройной вершиной уходитъ въ небо; она съ Корневымъ въ ихъ деревенскомъ саду; монахиня на колѣняхъ, та, о которой говорилъ тогда Корневъ; несется тихое, стройное, нѣжное пѣнiе:

Свѣте тихiй, святыя славы...

И все вдругъ стихло и потонуло въ безконечномъ покоѣ... Страшный мракъ... Растерянная Наташа съ дикимъ крикомъ бросилась къ Горенко.

— Гдѣ я, гдѣ я?!

Она обхватила Горенко и тяжело, не удержавшись, опустилась по ней на полъ.

— Наташа, милая Наташа!—потрясенная ужасомъ, закричала, въ свою очередь, Горенко.—Кто-нибудь на помощь!

Часы медленно пробили восемь.

— Боже мой, какой ужасный день, а только восемь часовъ,—шептала, въ ожиданiи прихода кого-нибудь, Горенко.

Въ дверяхъ стояла Аглаида Васильевна и смотрѣла на нее напряженными горящими глазами.

— Со стороны смотрѣть—ужасный,—проговорила она,—а переживать его?!

Аглаида Васильевна вдохновенно, гордо показала рукой вверхъ.

— Переживемъ: Тотъ, Кто посылаетъ крестъ, даетъ и силы.

И, подойдя къ лежавшей на полу Наташѣ, голосомъ безконечной любви и ласки она нѣжно произнесла:

— Наташа!

Наташа открыла глаза.

— Пойдемъ съ мамой, моя голубка дорогая... пойдемъ ляжемъ... Уснетъ моя Наташа.

У Наташи дрогнуло лицо, и, поднимаясь, она растерянно, жалобно проговорила:

— Мама?!

— Мама, твоя мама!

И, нѣжно увлекая за собой дочь, отводя Горенко взглядомъ твердымъ, не просящимъ ни у кого помощи, чистымъ и спокойнымъ, устремленнымъ куда-то вдаль, туда, гдѣ осталась ея молодость, вся ея жизнь, Аглаида Васильевна вышла съ дочерью изъ комнаты.

Онъ хотѣлъ прибавить, что ему осталось два-три мѣсяца до естественной развязки, но удержался.

— Можно передать вашей матери, что вы, можетъ-быть, воротитесь къ ней... другимъ человѣкомъ?

— Нѣтъ, нѣтъ... этого нельзя... Ни къ ней ни къ вамъ никакимъ я никогда не вернусь!..

Онъ быстро повернулся къ двери.

Она крикнула ему вдогонку первое, что сообразила:

— Возьмите денегъ хоть на дорогу.

Она догнала его и сунула ему въ руку свой кошелекъ.

Карташевъ хотѣлъ-было повернуться, чтобы сказать что-то еще, но слезы заволакивали глаза, онъ боялся расплакаться и, судорожнымъ движеніемъ оттолкнувъ ея руку съ деньгами, исчезъ въ дверяхъ.

Наташа, уложивъ мать, тихо, разсѣянно, равнодушно шла изъ спальни матери. Она вторую ночь не смыкала глазъ: она устала, въ ушахъ былъ какой-то страшный шумъ и все вертѣлась любимая пѣсня Мани. И такъ отчетливо она слышала выразительный голосокъ Мани, такъ отчетливо, что слезы выступили на глаза, и, подавляя ихъ, она еще равнодушнѣе смотрѣла по сторонамъ. Въ гостиной брата не было. Она прошла въ переднюю, вошла въ кабинетъ и устало спросила Горенко:

— Гдѣ братъ?

— Онъ ушелъ.

— Куда?—встрепенулась вся до послѣдняго нерва Наташа.

— Ушелъ, чтобы умереть или вернуться въ свою семью человѣкомъ...—угрюмо отвѣтила Горенко.

Наташа молча, точно не понимая, смотрѣла на Горенко.

— Зачѣмъ вы его не удержали?

— Зачѣмъ я буду удерживать? На что вамъ такой? А другимъ не у васъ же онъ станетъ!

Горенко говорила жестко и рѣзко.

Наташа растерянно присѣла и съ упрекомъ смотрѣла на подругу.

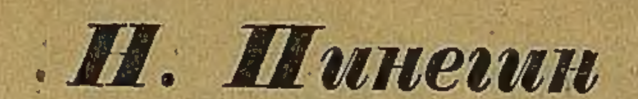
— У васъ нѣтъ сердца,—проговорила она и, закрывъ лицо руками, какъ-то взвизгнувъ, жалостно заплакала.

Она плакала все громче и громче, плачъ перешелъ въ судорожные вопли, рыданія, а Горенко быстро бѣгала по комнатѣ, нервно ломая руки.

— Боже мой, Боже мой! Наташа, ради Бога, точно на разныхъ языкахъ мы говоримъ съ вами. Наташа, было время, я не меньше вашего его любила..

Н. ПИНЕГИН

В ЛЕДЯНЫХ ПРОСТОРАХ

ЭКСПЕДИЦИЯ Г. Я. СЕДОВА
К СЕВЕРНОМУ ПОЛЮСУ

Второе издание
исправленное
и дополненное

Издательство писателей в Ленинграде

№ 341

Отпечатано для Издательства писателей в Ленинграде 2-й типографией «Печатный Двор» треста «Полиграфкнига». Ленинград, Гатчинская, 26, в количестве 30.500 экз. $19^1/_4$ п. л. Заказ № 624. Ленгорлит № 21451. Переплет и суперобложка М. Кирнарского. Сдано в набор 28/III 1933 г. Подписано к печати 14/X 1933 г. Бумага 82×110 см. Тип. знак. в 1 бум. листе 34 768. Бум. л. $14^{13}/_{16}$. Порядковый № 75. Ответств. редактор К. Федин. Технический ред. Д. Бабкин

1933.

Введение

В начале мировой войны, почти одновременно с вестью о разгроме корпусов Ренненкампфа, телеграф передал короткую депешу о гибели первого русского путешественника к северному полюсу, старшего лейтенанта, Георгия Яковлевича Седова. Затерявшееся между военных реляций и патриотических статей, известие это осталось почти без отклика. Только морской министр того времени, Григорович, негодуя на самовольное продление Седовым отпуска— рассказывают — «пожалел» его:

— Жаль, что не вернулся этот прохвост. Я бы отдал его под суд.

А через год Седов и его дела были забыты совершенно. Седова вспомнили только при советской власти. Теперь это имя известно в самых отдаленных уголках Советского Союза. Имя «Седов» прославлено блестящими советскими экспедициями на ледоколе, названном в честь отважного азовского рыбака. Этот ледокол проник на крайний север дальше, чем Седов, и, в бухте Тихой, в том месте, где несчастный путешественник провел последние месяцы жизни, воздвигнута была постоянная научно-исследовательская база. Знамя науки, выпавшее из ослабевших рук Седова, оказалось прочно укрепленным на крайнем форпосте советских республик.

Жизнь Седова была столь же необычайна, как и смерть. Родился он в 1877 году в местечке Кривая Коса на берегу Азовского моря в семье бедного рыбака. Убогая обстановка рыбачьей избы, шум моря и блеск его мутных волн — первые впечатления. Позже — игра камушками на берегу под взором заботливой матери, поиски и хранение драгоценностей: обломков поплавков, раковин и крупных блесток рыбьей чешуи, постройка корабликов из долбленой коры, погоня за мелкой рыбешкой — те же

игры, как у всех рыбацких детей. Лет с восьми начал помогать отцу в чистке рыбы, в починке ловецких снастей. Иногда удавалось выпроситься в тихую погоду в море с отцом. Наслаждение — тянуть сеть, забитую серебристыми рыбцами или с трепетом сердца прислушиваться к движению снасти, на которую попалось чудовище-белуга. И редкое счастье — встретить гигант-пароход или окрыленный парусами океанский бриг.

Почти с детства Седову приходилось иметь дело со льдом. Азовский рыбак занят круглый год; лов рыбы не прекращается и зимой, несмотря на то, что в зимние месяцы почти все море покрывается льдом. Подледный промысел принимает иногда опасный характер. Лед не долго стоит без движения. Во время штормов он ломается на отдельные поля. Иногда появляются в газетах сообщения, что на оторвавшейся льдине остались рыбаки. Унесенные в открытое море промышленники — бывают случаи — гибнут вместе со снастями с промыслом. Другим после долгих скитаний удается перебраться на берег или получить помощь товарищей, оставшихся на припае. Седов в детстве слыхал о множестве таких приключений. Бывалые люди, неделями терпевшие стужу и холод, были для Седова первыми профессорами сложной науки познания движения и свойств морского льда.

Седов рос неграмотным. Его родители не предполагали, что сын захочет переменить однообразную, тяжелую, но относительно сытую жизнь на что-нибудь иное. А грамота рыбаку для чего? Одно баловство, — рассуждали жители сплошь неграмотного поселка. Будь Седов менее любознательным, — и он воспринял бы, конечно, в конце-концов общие убеждения. Но этого не случилось. Очевидно, дедовские устои уже расшатывались и в глухом приазовском краю; такие рассуждения не действовали даже на малолетних. Слезами и постоянными просьбами, с детства настойчивый, Седов добился своего. Уже четырнадцатилетним его отдали в приходскую школу. Мальчик принялся за учение горячо; учитель обратил внимание на его способности и даже выхлопотал освобождение от платы.

Шестнадцати лет от роду Седов окончил школу. Учитель советовал родителям продолжить образование в городе, о том же просил и Седов, но отец боялся выпускать из глаз

сына, уже вкусившего «баловства». Вместо ученья пришлось по совету родственников поступить на место «в услужение» к генералу Иловайскому. Через восемь месяцев Седов бежал от генерала. Родители настояли, чтоб сын искал новую службу. Служба нашлась: приказчиком в бакалейной лавке помещика Фролова. Потянулась однообразная жизнь между грудами сетей, рядами кадок и мешков с солью и мукой. Через год хозяин положил жалование — 120 рублей в год. Родители Седова были довольны, а соседи даже завидовали. Недовольным был один Седов. Во время службы у Фролова Седов находил одно утешение: он пристрастился к чтению. Все досуги посвящались книгам. Из книг юноша узнал о величине мира, о чудесах науки и техники, о чудесных странах на севере и юге. Учиться бы дальше, изведать всю полноту жизни, — ученому дорога широка. На всякий случай молодой приказчик стал беречь каждую лишнюю копейку.

Когда Седову было уже восемнадцать лет, разговорился он в лавке с одним капитаном, сдавшим в лавке соль. Капитан рассказал приказчику, что есть в Ростове на Дону мореходные классы, — там можно доучиться до капитана. С этого времени в стремления Седова вошло нечто определенное, — он решил учиться в мореходных классах. Родители и слышать не хотели о таком безрассудстве — бросить прочное положение с жалованием 10 рублей в месяц и менять его на долгое учение! Но в эту пору характер Седова уже сложился. Тайно, не известив родителей и хозяина, Седов бежал в Ростов. Где пешком, где «зайцем» в товарном поезде, добрался до Ростова. Готовясь к экзаменам, Седов весь первый год питался одним черным хлебом. Весной Седов поступил матросом на пароход, плававший по Черному морю. Он скопил за лето 150 рублей, и на эти деньги учился зимой. Так по летам зарабатывая деньги тяжелым матросским трудом, а зимой посещая занятия, Седов в 1898 году окончил мореходные классы. Первое время после окончания учения он долго голодал, не находя места. Когда пришел проситься на службу в Добровольный флот, молодому «штурману дальнего плавания» сказали: «И на матросскую вакансию вы трехсотый кандидат».

Наконец, нашлось место капитана маленького парохода,

рейсировавшего между портами Черного моря. Дальше перевозки керосина из Батума в Новороссийск шли стремления Седова. Из первой же получки отложил он изрядную сумму на покупку книг и учебников. Через год он сдал экзамен на чин прапорщика военного флота и поехал в Петербург добиваться разрешения держать экзамен за полный курс морского корпуса. Получить такое разрешение было не легко. В царской России правом приема в морской корпус, где подготовлялся командный состав военного флота, пользовались исключительно дети дворян. Только после усиленных хлопот молодой прапорщик из крестьян каким-то чудом добился нужного разрешения. Успешно сдав экзамены, Седов поступил на службу в Главное гидрографическое управление и был командирован для съемки берегов Ледовитого моря, производимой пароходом «Пахтусов». Теперь он морской офицер, счастливчик, которому все дается, весельчак... и «выскочка», «офицер черной кости». Но начальник экспедиции генерал Варнек сразу оценил выдающиеся способности Седова: там где предполагалось трудно-исполнимое дело, всегда посылали Седова.

В 1903 году Седов встретил в Архангельске судно богато снаряженной американской экспедиции Циглера-Фиала, отправлявшейся для достижения северного полюса. Не после ли этой встречи зародилась в голове скромного «поручика по адмиралтейству» мысль сделать попытку достижения полюса?

В 1905 году разразилась русско-японская война. Седов был отправлен на Дальний восток. Все военное время он провел, командуя миноноской амурской флотилии. После цусимского разгрома он представил адмиралу Скрыдлову дерзкий проект, снарядив эскадру шлюпок, вооруженных минами Уайтхэда, потопить на Симонесекском рейде несколько японских броненосцев. Проект получил утверждение, но не осуществился, — был заключен мир. Седов вернулся на службу в Гидрографическое управление. В 1909 г. он получил назначение быть начальником экспедиции в устье реки Колымы, на крайнем северо-востоке Сибири.

Целью этой первой самостоятельной экспедиции Седова было исследование устьев р. Колымы для выяснения

вопроса, есть ли возможность морским пароходам заходить в эту реку. Седов проехал на Колыму сухим путем через Иркутск и по реке Лене до Якутска, а дальше тундрой, через Верхоянск на Средне-и Нижне-Колымск. Экспедиция за Верхоянском попала в весеннюю распутицу. Одно время казалось, что время будет упущено, деньги израсходованы без всякого результата, ибо позднее прибытие в Нижне-Колымск было равносильно возвращению назад: лето в тех краях слишком коротко.

Седов не растерялся. Двигаясь с возможной поспешностью, переправляясь часто через наледи вздувшихся рек, иногда пускаясь через них вброд и бросив весь тяжелый груз, Седов успел попасть в Средне-Колымск почти к самому вскрытию реки. Расположившись лагерем недалеко от устья Колымы, он все лето работал над съемкой, промерами и описью нижнего участка Колымы. Для промеров и съемки было необходимо выезжать на далекое расстояние в открытое море, а в распоряжении исследователя была только местная лодка «карбас», к морскому плаванию совершенно неприспособленная. Достаточно сказать: отдельные доски этого ненадежного судна были скреплены не гвоздями, но сшиты прутьями тальника, пазы же залиты не варом, а хрупкой лиственничной смолой. Плавание по бурному северному морю на таком судне было игрой со смертью. Даже небольшое волнение выбивало моховую конопатку, пазы расходились, и все судно грозило распасться на составные части. Иногда, при неосторожном движении, человек продавливал дно карбаса, и он давал течь. Не взирая на такие невозможные условия, Седов довел работу до конца. На обратном пути, уже зимой, пришлось питаться одной юколой (сушеная рыба); хлеб, сахар и другая провизия вышли. Стараясь наиболее полно закончить работу, Седов задержался до поздней осени. Результатом колымской экспедиции было установление первых пароходных рейсов между Владивостоком и Колымой. *

В 1910 году, в разгар приготовлений к следующей экспедиции, Седов женился. Через два дня после свадьбы он выехал на север Новой Земли, производить съемку тогда еще необитаемой Крестовой губы. В это время Седов уже

* Все сноски смотри в конце книги.

делился с близкими мечтой о путешествии к северному полюсу.

Нужно сказать, что в конце 1909 года возгорелся спор между американскими полярными путешественниками Куком и Пири. Оба они, приписывая себе честь открытия полюса, укоряли друг друга в обмане. Этот спор, вскрывший сущность стремлений обоих путешественников, долгое время оставался нерешенным. Лишь через большой промежуток времени стало известным постановление особой комиссии, рассматривавшей путевые журналы Кука и Пири. Комиссия пришла к заключению, что сомневаться в достижениях Пири, бывшего в непосредственной близости полюса, — нет оснований. О притязаниях Кука комиссия высказала мнение, что Кук, определивший положение полюса на-глаз, но не астрономическим путем, не может претендовать на точность. Подтвердить обвинение в подделке путевого журнала (выставленное Пири) или в сознательном искажении Куком своего дневника комиссия не нашла оснований. Впоследствии, экспедиция Мак-Милана, обследовавшая северную часть Канадского архипелага, отыскала эскимосов, сопутствовавших Куку при путешествии к полюсу, и выяснила, что Кук, отойдя на несколько дней пути к северу от земли Эллесмера, фотографировал палатку, которая в его отчете фигурировала в качестве поставленной у северного полюса. Иначе говоря, обвинения Пири оказались основательными. Еще позднее Кук попал в тюрьму за махинации с денежными документами. В 1910 году последние два обстоятельства еще не были известны; спор между сторонниками Пири и Кука был в полном разгаре.

Едва эти споры успели замолкнуть, телеграф принес известие об открытии Амундсеном южного полюса и о новой его экспедиции на северный полюс. Седов, опасаясь, что Амундсен опередит его, решил опубликовать свой план достижения полюса.

Девятого марта 1912 года Седов подал начальнику Главного гидрографического управления рапорт с просьбой об отпуске со службы для достижения северного полюса. В рапорте этом, объясняющем намерения Седова, говорилось: «Промысловые и научные интересы Северного Ледовитого океана начали привлекать к себе всеобщее вни-

мание чуть ли не с X столетия. Первыми пионерами были в Северном Ледовитом океане промышленники, устремившиеся туда за богатой добычей морского зверя, а затем и путешественники с научной целью. Многие из путешественников плавали сюда для отыскания свободного морского пути на восток, многие для открытия новых земель и физического изучения вообще океана и, наконец, многие—для открытия северного полюса, чтоб разъяснить мировую загадку, как со стороны научных полезнейших наблюдений, так и со стороны открытий. Человеческий ум до того был поглощен этой нелегкой задачей, что разрешение ее, несмотря на суровую могилу, которую путешественники по большей части там находили, сделалось сплошным национальным состязанием. Здесь, помимо человеческого любопытства, главным руководящим стимулом еще безусловно являлись народная гордость и честь страны. В этом состязании участвовали почти все культурные страны, включительно до Японии (к южному полюсу), и только не было русских, а между тем горячие порывы у русских людей к открытию северного полюса проявлялись еще во времена Ломоносова и не угасли до сих пор. Амундсен желает во что бы то ни стало оставить за Норвегией честь открытия северного полюса, а мы пойдем в этом году и докажем всему миру, что и русские способны на этот подвиг».

Почти одновременно с рапортом Седова помещены были в газетах статьи о предстоящей экспедиции к северному полюсу и призывы к пожертвованиям на нее. План экспедиции излагался Седовым довольно схематично:

«...В средине предстоящего лета экспедиция выходит из Архангельска, в составе 14 человек и 50 собак. На земле Франца-Иосифа предстоит зимовка, во время которой должны быть произведены гидрографические работы, астрономические и магнитные, а также изучена флора и фауна земли этой. По возможности организуем метеорологическую и гидрологическую станции. В 1913 году, как только наступит солнечное время года, идем к полюсу, или на корабле, или пешком по льду. В шесть месяцев, примерно с марта по сентябрь, необходимо достигнуть полюса и вернуться обратно; или же, в крайнем случае, пройти в Гренландию, к Америке.

«Корабль прождет у берегов Земли Франца-Иосифа или у границы льдов наперед определенное время, и если «полюсная партия» экспедиции не вернется к назначенному сроку обратно, то корабль уходит без партии домой. В полюсную партию войдут четыре члена экспедиции, с собаками, шлюпками, санями, нартами, палатками и двуколками, с лыжами или полозьями вместо колес. Экспедиция вернется не ранее осени 1913 года и не позднее лета 1914 года. Обойдется она по моим расчетам от 60 до 70 тысяч рублей, т. е. сравнительно дешево, именно вследствие ее легкости. Надо заметить, что экспедиция к северному полюсу Циглера стоила до миллиона рублей, Нансена — почти столько же».

Решительный шаг был сделан. Седов совершенно искренне предполагал, что мысль о путешествии к полюсу вызовет горячие отклики со всех сторон, — стоит только сказать: «я ставлю на карту свою жизнь: не достигнув полюса, не возвращусь».

Отклики последовали, но не совсем такие, которые ожидал Седов. С марта по сентябрь 1912 года о его предприятии толковали вкривь и вкось, но серьезной помощи Седов не получил. «Народное представительство» в лице Государственной Думы равнодушно отмахнулось от ассигнования денег на экспедицию, лишь только стало известно, что правительственные круги относятся к ней недоброжелательно. Это недоброжелательство вылилось в форму постановления особой комиссии, рассматривавшей (по предложению морского министра) проект Седова. Комиссия нашла план экспедиции «недостаточно обоснованным и продуманным»... «не имея личного опыта, Седов не ознакомился достаточно с опытом других экспедиций, оставшихся ему совершенно неизвестными».

Нельзя удивляться тому, что Седов не нашел нигде защитников: ни в правительственных, ни в военно-морских, ни во влиятельных оффициально-исследовательских учреждениях. Офицер с маленьким, как у Седова, чином — будь он семи пядей во лбу — для правительственных кругов царской России являлся даже не нулем, но величиной отрицательной в том случае, если такой офицер без разрешения начальства осмеливался говорить о «народной гордости» и «о чести страны». В Гидрографическом управлении

Седов был мелкой сошкой, производителем работ. Для таких работников, безразлично от степени способностей их, были предопределены вперед до самой смерти точные границы в должностях и чинах. Персонально Седова окружало тайное недоброжелательство сослуживцев, «настоящих офицеров», которые никак не могли помириться с блеском «золотых погон» на крестьянских плечах «выскочки-гидрографа». Не имел Седов ни родственных связей ни близких знакомств среди влиятельных географов и путешественников.

Не лучше дело обстояло и с привлечением общественной помощи. Седов, обращаясь к «обществу», совершенно не разбирался ни в классовом составе этого общества, ни в политической обстановке. Внимание грамотного общества предреволюционного времени было всецело поглощено классовой и междупартийной борьбой. А до широких народных масс призыв Седова просто не дошел. Только правые националистические деятели, увидев в Седове подходящую фигуру для своих целей, решили воспользоваться его предприятием для крикливых националистических выкриков и для выгодной газетам шумихи. Получив неожиданно такую «идеологическую» поддержку, Седов, естественно, сделался мишенью для всех врагов националистов, хотя сам он не имел никакого отношения к националистам ни по происхождению, ни по имущественному положению, ни по убеждениям. [2] Не только намерения и планы, но и способности Седова были взяты под сомнение. Одно время отношение к Седову сделалось даже мерилом политической левизны или правизны. Отдельные голоса в защиту Седова тонули в хоре озлобленной травли газет, тем более, что седовский план достижения полюса не отличался оригинальностью. Расчеты Седова были построены на собственной энергии и готовности к подвигу, а также на выносливости и привычке русских работать на холоде и их способности достигать целей не тщательной подготовкой материальных средств, но крайним напряжением сил, неприхотливостью и умением терпеливо переносить лишения. Защита предприятия, которое базировалось на такие невесомые основания, в самом деле, была трудна.

К июню, казалось, экспедиция не состоится. Седову уже готовилась судьба непризнанного и освистанного

героя. Только прихоть М. А. Суворина, издателя газеты «Новое Время», открывшего экспедиции кредит, позволила Седову торопливо приготовиться к отплытию из Архангельска на север. В июле удалось нанять подходящее судно «Святой мученик Фока», [3] а к началу августа закончить снабжение его всем необходимым для далекого плавания. [4] Когда за несколько дней до отъезда владелец судна, шкипер Дикин, отказался лично вести судно, Седов быстро нашел капитана, механика и команду. Отплытие было назначено на 27 августа 1912 г. [5] В экспедиции приняли участие:

1) Георгий Яковлевич Седов, начальник экспедиции, гидрограф и картограф, член Географического и Астрономического общества и Общества изучения русского Севера. Родился в 1877.

2) Владимир Юлиевич Визе, географ, член Общества изучения русского Севера. Предпринимал многократные путешествия по северу России и по Лапландии. Во время экспедиции руководил метеорологическими работами. Родился в 1886 г.

3) Михаил Алексеевич Павлов, геолог, член Общества естествоиспытателей и Общества изучения русского Севера, до экспедиции неоднократно исследовал среднюю часть Лапландии. Родился в 1886 г.

4) Николай Васильевич Пинегин, художник, член Общества изучения русского Севера, путешествовал по северу России, совершил самостоятельные экспедиции в Лапландию и на Новую Землю. В экспедиции руководил фотокинематографическими работами и во время отлучек Визе вел метеорологические работы. Родился в 1883 г.

5) Павел Григорьевич Кушаков, ветеринарный врач. В экспедиции был за врача и заведывал хозяйством. [6] Занимался также некоторыми биологическими работами. Родился в 1870 г.

6) Василий Васильевич Лебедев, отправился простым матросом, впоследствии был боцманом экспедиции и старшим наблюдателем метеорологической станции. Родился в 1870 г.

7) Александр Иванович Пустошный, ученик архангельского лоцманского училища, отправился матросом, впо-

Члены экспедиции и команда «Св. Фоки».

следствии был вторым наблюдателем метеорологической станции. Родился в 1893 г.

8) Григорий Григорьевич Линник, отправился матросом. Родился в 1887 г.

9) Платон Иванович Коноплев, отправился матросом. Родился в 1878 г.

10) Иоган Томиссар, матрос Балтийского флота. Родился в 1880 г.

11) Иосиф Александрович Кизино, буфетчик и заведующий кладовыми. Родился в 1881 г.

12) Андрей Иванович Инютин, плотник и печник. Родился в 1881 г.

13) Иван Григорьевич Пищухин, пекарь и повар. Родился в 1884 г.

Экипаж «Св. Фоки»

14) Николай Петрович Захаров, штурман дальнего плавания, капитан «Фоки».

15) Николай Максимович Сахаров, штурман каботажного плавания, помощник капитана, впоследствии капитан «Фоки».

16) Иван Андреевич Зандер, судовой механик, главный механик «Фоки».

17) Мартын Андреевич Зандер, помощник судового механика.

18) Николай Васильевич Коршунов, кочегар, впоследствии механик «Фоки».

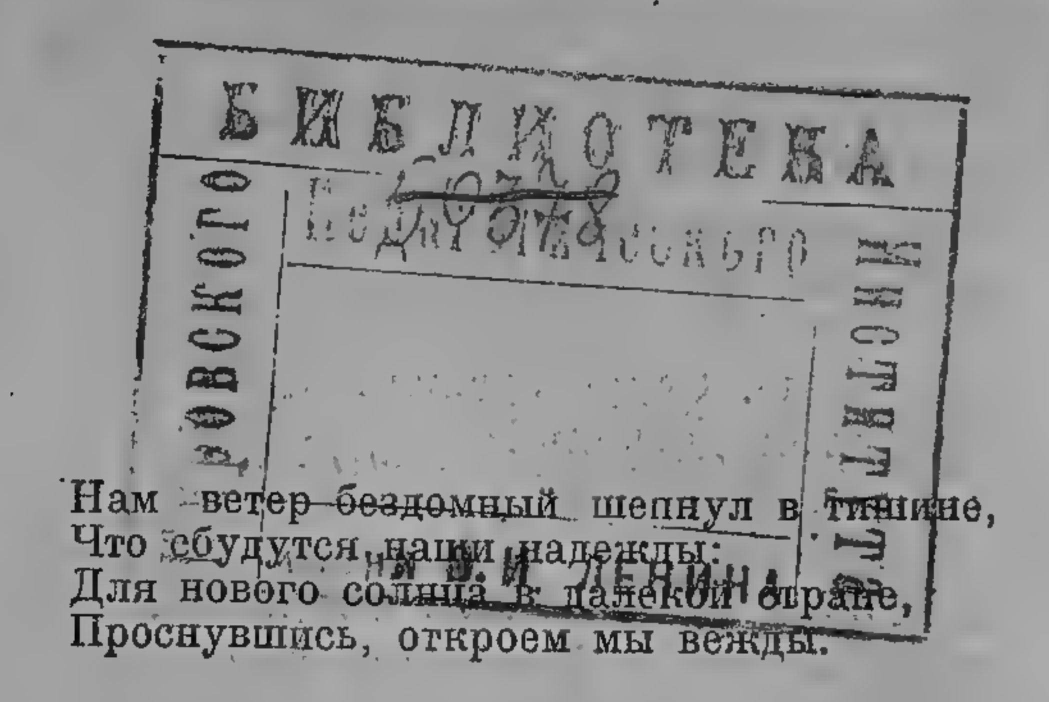
19) Николай Кузнецов, кочегар.

20) Михаил Шестаков, матрос.

21) Василий Катарин, матрос.

22) Михаил Карзин, судовой плотник.

Глава Первая

Нам ветер бездомный шепнул в тишине,
Что сбудутся наши надежды:
Для нового солнца в далекой стране,
Проснувшись, откроем мы вежды.

Ранним утром двадцать седьмого августа я подходил из города к пристани. В порту кипела обыкновенная суета трудового дня. «Святой Фока» стоял у пристани дальнего плавания. На бледном осеннем небе — его высокие, стройные мачты, расцвеченные праздничными флагами. На пристани — группы любопытных, привлеченных лаем и воем восьмидесяти собак на палубе и в клетках. Дымится труба. Так неужели же все нити окончательно отрезаны, а этот громоздкий в порту, как богатырь-степняк в горнице, «Фока» унесет нас в царство Белого?

Да, мы уезжаем. Корабль готов к отплытию. И вместе вот с этим берегом оторвется вся прежняя жизнь, родина и все, с чем до слияния сжился.

К двенадцати часам набережную запрудила толпа. Архангелогородцы устроили экспедиции торжественные проводы — с речами и музыкой. Трещал кинематограф, щелкали без конца затворы кодаков, бегали суетливые фотографы, лились речи и пожелания со всех сторон. Только около трех часов отвалил «Фока» от пристани.

Много раз потом в тесной, еле освещенной каюте вспоминалось это прелестное августовское утро, яркость и пестрота одежд на берегу, тысячи блестящих глаз, лес трепещущих рук со шляпами, платками и зонтиками — вся толпа на фоне чуть желтеющих деревьев сквера и золотых церковных глав, могучая Двина, пестрые группы людей по ее берегам, флотилии катеров, лодок и моторов, как стая мошек, вокруг «Фоки» носившихся, какое-то поморское судно, усердно салютовавшее из своей пуш-

чонки до тех пор, пока она не разорвалась, — вся пестрота и жизнь. Мы плыли вдоль низменных берегов с редкими строениями и лесопильными заводами, а с берегов все еще приветы! За последним пригородом — куча ребят; они так старательно кричали нам, махая чем-то похожим на простыню. Седов ответил им гудком. Какой восторг для всей этой детворы!

В устье Северной Двины, после бара — мелкого места при впадении реки в море, наш корабль остановился для догрузки. Полный груз «Фока» не мог взять в Архангельске — корабль не прошел бы по мелким местам.

К утру двадцать восьмого все было готово. Вот и долго откладывавшийся момент прощания с близкими. Уходят пароход и баржи, привезшие груз. Провожавшие нас уезжают, мы остаемся одни. Вот последняя нить — и та перерезана! Смотрит в море тучный механик и не оглядывается. Причитает на палубе отвалившего парохода жена матроса, а тот нахмурил брови, не смотрит, — сосредоточенно тянет какую-то снасть. Преувеличенно громким голосом отдает приказание поднять якорь и быстро уходит в каюту Седов. Начинаем медленно двигаться на север.

Белое море, тихое, как озеро, ласково встретило «Фоку». Скоро уплыли назад мысы двинского устья, от них только марево * осталось. Тихо всплескивалась играющая рыба. Как застыли треугольные копья — паруса поморских судов. Тихо. Мы плыли медленно: без парусов скорость «Фоки» всего четыре мили в час.

Только сутки длилась тихая погода. 29-го, едва мы вошли в узкое место, «горло» Белого моря, подул навстречу свежий северный ветер. Мы быстро познали истину: с четырьмя узлами ** хода «Фоке» трудно бороться с противными ветрами. Наш корабль сразу потерял ход и даже перестал слушаться руля.

Горло Белого моря имеет заслуженно худую славу среди страдающих морской болезнью. Даже в тихую по-

---

* Марево (рефракция) — атмосферическое явление, часто наблюдаемое в море; отдаленные предметы кажутся приподнятыми, как бы отделенными от горизонта. Марево вызывается преломлением световых лучей в нижних слоях воздуха.

** Морской узел — мера скорости корабля; соответствует морской миле. Миля = 1,8 километра.

году здесь вечная толчея волн, — «сувой» называют поморы зыбь, образующуюся от встречи различных течений. «Фоку» этим «сувоем» швыряло как щепку в пучине водопада, — хорошее испытание для некоторых новых моряков на «Фоке»!

Этот день принес целую кучу неприятностей. Для парохода, нагруженного нормально, качка в горле Белого

На палубе «Фоки»

моря, конечно, не представляет никакой опасности. Но для «Фоки», перегруженного сверх всякой меры — с грудами бревен, собачьих клеток и ящиков на палубе, перескакивание волн через нее совсем не безразлично. «Так торопимся на север, а ветер во второй же день гонит нас обратно», — жаловались мы все! Ветер крепчал. По мере усиления его пришлось убрать все паруса, немного помогавшие ходу и сдерживавшие качку. С одним штормовым стакселем мы пытались ломаными курсами двигаться вперед, но скоро поняли, что вместо бесполезной

траты угля следует подумать, нет ли поблизости места, где можно переждать начавшийся шторм.. Мы укрылись в первом попавшемся заливчике под «Тремя Островами».

Мы-то мечтали: скоро увидим Землю Франца-Иосифа, поставим свой корабль у ее белых берегов, а вместо того — стоянка где-то в Белом море! Вместо открытия новых земель — открытие все новых неприятностей: там сильные удары волн повыбивали конопатку из борта, тут разбилась бочка машинного масла; засорилась паровая помпа, и в трюме сразу скопилось на 40 дюймов воды, — надо откачивать ручными насосами, чтоб не залило топки и не потопило бы вконец механиков.

Стоянка у Трех Островов неспокойна. Едва ветер немного затих, Седов счел за лучшее перейти к Городецкому маяку и уже там заняться чисткой помп и врачеванием иных недугов «Фоки».

Штопание главных прорех «Фоки» закончили только через два дня. Вечером 1 сентября мы покинули, наконец, последний родной берег.

Уходили уже в сгущающейся мгле. Неожиданно ее прорезала яркая вспышка. То был последний привет с родины. Военно-гидрографическое судно «Соломбала» подходило к маяку, оттуда донесся гулом по морю пушечный салют, взлетели к небу ракеты. Луч прожектора как солнцем залил паруса «Фоки», и замигал сигнальный фонарь: «Счастливого плавания и достижений».

А «Фока» забирал ветер в паруса и, лениво переваливаясь с бока на бок, весело постукивал машиной. Гасли огни «Соломбалы», только маяк каждые две секунды приподнимал еще свое ленивое веко. Погас и он. Одно широкое море лежало пред нами.

Для нас пересечение обширного Баренцева моря на тихоходном «Фоке» казалось плаванием по океану. Время тянулось так же однообразно, как в настоящем океанском плавании. Все три дня — до Новой Земли — ровно тянул попутный зюйд-вест, ясная погода стояла постоянно. Волнения сумбурных месяцев и дней перед отъездом как-то удивительно быстро отошли назад, — все казалось далеко ушедшим, так давно прожитым после двух-трех дней созерцания одного только моря да неба. Зайдя в каюты, можно было подумать: эти люди наладили свой обиход,

они совершают давно начатое путешествие. Только палуба никак не воспринимала облика обыкновенного парусного судна. Бревна построек, собачьи клетки по бортам, на спардэке * в художественном беспорядке нарты,** каяки,*** лыжи и ящики с метеорологическими будками — все это перепутано тросами **** и стянуто цепями. Штурман окрестил «Фоку» ноевым ковчегом. Он неодобрительно покачивал головой и ворчал: «Разве такой бывает палуба «честного» парусного судна? Сущий ноев ковчег, да и пассажиров-то — двенадцать пар чистых и сорок нечистых».

В моем дневнике не отмечено никаких событий за все время перехода до Новой Земли. Кроме личных и рабочих заметок, описаний таких происшествий, как драки собак в клетках, я ничего бы не мог перенести на эти страницы. Ограничусь несколькими пейзажными картинками.

3 сентября. 70° северной широты и 45° восточной долготы.

Прелестный ясный день. Ждали, что ветер будет крепчать: закат вчера горел багрово-красными тонами. Не сбылось, — утром и днем чистое небо. Сейчас плывет по небу полная луна и отражается играющим столбом в тяжелых, словно масляных волнах. Я — на вахте с 8 часов вечера. Ширь океана, над головой нежные

---

* Спардэк — палуба над кормовой рубкой.

** Нарты — северные сани, приспособленные для езды без дорог. Мы взяли с собой нарты, изготовленные по образцу употреблявшихся Нансеном в его путешествии. Их широкие, как лыжи, полозья не позволяют нарте проваливаться в снег. Нарта гибка и очень прочна, ее отдельные части скреплены не гвоздями, а проволокой и прочными сыромятными ремнями. Лучшими нартами считаются по справедливости русские (колымские) нарты.

*** Каяк — эскимосская легкая лодочка из тюленьей шкуры. Каяки, взятые нами, были заказаны в Норвегии по образцу нансеновских — из плотного проваренного в парафине брезента. Весь каяк весил $18^1/_2$ килограммов.

**** Крепкие канаты. На корабле каждый предмет носит собственное название, часто совсем иное, чем на берегу. Можно низко упасть в глазах моряка, назвав, например, какую-нибудь снасть веревкой. В лучшем случае вам скажут, что на корабле веревок нет, кроме только укупорки *вашего* чемодана, а есть лини, тросы, фалы, снасти, шкерты, концы.

Члены экспедиции Г. Я. Седова
Кушаков, Зандер, Седов, Сахаров, Визе, Пинегин, Павлов

просветы неба, оно же отражается и в густо-синем море. Хорошо стоять на мостике в такую погоду и пить всей грудью бодрящий холодноватый воздух. На широком горизонте, кроме ряби моря, — ничего. Разве тучка-туман, вздумав отдохнуть на груди океана, застелет часть горизонта. Проходим влажное объятье, и снова пред глазами простор. Третий день в море — и хоть бы один парус или дымок, — ничего.

Каждую четверть часа делаем промеры глубинным лотом Клаузена, каждый час определяем ареометром соленость поверхностного слоя морской воды, его температуру и через четыре часа производим полную серию метеорологических * наблюдений. Все это заносится в журнал плавания вместе со всем, заслуживающим внимания. Так, сегодня отмечено появление большого количества плавающих птиц. Чайки и раньше шныряли во-

* Наблюдения за состоянием воздуха.

круг корабля, но с утра видим много других: гаг-самцов (Somateria molissima borealis), чистиков (Uria grille mandtii M.) и гагар. Пролетела стая куличков-песочников (Calidris maritima). Видя столько птиц, мы предполагали, не приблизились ли к ближайшей земле — Канину Носу? Но по полуденным наблюдениям оказалось, что берег далек от нас: никак не ближе 80 миль.

4 сентября. С вечера барометр стал сильно падать; однако, погода не переменилась, — утро сегодняшнего дня такое же чистое и спокойное.

По всему видно, начинаем забираться в холодные страны; при том же самом ветре воздух значительно холоднее, все чаще пересекаем полосы тумана. Со вчерашнего дня продвинулись на север больше градуса широты.

5 сентября. Сегодня у меня была вахта «собака» *. Погода резко изменилась. Крепко дует встречный пронзительный ветер с ССВ., снег и крупа. Подвигались вперед очень медленно. С 12 до 3 часов прошли не больше мили. В 3 часа, когда ветер еще покрепчал, я разбудил Седова. Он изменил курс, направив «Фоку» прямо к берегу Новой Земли, которая, по нашему счислению, должна быть очень близка. В самом деле, через полчаса открылись очертания ее характерных гор — острые хребты с косыми полосами снега от вершин. Угрюмый вид! Иногда самая земля сливалась с небом. Снежные полосы на горах тогда казались ребрами какого-то исполинского допотопного зверя.

Встречный ветер начал усиливаться до степени шторма. Мы неслись куда угодно — только не на север. Седов, боясь потери драгоценного времени и угля, не захотел упорствовать, а счел за лучшее переждать неблагоприятную погоду в одной из бухт Новой Земли.

---

* Моряки называют «собакой» вахту с 12 часов ночи до 4 часов утра. Седов с самого начала экспедиции установил на судне порядок, согласно которому члены экспедиции, несущие по очереди научную вахту, считались во время дежурств «вахтенными начальниками». Вахтенный начальник кроме участия во всех научных работах был обязан помогать дежурному штурману, следить за курсом корабля и за правильностью счисления, за порядком на палубе, — вообще принимать участие в управлении судном и во всех палубных работах. Эти вахты вместе с лекциями Седова по астрономии, навигации и морской практике послужили для нас настоящей морской школой.

Поэтому мы повернули на юг и пошли вдоль берега. Однако, до самой Белушьей губы не нашлось среди этих суровых берегов ни одного изгиба, который мог бы счесться безопасной стоянкой. Под вечер мы были в глубине Белушьей губы, против самоедского становища. В шлюпку, отправившуюся на берег, набралось много охотников осмотреть становище: никто из нас, кроме Седова, не бывал еще в этой части Новой Земли.

Становище стояло без хозяев, — все уехали на промысел гольца * в соседнюю губу. В бревенчатом доме мы нашли только одного самоеда с женой и несколькими невероятно грязными ребятишками. Этот охотник только что приехал из Архангельска на пароходе, приходившем сюда за грузом медной руды. Он дожидался земляков, чтобы вместе отправиться на промысел в Пуховую губу.

В избе — обычная для новоземельских становищ грязь и примечательная смесь новинок культуры с первобытнейшим неряшеством. На столе рядом с тюленьими пимами ** блестящий никелированный самовар; тут же убитые утки, связка баранок, кучка маузеровских патронов и весло. На полу рядом с граммофоном, пренебрегая стулом, сидит самоедка в панице *** и сует грудь грязному, как сама грязь, самоеденку. В жилище неописуемо тяжелый запах, но среди живописного хаоса на полу красуется... непочатый флакон одеколона.

После недолгого разговора о промысле и оленях мы вышли осмотреть окрестности становища. Пустынная голая земля. Низкие части — без снега, но у берегов и в горных ущельях снег не сошел. Около становища несколько «остаточных», «реликтовых» озер, обращающих на себя внимание исследователя. Трудно найти в другом месте столь наглядный пример образования озер такого рода. Самый залив Белушьей губы отделен от моря валами щебня. Они похожи на искусственные плотины, на самом же деле валы образованы морским прибоем во время страшных осенних бурь. Кое-где вода из залива попадает еще в протоки валов, в некоторые озерки она переливается через валы во время приливов, и есть пространства воды, от-

* Голец — рыба из рода лососевых, без чешуи (Salvelinus alpinus).
** Самоедская обувь.
*** Женская одежда из оленьего меха.

деленные от моря совершенно. Дальше от берега лежат такие же озерки, но уровень воды в них значительно выше уровня моря. Взаимное расположение озер в их системе дает наглядную картину очевидного медленного поднятия этого берега Новой Земли.

Мы переходили с озерка на озерко и пробовали свои новые ружья, стреляя в бесчисленные стайки куличков-песочников и по пролетавшим уткам. Вернулись на корабль к четырем часам утра, проходив всю, здесь еще светлую, ночь.

6 сентября. К утру заштилело, разошлись облака, ветер затем переменился на попутный ВЮВ. В полдень, когда я проснулся, мы шли под всеми парусами в виду Новой Земли.

Глава Вторая

Там мерзлыми шумит крылами
Отец густых снегов Борей
И отворяет ход меж льдами...

Ломоносов

Под вечер 6 сентября мы обратили внимание на странное облачко, неподвижно висевшее на одной из белых вершин в горной цепи Новой Земли. Темнело. Облачко попрежнему висело на месте. Уходя с вахты, Седов отдал приказание приготовиться к перемене погоды и крепче задраить люки: он знал, что предвещает появление таких облаков.

В следующее утро начался «сток». Вчерашнее облачко было первым предвестником. Всем, бывшим на Новой Земле, хорошо знаком этот похожий на новороссийскую «бору» беспощадный ветер, — он переносит камни по воздуху и рвет все встречающееся на его пути. Правда, летом «сток» не так свиреп, но ясно: нам предстояла хорошая трепка.

Как всегда при «стоке», небо сначала было безоблачно, только по вершинам гор, как неподвижные лоскутки ваты, повисли язычками облака. Море уже закипало, подымались вихри водяной пыли, и скользили над самой водой откуда-то внезапно появившиеся буревестники. Волнения еще не было. Вышедший на мостик Седов сделался сразу серьезным и приказал убрать все верхние паруса. Ветер свирепел с каждой минутой. Через час невысокие, но частые волны неожиданно слизнули одну из шлюпок и заодно разбили собачью клетку на палубе. Одна собака погибла. До поры до времени «сток» был попутным для нас. Правда, после часа дня он сорвал передний кливер, немного позже оборвал фал (бизань-паруса), [7] но особо страшного еще не было. Мы неслись одиннадцатиузловым ходом.

К ночи «всток» дошел до степени бури. Барометр быстро падал. Как бешеное, неслось наше судно куда-то на север. Буря отрывала корабль от берегов Новой Земли на простор крупной волны, столь опасной в нашем положении. О правильном курсе не могло быть и речи: мы просто держали круто к ветру — в «бейдевинд». Оставшиеся два паруса наполнялись ветром до чрезвычайности. Казалось, достаточно бы коснуться толстой брезентовой ткани, чтоб она лопнула, как надутый газом шар.

Жутка буря в этом далеком, пустынном море. Небо затянулось, лишь только удалились мы от берегов, тяжелые низкие облака побежали студенистыми обрывками. Море вспенено зеленой мутью, волны не успевают ронять белых верхушек, ветер рвет их и несет брызгами и пылью. Эта водяная пыль хлещет злым горизонтальным дождем, слепит глаза и туманит горизонт. Удары волн, какое-то шипение, разноголосый плач снастей, унылый визг в вантах, * скрипение и треск в остове корабля. Вечером легли в дрейф. Поздней ночью Седов сошел с мостика, оставив там капитана. Я после двойной вахты — пришлось заменить Кушакова, лежавшего в припадке морской болезни, — спустился в каюту взять папирос и согреться. Прислушиваясь к вою ветра в снастях, к ударам волн и звону посуды в буфете рядом, я незаметно задремал. Не успели глаза закрыться вполне, ужасный размах судна повалил меня. Грохот раздался под самым ухом — что-то тяжелое било в борт.

— Что случилось? — спросил я, вбежав на мостик, у рулевого Лебедева, но еще до ответа увидел, что шлюпка, заваленная на шлюпбалках ** спардэка выше шести метров от ватер-линии, сорвана, исковеркана, и, повиснув на конце ободранной железной обшивки киля, бьется о корму «Фоки».

— Подошла громадная волна, — сказал, отплевываясь, Лебедев, — накрыла с верхом мостик. Меня оторвала от рулевого колеса — еле уцепился у самого борта.

— Где же капитан?

— Они еще раньше сошли к себе в каюту.

---

* Ванты — боковые снасти, поддерживающие мачты.

** Железные балки, на которые шлюпки поднимаются с воды.

— А шлюпка?

— Какая?

Только тут Лебедев заметил, что шлюпки нет. Остановили машину и очистили борт. Вторая наша шлюпка уплыла, ныряя по волнам.

Берег был далеко. Буря, почти ураган, свирепствовала, не ослабевая. По счислению, мы находились на широте 75-го градуса. Боясь встречи с какой-нибудь бродячейльдиной, Седов изменил курс, — мы понеслись на юго-восток.

Ночью буря не утихла. Когда начался рассвет, оказалось, что мы опять приблизились к Новой Земле. Направились под берег — было необходимо укрыться от волнения. В трюме опять не все благополучно: выскочили какие-то крепления груза, он потерял неподвижность, внутри корпуса что-то било в борта. Помпы опять засорились, и вода в трюме стояла высоко. Волны грозили разломать баркас на палубе и смыть весь груз.

В это время «Фока» находился вблизи Сухого Носа. Этот мыс длинной саблей выдвигается в море и окружен рифами. Чтоб добраться до берега при этом ветре, необходимо было или пройти вблизи самого мыса или же совсем упустить случай скрыться от бури. Только в те недолгие минуты, когда «Фока» пролетал в полветра около самых подводных скал — они были всего в какой-нибудь сотне метров от нас — я понял, чем мы рисковали в случае ошибки рулевого. Невидные раньше скалы открылись совсем близко. Тут и там, отражая свинцовым блеском сизое небо, из глубины моря выныривали темные каменные чудовища, но только на мгновение. Потом море смыкалось, и белые, пенные столбы взлетали и рассыпались. Казалось, там, в глубине моря, рвались мины неизмеримой силы. Опять мелькали блестящие лбы скал, и снова горы пены закрывали их. Рев и звуки, похожие на пушечные выстрелы, заглушали шум бури.

Седов стоял у штурвала, впившись глазами в скалы. Знаками показывая рулевому курс, он сам задерживал ручку румпеля.

— Право. Еще право! Так держать.

— Стоп!

Бросили два якоря. «Фока», закрытый от ветра берегом, был почти в безопасности.

Я спрашивал впоследствии Седова, как решился он пройти столь близко от рифов. Он объяснил риск необходимостью пройти вплотную, — иначе со слабой машиной «Фоке» ни к берегу не пройти, ни выйти в море под парусами. Пришлось бы бросить якорь в глубоком месте. А при таком ветре стоянка кончилась бы вероятно крушением — «Фоку» выбросило бы на берег. Седов считал, что итти мимо подводных камней в бурю безопаснее, чем в тихую погоду: буруны показывают во время бури все места, где находятся подводные камни. Пользуясь этим признаком, Седов во время своих гидрографических исследований находил подводные камни там, где его предшественники показывали безопасный фарватер.

У Сухого Носа мы простояли около суток. 9-го ветер потих, и при продолжающемся легком «встоке» мы вышли из невольной гавани. Седов решил зайти в Крестовую губу, возобновить там запас пресной воды и послать домой последнюю почту, — в этот отдаленнейший уголок России на 74-м градусе приходит два раза в год пароход.

Берега Новой Земли севернее Маточкина Шара чаруют суровой красотой; одно из самых ярких зрительных впечатлений дарит Крестовая губа. Позади — океан, еще сердито ворчащий. На берегу — спокойные величественные цепи остроконечных гор в белых одеждах, прорезанных блеском изумрудных ледников. В глубине залива горы сдвинулись теснее, а седловину самой высокой занял ледник, разлившийся на несколько потоков. Один, похожий на гигантский голубой язык, блестит на снежной белизне, как сапфир.

Первую остановку мы сделали у места, где было становище Седова в 1910 г., близ креста, показывающего место астрономического пункта. Седов не хотел упустить возможность сверить наши хронометры, опасаясь, что длительная качка могла повлиять на правильность их хода.

Пока производились астрономические наблюдения, необходимые для получения поправки хронометров, несколько человек отправились сухим путем в колонию Крестовой губы.

Я прожил в Крестовой губе все лето 1910 г. В этот год царское правительство затеяло начать колонизацию северного острова Новой Земли. Такая затея была вызвана

попытками норвежцев фактически занять пустующую часть Новой Земли путем постепенного расширения сети норвежских промысловых становищ на этом острове. В 1910 году военное охранное судно обошло западный берег Новой Земли от губы Крестовой до Оранских островов и конфисковало промысловую добычу в домике норвежских охотников на острове Большом Заячьем. В этот же год была основана русская колония в Крестовой губе. Колонистам были пообещаны всяческие льготы и пособия. Соблазненные посулами, четверо крестьян Шенкурского уезда, из числа уже зимовавших на Новой Земле, выразили желание переселиться в Крестовую губу вместе со своими семьями. В Крестовой построили для них жилой дом и амбар. Колония получила название «Ольгинской».

Картина полной зимы предстала пред нами, едва мы съехали на берег. Все семь километров до колонии мы брели по колено в снегу, часто проваливаясь в глубокие сугробы. Я вел спутников хорошо знакомыми местами. Последний пустынный пригорок, и после безжизненной тундры открылось знакомое мне становище. Оно сильно изменилось за два года. Вместо сиротливо стоявшего большого дома — в самом деле что-то похожее на хутор, колонию. Два больших дома, баня, амбары, метеорологическая будка и часовня. На берегу шлюпки, карбасы, * «стрельные лодочки», ** хаос бочек, сетей, весел и дров вперемежку с обглоданными остовами тюленей — «рауком».

На оглушительный лай собак вышли колонисты Усов и Долгобородов — мои старые знакомые. В колонии из первоначального состава осталось только три семьи. В первую же зимовку становище посетила цынга, унесла двух жен поселенцев и двух детей. Спешно выстроенный дом оказался почти непригодным для жилья; несчастные охотники согревались и спали в палатке, поставленной посреди высокой комнаты с громадными окнами, какую и в более южных местностях не легко натопить.

Чиновники, затеявшие колонию, поняли, что дело колонизации насаждать не так просто, как написать докладную записку. Кое-что было исправлено, выстроили новый

---

* Карбасами в Архангельском крае называют дощатые лодки.

** Стрельная лодочка — промысловая переносная, из долбленого дерева лодка для охоты на тюленей.

дом, отнеслись тщательнее к выбору провизии, — вторая зимовка прошла более благополучно. Но... колония выглядела хилой: вот-вот распадется, или же русских заменят самоеды.

Колонисты жаловались на случайный выбор места становища. Оно удалено от открытого моря на 16 километров и на столько же от реки, где ловится голец. Даже тюлени держатся вблизи противоположного берега губы в шести километрах. Тот берег богаче рыбой. Медведи не заходят в глубину губы. Те, которых удалось добыть, все застрелены на входном мысе Прокофьева. Колонисты поставили там промысловую избушку. Но медведей часто не бывает месяцами. Время, уходившее бы в становище на работу, тратится непроизводительно. Часто, возвращаясь после промысла с пустыми руками, переселенцы корили себя за доверие сладким словам и проклинали администрацию, которая, запутав охотников постройкой двух домов в неоплатный долг, взяла их в кабалу и, под предлогом величины долга, отказывала в полномерном снабжении не только продуктами, но даже необходимым промысловым инвентарем.

Мы сидели в комнате Усова и выслушивали все эти жалобы.

В комнатах обиходно и чисто. В чистоте половиков, в уюте, напоминающем убранство горниц на родине колонистов, в Архангельской губернии, видна женская опрятная рука. На окнах занавеси, прибрана посуда в шкафу. На столе граммофон. Пред нами угощение: чай и шанежки.

— Уж не обессудьте, угощенья-то нет у нас — перед пароходом все вышло. Да и промыслы плохие, мало чего и выписывали, — извиняется хозяйка.

— Как наш брат живет, — подхватывает Усов, — есть промысел — есть и закуска, а нет — раук жрем.

Спустя час подошел к становищу «Фока». При постановке на якорь ветер привалил его к мели. Бедному «Фоке» не везет. Тем не менее он после выдержанного шторма приобрел горячих поклонников. Появилась даже «Ода „Фоке“» — правда, содержания полуиронического:

Говорили, «Фока» плох,
Выйди в море, скажешь — ох!
Не корабль — просто корзина,
Вместо дуба — гниль, резина.

Но скажу теперь врагам,
Ненавистным дуракам:
«Фока, мученик святой»,
С гордо поднятой кормой,
Крепок! Мчится в ураганы,
Ходит в льды и океаны,
Не боится ничего...

Вечером все колонисты приехали на «Фоку» «отгостить». Мы постарались гостеприимнее встретить этих самых северных жителей. Достали все, что имелось под руками вкусного, и поднесли, конечно, водочки. Даже дамы, жены колонистов, пригубили красного винца. Граммофон, не переставая, играл самые веселые номера. Гости с особенным любопытством рассматривали наше снаряжение: одежду, спальные мешки, оружие, нарты и каяки. Все это интересовало наших гостей как предметы обихода, которые должны бы иметь и колонисты, но не имели. Особенное впечатление произвела на наших гостей легкая провизия в виде галет, пеммикана *, мясного шоколада, сухого молока. В особенности дивились гости, когда мы объяснили, что с 12 килограммами такого провианта человек может прожить в пустыне целый месяц.

В этот вечер Усов очень просил Седова взять его матросом или погонщиком собак. При всей очевидности пользы для экспедиции от человека, уже закаленного в полярных невзгодах, Седов вынужден был отказать: Усов — староста поселка, его энергией только и держатся все не на месте поставленное становище.

На следующий день при помощи колонистов мы снялись с мели, а еще через день наполнили водой цистерны и ссадили на берег ненужных людей. [8]

Мы были уже в полярной стране. Только начало сентября значилось по календарю, но не похоже было, чтоб теплые дни могли возвратиться. Только крупные камни остались незанесенными снегом. Птицы летели на юг. Береговой припай наростал. Нужно очень поторапливаться, если хочешь достичь еще далекой цели. Мы же шли слишком медленно, а непогоды поздней осени с каждым

---

* Пеммикан — сушеное мясо с примесью сала (иногда и коринки). Мы имели сушеное мясо без жиру (препарат Скорикова) в виде кусочков и порошка.

лишним днем все больше и больше тормозили движение «Фоки».

12 сентября, распрощавшись с последним населенным клочком земли, поплыли дальше. Едва мы вышли, утихшая было буря взревела вновь: не успели даже выйти из губы. Пришлось укрыться под островом Врангеля.

Летом на этом островке водится много птиц. Но в то позднее время птицы уже улетели. Наша охотничья шлюпка вернулась ни с чем. Одни чайки-бургомистры, подобно белым призракам, скользили над темной водой да чистики ныряли посредине залива. 13 сентября ветер ослабел. Ранним утром мы покинули скучную стоянку и, обогнув мыс Прокофьева, мимо пояса кипящих бурунов поплыли на север вдоль Новой Земли.

Панорамы одна другой сказочнее открываются перед путешественником, попавшим в эти места. На первом плане он видит кружево прибоя мятущихся океанских волн. Тут все кипит и клокочет. Берег — черные шиферные или диабазовые скалы, вы вспоминаете картину Беклина «Остров мертвых» — как будто оттуда сошли эти скалы. Здесь опасные места для морехода. Он старается обогнуть их подальше. Но не прибрежные скалы останавливают взгляд, не страсть и борьба волн с камнем, а покой, какой-то неземной покой там, дальше скал, где строгой линией гор оволнилось небо, где беломатовая, девственная чистота горной цепи прорезана только фиолетовыми скосами и застывшими реками голубых ледников. Туда тянется глаз и следит, как меняется панорама, как в нежном сумраке вечера-дня выделяется в подчеркнутой морем белизне вся вставшая из него земля, как за новым поворотом из-за мыса выплывает новая страна, и чудится — вы у входа в новое царство и скоро, скоро очутитесь в совсем чудесной, неземной, сказочной стране.

Это чувство сказочной недосказанности не покидает даже в то время, как, забыв о красоте, вы следите за усилением оледенения этих земель по направлению к северу.

Соседняя с Крестовой — Сюльменева губа. В северной части ее находится первый ледник, достигающий моря, первый полярного типа ледник. Далее к северу все более значительные пространства заливов заняты рваными стенами льда таких же полярных ледников. Мысы и прибреж-

ные горы высятся отдельными отграниченными громадами; горные же цепи в глубине острова рисуются мягкой, волнистой линией с редкими нарушениями ее какой-нибудь высокой горой, подобной гигантской сахарной голове. Еще дальше к северу эта волнистая линия становится все покойнее, глаже, изгибы ее плавней.

Около полуострова Адмиралтейства туман скрыл от нас берег. Мы увидели его, только пройдя остров Вильяма. На этой широте внутренняя горная цепь Новой Земли кажется плоскогорьем, занесенным снегом. Это плоскогорье не земля, а могучий ледяной покров, землей овладевший, облегший все горы ее, мощный, всепогребающий.

Вы следите за усиливающимся оледенением, и жуткое чувство овладевает душой. Вспоминаете ледниковый период: вот он здесь перед глазами. Так, много веков назад, когда надвинулись со скандинавской возвышенности на Европу льды, — так должен был выглядеть весь север СССР. Вы двигаетесь дальше к северу, и кажется, что здесь победительница — *смерть*, она торжествующим объятьем захватывает все больше и больше земли. Но это не верно.

Новая Земля не оледеневает, а освобождается от льда. Фьорд Крестовой губы совсем недавно освободился. Там все берега покрыты совсем свежими ледниковыми шрамами, наблюдатель на каждом шагу находит свежие русла глетчеров, недавно отступивших. Геолог Русанов в 1910 году нашел там два ископаемых ледника; я на следующий год отыскал еще один совсем неподалеку от колонии. Все эти признаки указывают, что процесс отступания ледников здесь, на западном побережьи, в полном ходу. Когда рассматриваешь прекрасные ледяные панорамы с палубы судна, мысль невольно переносится в недавнее прошлое Европы, а взгляд ищет близ ледяных откосов первобытного человека, нашего предка, — среди такого пейзажа жил родоначальник Европы.

Днем 14 сентября встретились льды и отвлекли внимание от прекрасных панорам. Некоторые признаки еще накануне указывали на близость пловучего льда: частые полосы тумана, большое количество чистиков, эскадры синих айсбергов, [9] откуда-то взявшихся, и резкое падение температуры воды. Ранним утром небо на севере забелело. К полудню, близ острова Вильяма, «Фока»

пересек полосу мелкого разносного льда. От острова Вильяма до Горбовых островов тянулся свободный фарватер, — мы без задержек подошли к Северному Крестовому острову, пустынному и низменному. На высшей точке его — крест. И здесь кто-то исполнил древний обычай русского севера ставить кресты на приметных местах, вместо мореходного знака или в память спасения от какой-нибудь беды. Какой горемыка зимовал на этой мерзлой земле?

Крест очень ветх, поставлен, наверное, во времена Вольного Новгорода его смелыми гражданами. Они одни в те времена промышляли у ими же открытой Новой Земли задолго до посещения ее Баренцом [10] в 1595 году. Баренц назвал этот остров Крестовым: очевидно, крест стоял уже в его время.

За островом открытая вода кончалась. С наблюдательной бочки на мачте виднелся один лед без конца. Только самый берег Новой Земли окаймлялся узкой полоской воды. Куда итти? По этому каналу на север или же на запад, огибая льды?

Большинство плававших до нас к Земле Франца-Иосифа не рекомендовали путь вблизи Новой Земли: все они находили более проходимый лед значительно западнее, около 45—46-го градуса в. д. Седов решил попытать — не будет ли в самом деле состояние льдов более благоприятным на западе.

Вот что занесено в мой дневник:

15 сентября. Мы во льдах. Весь вчерашний день шли «о кромку льда» прямо на запад. Ночью эта самая «кромка» стала очень круто и неприятно заворачивать на юг. Седов вошел в лед, чтоб «не попасть в Архангельск». Повернули на север. До сегодняшнего утра двигались знатно. Лед «парусный», легко проходимый. Паруса не роняем и режем тонкие пластины фьордового льда, как корку зрелого арбуза.

Рассвет застал нас далеко от чистого моря.

Утром уже во льдах прошли полосу воды прекрасного синего цвета. Такие же струи встречались нам несколько раз у Новой Земли, — они так не походят на обыкновенную мутно-зеленую окраску здешнего моря. Имеем полное основание думать, что эти густосиние воды — струи дальних ветвей Гольфштрема, хотя их местонахождение

совершенно не согласовалось с картой течений, изданной по работам Мурманской научно-промысловой экспедиции. Впрочем, несоответствие объясняется вполне, если вспомнить о первопричине течений: ведь они возникают и поддерживаются давлением господствующих в какой-нибудь области ветров. Бывает, течения отклоняются от обычного русла при сменах воздушных течений. А если даже ствол гнется ветром, то что можно ожидать от этих дальних, слабых ветвей. [11]

Вечером. Идем узкими каналами. Если смотреть на лед с мостика, кажется, будто кто-то начеркал чернилами линии по всем направлениям и понаставил клякс на перекрестках. Линии — это каналы, а кляксы чернильной воды — полыньи. Из наблюдательной бочки — белая площадь расширяется, но получает еще больше сходства с исчерканной бумагой.

Вид пути мало утешителен: на севере и востоке одинаково светлое «ледяное небо»*, а на западе и северо-западе — малые клочки синих пятен «водяного неба» — отражения далеких полыней и каналов.

Надежды увидеть Землю Франца-Иосифа через несколько дней начинают таять: виды на достижение ее вообще тоже не блестящи. Но падать духом еще рано. Пусть никто не достигал Земли Франца-Иосифа во второй половине сентября, пусть Пайер на «Тегетгофе» [12] вмерз в лед в это же самое время, — пока пред нами разбитый лед, нужно пробиваться до крайности.

«Фока» извивается ужом, проползая в самые узкие каналы и щели, поворачивается сразу на 180 градусов, бьет, колет и режет, — он в своей стихии. Мы «Фокой» восхищаемся, — вот настоящее ледяное судно! У него есть свои «маленькие недостатки»: ветхость и солидная течь, но их можно простить, взглянув, как он слушается руля в густом льду. Румпель вертится тогда то в одну, то в другую сторону, не переставая, как веретено хорошей пряхи.

— Право на борт, — несется с вант команда Седова; не успел румпель остановиться — новая команда:

— Лево на борт! Так держать.

— Есть, так держать! — Мы делаем невероятную из-

---

* Белый отблеск на небе — отражение льдов — носит у северных капитанов название «ледяного неба».

вилину и проходим там, где неминуемо, казалось, застрять. Удары об лед с полного хода для «Фоки» — пустяк.

Целый день шли зигзагами по приблизительному направлению на С.-З. Вечером пришлось остановиться: в сумерках здешней ночи становится уже трудно ориентироваться. Прикрепились к льдине «ледяным якорем» и заночевали.

Золотым «рериховским» освещением согреты сумерки. Контраст горячего неба и лиловых листьев льда на тепло-зеленом море поразителен. Некоторые причудливо изваянные льдины иногда останавливают взгляд и днем, а теперь, в сумерках, глыбы кажутся порождениями больной фантазии, ознобным бредом скульптора. И ничего — кроме льда, неба, моря и воздуха, прозрачного, как роса. Ни чаек, к которым уже успели привыкнуть, ни даже тюленей.

Изредка лед приходит в движение, с тихим шуршанием наползают льдины одна на другую, — даже такое движение кажется странным в этом омертвелом море.

16 сентября. В 4 часа утра я поднялся на мостик сменить Павлова. За ночь «Фока» вмерз посреди полыньи во вновь образовавшийся молодой лед. Кругом — ни клочка воды. Нужно было видеть наши вытянутые физиономии! Тронулись в путь, прорезая лед, как на ледоколе. Немного погодя подул ветерок, замерзшие каналы и полыньи стали очищаться, а мы подняли паруса. Паруса — плохие помощники во льдах такого свойства, — двигались мы очень плохо.

Лед сильно изменился, характер его совсем не тот. Похоже, что это не лед Баренцева моря, а какой-то иной, вероятнее всего, принесенный из полюсного бассейна. Льдины покрыты сугробами нетаявшего снега, морская волна едва ли касалась их непорочной белизны. Все выглядело достаточно угрожающе. Может быть, нам следовало еще с утра повернуть обратно и попытаться пробиться на север где-нибудь в другом месте, но не хотелось отступать, пока с наблюдательной бочки виднелись каналы. Через несколько часов и эти последние полосы воды стали выклиниваться. [13] Седов поднялся на бочку.

— Тут надо собак запрягать, ехать на санях, а не на пароходе!

Мы повернули на юг.

Когда выяснилась неудача, я прилег отдохнуть после утренней вахты. Сквозь сон услышал необычайное оживление на корабле, потом возбужденные крики: «Медведь, медведь, берите винтовки!»

За время моего сна «Фока» выбрался из тесного льда и пробивался уже широкими каналами между крупных ледяных полей с отдельными высокими торосами. На одном из них и увидали медведя — шагах в 500 от судна. Огромный белый медведь забрался на самую вершину тороса. Покачиваясь и важно поворачивая голову на длинной шее, он старательно тянул ноздрями воздух. Четверо выскочили с винтовками: Седов, Кушаков, штурман и я. Медведь не обнаруживал боязни, мы решили выждать, не стреляя, пока судно не подойдет ближе. Кроме Седова никто еще из державших винтовки не имел дела с медведями, — немудрено, что стрелков трепала жестокая охотничья лихорадка; когда, наконец, кто-то не выдержал, выстрелы посыпались горохом.

Медведь стоял совершенно спокойно. Он только с еще большим недоумением продолжал рассматривать странный предмет, повстречавшийся ему на пловучем льде, и с удивлением поворачивал голову за мимо летевшими пулями.

Выстрела после десятого кто-то, видно, поймал трясущуюся мушку или просто прилетела шальная пуля, — медведь как будто осел. Однако, быстро оправившись, он забрался по торосу еще выше. Спустя минуту, к величайшему нашему торжеству, получив еще пулю, зверь свалился и остался лежать без движения. Разгорячившиеся охотники продолжали стрелять.

— Будет, не стреляйте, он убит, шкуру испортим, — закричал Седов и в одну минуту с веревкой в руках по шторм-трапу спустился на первую попавшуюся льдину. Штурман, бросив винтовку, последовал за Седовым.

Я собрался было кинематографировать всю эту суматоху, но, бросив вслед убегающим взгляд, понял, что кинематографировать, пожалуй, не вполне своевременно и просто: «убитый» медведь удирал. Седов и штурман, убежав с голыми руками, теперь то приближались, то быстро отскакивали от медведя. Казалось, каждую минуту могло

случиться нечто, меняющее их положение. Во всяком случае уже в тот момент было трудно разобрать, кто за кем охотится.

В магазине моей винтовки оставалась еще пара патронов. Отставив кинематограф и спрыгнув за борт, я побежал, что было мочи, на выручку. Провалившись несколько раз сквозь рыхлый лед, я, мокрый по пояс, догнал наконец безоружных охотников.

Положение их несколько улучшилось, — медведь бросился в воду и плавал в канале. Иногда он, свирепо рыча, направлялся к нашим охотникам, тогда Седов бросал в него конец веревки, и медведь с злым шипением отплывал. Я собирался уже разрядить ружье в его треугольную голову, — Седов закричал мне:

— Снимите его, снимите же этого чорта!

Правда, со мной был карманный аппарат, а медведь выглядел так великолепно! Когда, оскалив зубы, он поворачивался к нам и высоко высовывал из воды длинную могучую шею, он казался чудовищным, — виденные в зоологических садах были не что иное, как котята пред таким экземпляром.

За время, пока я вынимал аппарат из футляра, снимал и опять прятал, медведь, видимо, пришел к заключению, что тут слишком много народу, и отплыл от нас. Я удосужился взяться за винтовку и выстрелить, когда он уплыл уже шагов на 50. Пуля ударила в шею, но не остановила. Он только тише поплыл. Я выстрелил еще раз, но промахнулся. Но первая пуля, видимо, убила медведя: его движения становились медленнее, он доплыл до небольшой льдины и скрылся за ней. Седов и штурман подбежали к этому месту, но за льдиной зверя не было. Куда он исчез,— нырнул ли под лед и не мог выбраться, или просто потонул, — для нас осталось загадкой. Увы! Веревка сиротливо волочилась по льду при нашем возвращении, а торопливый снимок медведя оказался смазанным.

17 сентября. Продолжаем итти к югу. Значительно легче, чем на север, впереди уже темное «водяное» небо, край льда недалек. Опять встретили медведя, и опять результат охоты плачевен. Седов подстрелил медведя, но этого крепкого зверя не так-то легко убить с одного выстрела. Мишка, оставляя красный след, принялся улепетывать.

«Св. Фока» во льдах

Нам следовало бы несколькими залпами если не убить, то хоть ранить посильнее. Но один «опытный зверобой» так горячо просил умерить охотничий пыл и говорил с таким жаром: «Подождите, подойдем ближе и, клянусь головой, уложим наверняка!» Совета послушались, хотя до медведя в этот момент было не больше 200 шагов. Может быть, при других обстоятельствах совет оказался бы хорошим, но «Фока» как раз задержался в одном из каналов, — медведь стал быстро отдаляться. Мы пробовали догнать раненого по льду, но, конечно, не могли, как он, в одно мгновение перелезать через высокие торосы, переплывать каналы и полыньи. Скоро мы совсем остановились перед полосой мелко-битого льда, в то время, как мишка, смело бросившись в эту кашу, нырнул, через полминуты вылез на плотный лед и заковылял дальше.

Вечером. Около сумерек высвободились из льдов и повернули вдоль их края на восток, пересекая изредка полосы блинчатого льда. К ночи погода прояснилась, побаловала тишиной. Новая Земля открылась, когда сумерки совсем сгущались, показалась тяжелой, сливающейся с небом массой.

Седов, надеясь воспользоваться свободным фарватером, виденным около Новой Земли, хочет пробиться насколько возможно дальше к северу, если бы даже и пришлось отказаться от достижения Земли Франца-Иосифа в эту навигацию. Мы идем к Новой Земле и вдоль нее на север.

Рано утром, 18 сентября, едва мы приблизились к Новой Земле, подошли с моря льды. Чтоб не быть прижатыми к берегу, нам пришлось укрыться под островами. Предыдущей ночью, сменившись с вахты в 12 часов, я еще оставался долго на палубе: в начале первого часа загорелось на небе северное сияние — первое виденное нами. Утром проснулся от тишины, сменившей привычный стук машины, скрип такелажа * и удары льдин в борта. Мы стояли у о. Берха. Впрочем, скоро загремела якорная цепь, и мы через пролив Пахтусова [14] поплыли. Все — дальше к северу — проливы были чисты.

* Такелаж — вся система мачт, снастей, блоков и тросов, поддерживающих и приводящих в движение паруса.

Мне эти места были уже знакомы, я проходил здесь в 1910 году на крейсере «Бакан», [15] охранявшем промыслы. Но тогда «Бакан» плыл в средине лета. В этот раз весь пейзаж выглядел совершенно другим. Впрочем, хорошо запоминаются в проливе Пахтусова между островами Липотина и Берха своеобразные камни на берегу Берха, похожие на окаменелых гигантов, и ледники Архангельской губы. Посмотрев попристальнее, путешественник всегда заметит и промысловую избушку норвежских промышленников на о. Б. Заячьем.

Оставив позади острова Личутина и Заячий, мы повернули ближе к берегу: всем хотелось посмотреть поближе на ледяные обрывы его, к тому же наш геолог интересовался вопросом, где находится конечная морена ледника * и какова глубина моря вблизи ледяной стены.

Какая красота! Ползет вниз по наклонной плоскости волнистый поток льда, могучая ледяная река, вся застывшая и твердая, река иногда в десяток километров шириной и много десятков метров глубиной. Достигнув моря, поток обламывается и обнаруживает стену прозрачного льда, вверху зеленоватого, ниже — голубого, а в самом низу — прекрасного синего цвета, настолько яркого и чистого, что не может быть красок для передачи его. На поверхности ледника волны; гребни их увенчаны полосами снега. Исток этой реки не виден нам, он где-то на вершинах гор, не то скрытых облаками, не то потопленных этой рекой, — мы видим только обрыв, весь изломанный, исполосованный тысячами трещин и провалов. Пади, овраги, гроты, мосты, арки, колонны и пещеры, увешанные сталакитами, — все изо льда.

Около трех часов плыл «Фока» мимо ледяной стены. В то время, как производился промер, мы то удалялись от ледяного берега, то подходили чуть не под самую стену. Тогда она начинала вырастать, быстро поднимаясь к небу. Становилось жутко: так велики оказывались голубые прозрачные скалы, и так мизерен в сравнении с ними «Фока», а склоненные, еле держащиеся колонны льда, казалось, вот-вот рухнут и раздавят в прах проползающий

* Морены — груды щебня и камней, откладываемых ледником при его движении.

мимо кораблик. Голос лотового матроса раздавался в такие минуты глухо и странно, как в подземельи; особенное, непривычно-звенящее эхо повторяло слова; все разговоры на палубе и на мостике как-то само-собой умолкали, словно им здесь не могло быть места. Мы слышали в тишине, как нечто глухо грохочет в глубине стены, изредка звенит что-то звоном лопнувшей тонкой струны, — и все еще больше задерживали дыхание, еще глуше звучал голос, выкрикивающий глубины.

Глубина моря в этом месте колебалась между 25 и 60 саженями;[16] ближе к леднику мельче, дальше — глубже.

На картах Главного гидрографического управления значился пролив между островами Панкратьева. Пролива там не оказалось, — ближайший к Новой Земле остров оказался полуостровом. Наш вождь не терял надежды воспользоваться другим, западнее лежащим проливом.

День склонялся к вечеру. Итти ночью мимо этих неисследованных берегов слишком рискованно. Войдя в пролив между Панкратьевым островом и вновь обнаруженным полуостровом, мы решили переночевать.

Никто не сходил с палубы в этот день, все продрогли и утомились. В то самое время, как мы собрались проглотить по стакану чая, сверху раздался крик: «медведи!» «Фока» только что отдал якорь, грохотала якорная цепь,— а медведи, не обращая на «Фоку» внимания, располагались на ночлег каких-нибудь метрах в 800. Один из зверей разрывал снег, повидимому, устраивая себе ложе.

О, на этот раз мы выработали точную диспозицию. Четыре охотника должны были заехать в глубокий тыл медведей с таким расчетом, чтобы согнать их под выстрелы другой партии. Торопливо спустили шлюпки, и в сгущающейся темноте отправились исполнять свои кровавые замыслы. Седову и мне не сразу удалось пристать: припай молодого блинчатого льда у берега оказался слишком тонким и не выдерживал тяжести человека. Вылезая из шлюпки, я принял хорошую ванну по пояс. Это обстоятельство послужило, пожалуй, на пользу: как я убедился тут, ледяная ванна весьма успешно излечивает охотничью лихорадку, — трудно сохранить страстное желание убить медведя, будучи закованным в ледяной компресс. А тут еще надо смотреть в оба, чтоб не провалиться с головой,

ступать непослушными членами осторожно и внимательно.

Выбравшись на лед, мы не могли рассмотреть, где медведи. Уже начали стрелять с берега — целая канонада, — а мы все еще напрягали зрение, но не видели ничего, кроме огненных полос на берегу. Вот с горы раздались крики:

— Бегите скорее к медведям, стрелять не будем!

Тут пришлось забыть на время, что лед прогибается больше, чем хотелось бы, а колени плохо гнутся. Мы побежали по указанному направлению, проваливаясь то одной, то другой ногой, и совсем скоро наткнулись на медведицу с крупным медвеженком. Он был ранен, а медведица со стонами и беспокойством ходила около него. На близком расстоянии Седов сразу покончил с медвеженком, я же двумя выстрелами убил и медведицу, убегавшую неуклюжим галопом.

Поздно вечером мы лакомились медвежьим бифштексом. Охотники получили по доброй чарке коньяку. Медвежатина имеет своеобразный запах, но это не мешает мясу быть вкусным и нежным, — таково было общее мнение.

Глава Третья

> Когда по глубине неверной
> К неведомым брегам пловец
> Спешит по дальности безбрежной...
>
> *Ломоносов*

В моем дневнике не записано ни слова с 19 по 30 сентября. А между тем в этот промежуток случилось несколько событий, оказавшихся решающими в нашей судьбе. На этот раз я вполне извиняю свое небрежение: оно происходило только от неимения времени. Иногда после почти беспрерывной суточной работы мы еле добирались до коек и засыпали в чем были, чтоб через несколько часов снова принять участие в непривычной еще многим физической работе.

После охоты 18 сентября все засиделись очень долго. Рассказывали подробности охоты, рассматривали ужасные пули «дум-дум» моего ружья, — их вынули из туши убитой медведицы в виде грибов с отколовшимися осколками. Разошлись только перед рассветом.

Утром я не слыхал ни суеты при поднятии якоря ни работы винта. Проснулся от сильного толчка, какой-то беготни и криков на палубе. «Фока» плотно уселся на мель. Я чувствовал себя несколько виноватым за свой сладкий сон. В 1910 году на «Бакане» мы сидели на мели в этом же самом проливе и на том же месте. Будь я на палубе, мог бы, вероятно, указать Седову приблизительное местонахождение мели. Накануне я, впрочем, предупреждал его о приключении «Бакана», но местности с некоторого расстояния указать не мог. Точно так же, как и «Бакан», «Фока» шел с промером и оказался на мели через несколько мгновений после крика лотового матроса: «Тридцать пронесло».

Ни Седов, ни капитан не придали большого значения

посадке на твердый, ровный грунт в почти закрытом проливе. Это, казалось, была досадная задержка на нашем пути — и только. Седов отдал приказание завезти якорь, перенести кое-какой груз на корму и, поручив дальнейшее руководство работами капитану, сам с Визе и матросом Томиссаром отправился на берег Панкратьева острова определить положение его и мели астрономическим путем.

В продолжение дня работали над освобождением. Без кипучей энергии Седова всегда как-то плохо налаживались подобные работы, а он задержался на берегу: солнце долго не давало поймать себя секстаном; только к часу дня отделилась от берега шлюпка уже при начавшемся ветре. До берега было километра четыре. Пока шлюпка прошла половину этого расстояния, ветер усилился. Нам на «Фоке» было видно, с каким трудом давался гребцам каждый метр, но шлюпка все-таки подвигалась, к трем часам ей оставалось проплыть до судна какие-нибудь две-три сотни метров. И вот в это самое время ветер вдруг, как сорвавшись, задул очень крепко, настолько, что шлюпка сразу остановилась, — видно было, как при всех усилиях она не могла сдвинуться с места.

Капитан распорядился спустить большой баркас; в него сели девять человек и поплыли на помощь. В это же самое время показались на горизонте льды и направились в пролив.

А ветер усиливался и усиливался. Когда баркас взял шлюпку на буксир, оказалось, что и девять пар рук не могут выгрести против такого ветра: он перешел в ЮЗ шторм. Льды же подходили ближе и ближе грозной и плотной чертой. Откуда так внезапно взялись они? Нужно что-то сделать. Мы выбросили с борта на длинном лине буек, сделанный наскоро из спасательного круга, но он не успел доплыть и помочь нашим. Прежде чем на баркасе заметили буек, льды окружили «Фоку». Поздно! Подтянуться, пользуясь буйком, уже не было возможности. Еще несколько минут спустя лед подхватил баркас и понес его от «Фоки» куда-то вдоль по проливу.

Думается, сам Соломон не мог бы решить, чьему положению отдать предпочтение, — оставшихся ли 5 человек на судне без шлюпок на мели во время страшного штор-

ма, среди льдов, напирающих с моря, без возможности что-нибудь предпринять для облегчения положения судна и своих унесенных льдом товарищей, или же положению находящихся в двух шлюпках без парусов, без куска хлеба в кармане, одетых по-летнему — в одни пиджачки для легкой гребли.

К одиннадцати часам льдом забит был весь пролив, шторм немного ослабел. Незадолго до полуночи около борта в темноте послышались голоса: Седов с командой добрался по льду при помощи досок и весел с баркаса, из которых делали настил там, где лед был непроходим. Шлюпка и баркас остались в полуторах километрах от «Фоки».

Шторм продолжался до вечера следующего дня. Как только он прекратился, льды слегка разошлись, а у нас закипела горячая авральная работа по снятию с мели. Каких только средств не перепробовал Седов! Работали машиной, завозили якоря простые и ледяные на стоявшие вблизи «Фоки» — тоже на мели — льдины, ставили паруса, перегружали на корму все больше груза, наконец сгрузили на льдину все бревна с палубы. Но вчерашним напором льда «Фоку» крепко вдвинуло на мель, — не помогали никакие ухищрения.

А погода становилась все холоднее и неприятнее. После шторма в затишьи повалил снег и закрыл толстым слоем всю палубу; потом поднялась вьюга и за моментом тишины — опять снег; и так — все следующие дни: очевидно, в это время здесь уже трудно ждать хороших погод. И, просыпаясь, мы видели все то же свинцовое небо, белые берега, бьющие в борт льдины да белые легкие хлопья снега, все более запушающие такелаж. Лед в проливе то сгущался, то расходился, то напирал на судно или, качаясь на волнах, колотил в борта.

Ночь на 21 сентября отличалась особенным беспокойством. Команда за день выбилась из сил на работе без всяких смен; люди буквально почти не стояли на ногах. Седов был принужден отпустить всех, кроме очередной вахты. И вот, в это самое время подошла с океана крупная зыбь, и стоящие на мели льдины принялись основательно колотить в борта «Фоки». Нам казалось тогда, что другое судно, построенное не столь прочно, выдержало бы не

больше десятка ударов подобной силы. «Фока» в эту ночь завербовал себе горячих поклонников, верных до гроба. Корпус корабля, казалось, спаялся в одно целое, — льдины, разбивавшие в щепы бревна, подвешенные на защиту бортов, не причиняли ему существенного вреда, если не считать неглубоких царапин.

Сначала удары не особенно тревожили нас. Но дело изменилось, когда подошла гигантская льдина и, остановившись на мели, принялась бить ниже ватерлинии с силой, достаточной, чтобы сдвинуть с места скалу, бить методически и настойчиво, — нам стало не по себе. Но что могли мы предпринять, кроме тех же подвесов из бревен?

Мне памятна эта ночь. Я стоял на мостике дежурным и думал о зависимости нашей от стихий и о том, как море закаляет характеры. Вот теперь судно в очень опасном положении, улучшить это положение нет средств — и что же? — все отправились спать. Но спят чутко; если их разбудят, встанут, будут делать, что нужно, готовые ко всему, а если дадут проспать положенное время, то утром примутся, как муравьи, за работу по спасению щепки, на которой живут, одинаково мало удивляясь опять-таки, если завтра придется повстречаться с новой опасностью.

А удары в борт, сопровождаемые треском дерева и отламывающегося льда, усиливались.

Вдруг после одного особенно сильного толчка наступила тишина. «Фока» поплыл: упрямая льдина столкнула его с мели.

Говорят, не нужно откладывать на завтра то, что можешь сделать сегодня, — эта пословица особенно уместна на море, а еще более в полярных странах. Нам следовало немедленно же отыскать и поднять брошенные шлюпки. Седов же, обрадованный счастливо окончившейся атакой льдины, не только пожалел будить команду, но даже отпустил спать и вахтенных матросов, — на них действительно жалко было смотреть. Вместо команды он поднял на ноги всех членов экспедиции. Они заменили матросов на руле, в кочегарке, на лебедке и у якоря. Мы сделали все нужное, чтоб перейти возможно ближе к шлюпкам и встать на якорь. Поднять же тяжелый баркас нехватило рук.

Еще во время перехода прояснилось, а утром 21 сентября температура опустилась до —13,4 Ц. Проснувшись, уви-

дели, что за ночь между «Фокой» и шлюпками набило мелкого льду, а мороз сковал его в одно целое, но непроходимое. А шлюпки нужно было достать.

Ночной отдых стоил суток беспрерывной, воистину каторжной работы. Характер льда не допускал возможности подтянуть баркас по воде, и только в некоторых местах лед выдерживал большую тяжесть баркаса. При первой же попытке баркас провалился килем. Когда наконец его высвободили и протащили с десяток метров, лед опять не выдержал, — в воду провалились и баркас и все тянувшие его. Почти весь первый день прошел в приключениях такого рода, а расстояние до «Фоки» почти не уменьшилось. Трудно протиснуться канату сквозь игольное ушко, но мы говорили: ежели придет крайность, полезешь и в ушко. Если перед вами стоит какая-нибудь задача в полярной стране, то она, вернее всего, из категории почти неисполнимых: то есть *кажется* до поры, пока вы не отделите неисполнимость от «почти» и не направите всю изобретательность и энергию к одной цели — исчерпать все возможности. Часто оказывается, что при некотором напряжении воли возможно гораздо большее, чем кажется на первый взгляд. К этой истине мы пришли не сразу. Работа с баркасом была только первым опытом пролезания в игольное ушко.

Команда «Фоки», перепробовав множество способов и промокнув до нитки, добилась-таки движения вперед. Под баркас пришлось подложить длинные жерди, на них он не так часто проваливался, но подступательное движение улучшилось только, когда с «Фоки» подали длинный трос, связанный из всех имевшихся канатов, и стали тянуть им баркас при помощи лебедки. Попрежнему лед часто оседал, а трос рвался каждые 20 минут, но все-таки этим способом утром 23 сентября баркас был доставлен на борт. Ко времени, когда кончили эту работу, лед смерзся сильнее; более легкую шлюпку доставили без затруднений.

В это время за островами плескалось свободное море. Мы могли бы смело пуститься в путь... но «нос вытащишь, хвост увязнет», — едва успели шлюпки водвориться на свое место, снова поползли по небу тучи, юго-западный ветер опять задул с силою шторма, а в пролив, как в за-

вязанный мешок, набрались льды в таком количестве, что весь пролив оказался плотно забитым ими.

Нансен говорит, что величайшая полярная добродетель — терпение. На этот раз мы упражнялись в познании ее почти три дня, пока свирепствовал шторм. Под утро 25 сентября ветер стих, с вечера была оттепель, появились между льдинами прогалины, и, хотя лед был очень тесен, «Фока» перешел в наступление: весь этот день он пролезал из полыньи в полынью, ломал, крошил, давил, но сила вражья не сдавалась, до открытой воды оставалось еще больше половины, — тут он и застрял. За ночь «Фоку» вместе со льдом продвинуло к матерому берегу. На следующее утро нам как будто повезло: открылся канал, которым мы вышли в большую полынью у полуострова Панкратьева... К сожалению, из полыньи-то выхода не оказалось. Пришлось встать на якорь и утешиться надеждой, что когда-нибудь да разойдутся льды.

Увы! В этот же вечер, как бы в ответ на наши ожидания, последовал страшный шторм со снегом и вьюгой, полынью зажало. Через сутки шторм стих. Прояснило... Но что мы увидели!

Сплошной, смерзшийся лед закрывал все проливы и бухты, только на самом горизонте за Крестовыми островами чернела полоска воды.

Мы затерты льдом.

Мороз уже несколько дней держался стойко, — не выше 8 градусов. Потом повалил густой снег.

— Зимовка?

Глава Четвертая

И сердцу рокочут приливы «спеши»
И манят свободные птицы...

Как перепутались все наши планы и предположения событиями последних недель! Как неожиданно остановились мы на полпути!

Мало удовольствия носиться с кораблем, затертым посреди открытого моря, как это было с Пайером или экипажем «Ганзы».[17] Ежеминутно ожидать гибели корабля, потерять волю и всякую возможность следовать своим планам, одну мысль лелеять — о спасении жизни, смотреть месяцами и годами на одну и ту же льдину, давая отдых глазу только видом клочка воды в редкой трещине ледяного поля, — ужасно!

На нашу долю могла бы выпасть такая участь, если б мы стали упорствовать в достижении Земли Франца-Иосифа первоначальным путем, — мы, наверное, испытали бы все приключения заключенных на судне, затертом пловучими льдинами. По книгам мы имели достаточно полное представление о жизни такого рода и решительно предпочитали не испытывать ее. Что стали бы делать на пловучем льду геолог, картографы, художник, все мы?

Но... так устроен человек. От Седова до младшего кочегара все — еще и после 28 сентября — ожидали движения вперед и всей силой желания стремились вырваться из ловушки, поставленной судьбой. Хорошо помню, как на запорошенный снегом мостик часто выбегал то тот, то другой матрос, или кочегар и, стоя на белом фоне вырезанным силуэтом, подолгу всматривался в узенькую полоску на горизонте: там маячило море. Одного сменял другой и так же надолго замирал, как будто ожидая чуда, что вот придет ближе море, и мы поплывем дальше —

Через лед и туман
К дальным горам
Земли Петерман.

Так устроен человек. Он желает в точности следовать поставленным планам, хочет, чтобы все делалось по его расчетам без задержек, не терпит их и, когда дело касается нарушения расчетов, забывает и опасность, и жизненные удобства и все на свете.

Правда, для нас остановка тут не на короткое время — не на неделю. Целый год предстояло пробыть в одном месте. Все чем мог подарить нас счастливый случай, это сокращение годового срока на два, на три месяца — не больше.

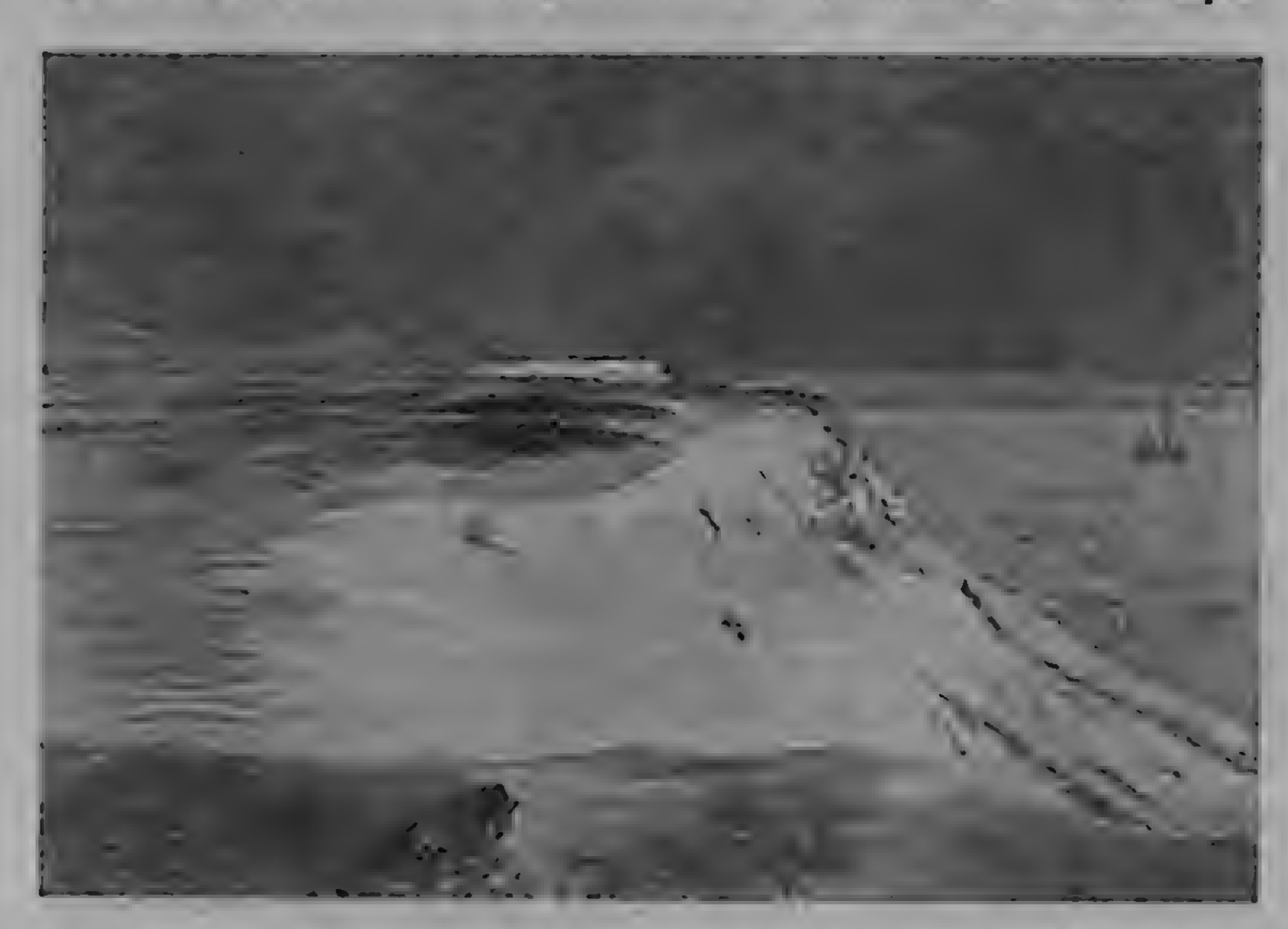
Но что же делать! Не новость, что в полярных странах очень часто приходится менять расчеты, — здесь природа еще слишком горда, она привыкла диктовать пришельцам свою волю; нужно подчиниться, чтоб настойчивостью, трудом, терпением взять свое, — в этих местах нельзя быть чрезмерно взыскательным к удаче. Вспомним хоть Свердрупа. С прекрасным снаряжением на знаменитом «Фраме» он три года простоял, почти не сходя с места, в одном из проливов северо-американского архипелага.

Лед не спаялся еще совсем, еще чернела вода в прогалинах между льдинами, ныряли там кое-какие птицы, не успевшие отростить крыльев, молодой лед еще не выдерживал тяжести человека, а в воздухе уже носилась зима. Наши прекрасные надежды стали разлетаться без остатка. Самый большой оптимист на «Фоке» — Седов. Но всякой надежде приходит конец. 28 сентября Седов приказал выпустить пары из котлов.

Итак, зимовка.

26 сентября двое — я и Павлов — довольно свободно прошли по смерзшемуся льду на берег Панкратьева полуострова. Да, — вот они, окрестности нашей первой зимовки! Обрывистый берег в двухстах метрах от «Фоки», низкий берег бухты — за кормой, длинная линия ледников Новой Земли на юге, а далеко на юго-западе высятся крутые склоны островов Берха и Личутина, правее — Южные Крестовые острова и остров Панкратьева. Мы поднялись на плоскую вершину полуострова. Там торжественный покой. Снег улежался хорошо, нога не вязнет, а

камни под коркой льда отдают синевой. Горизонт широк необычайно — обманно близкими кажутся острова и горы Новой Земли, выступающие из ледяного покрова ее, — характерные «нунатаки»*. Идеальная чистота воздуха создает этот обман. Казалось, до берега не больше сотни метров, однако, когда мы направились в глубину бухты, убедились, что расстояние не меньше километра.

Южный берег Панкратьева полуострова и бухта «Св. Фоки»

Осматривая свои новые владения, мы прошли до замерзшей речки в юго-восточном углу бухты. Там сделали важное для нас открытие: эта часть берега усеяна плавником, [18] — на «Фоке» будет тепло в эту зиму.

Каких только кусков дерева не было тут! Части кораблей, разбитых, может быть, сотни лет назад за тысячи километров отсюда или у этих же негостеприимных берегов, бревна, хорошо распиленные доски, стволы деревьев с корнями, и целые, и расщепленные о прибрежные камни,

* «Нунатаки» — эскимосское название гор, стоящих среди ледяного покрова.

истертые и поцарапанные льдом. Тут попадались и другие вещи, — стоило бы поломать голову над вопросом, как они попали сюда, если б не было доказано, что воды Гольфштрема, идя от Мексиканского залива, достигают Новой Земли.

Впоследствии среди этих естественных дровяных складов нашлось много интересных предметов, принесенных из стран, кипящих жизнью, сюда, в мертвые области, — вещей, обыденных там. Никто не обратил бы внимания на обломок доски с выжженой надписью: «1797», — очевидно год, — а здесь этот хлам, который вы сбросили бы с дороги пинком, приобретал жуткое значение тем самым, что находился здесь, заставляя много думать о нем. Теперь я не придаю своей коллекции плавника * значения большего, чем она заслуживает: это собрание доказательств далекого южного течения, доходящего до Новой Земли. Но сколько образов воссоздавал каждый из предметов на месте!

Вот блок допотопного устройства, — может быть, с каравелл самого Колумба? Может быть, блок сорван бурей с галлиота эскадры Виллоуби, [19] или с яхты Баренца? Не висел ли блок на мачте ладьи безымянного выходца с Волхова-реки от Великого Вольного Новгорода?

Какими путями приплыл женский деревянный башмачок-сандалия, на нем даже ремни сохранились. Чья маленькая смуглая ножка носила его?

Еще и еще: стеклянные шары, употребляемые вместо поплавков норвежскими промышленниками трески, обрывок спасательного пояса, бронзовый гвоздь в куске дерева, загадочный предмет, похожий на обрезок лианы, — да это все доказательства течения, пришедшего с далекого юга.

Но «юг» — понятие растяжимое. Под углом зрения положительного знания ценнее всех моих находок — находка Павлова. Несколько месяцев спустя, когда снег уже стаял, наш геолог нашел в этой же бухте шарообразный пробковый буек, опоясанный бронзовой лентой: на ней цифра 8 и надпись: «Baldwin Ziegler Expedition 1901» [20].

* Коллекция эта передана в Географический кабинет Ленинградского университета.

Очевидно цифра «8» — номер буйка. Мы надеялись, справившись в навигационном журнале этой экспедиции и узнав место, где буек выброшен, определить путь течения, принесшего буек сюда.

Пологий песчаный берег с плавником тянулся около километра и загибался к южному мысу с высоким черным столбом, который, словно палец самого дьявола, высунулся из моря. Мы прозвали этот мыс Столбовым.

За всю прогулку мы видели очень мало следов жизни; можно перечислить в двух строках: на мысе Столбовом песцы и пеструшки, мы видели только следы, и в некоторых полузамерзших лужицах ныряли в погоне за креветками маленькие люрики (Alle alle). Они отстали от родных стай, откочевавших к открытому морю и, бессильные улететь на неокрепших крыльях, осуждены были погибнуть, — лед укрепляется, через несколько дней его кольцо сомкнется. Руками мы поймали несколько экземпляров и принесли на судно вместе с вестью об изобилии топлива.

Зимовка... Когда-то люди с ужасом думали о зимовке в полярных областях. Перечитывая, например, Кэна, [21] заражаешься его чувством беспомощности перед долгой ночью, стужей и холодом: ведь он-то почти не имел позади себя опыта других, он не знал, как жить, что делать для предохранения себя от несчастий, выпавших на его долю. Теперь на крайнем севере СССР живут круглый год тысячи людей в культурной обстановке. Поэтому теперь читаешь книгу Кэна с чувством, подобным удивлению, с каким приходилось мне останавливаться около хижины бедняка-корейца и смотреть, как он толчет в ступе горсточку чумизных зерен, не подозревая нимало о существовании могучих электрических мельниц, способных весь урожай его поля смолоть в несколько секунд.

Да, теперь, сидя в кабинете, вы делаете выборки из книг опытных полярных путешественников, заказываете нужное снаряжение, телеграфируете о приборах, инструментах и оружии. К вашим услугам — если вы имеете достаточно денег — все. Построят прекрасное судно и предоставят все, что может спасти от чувства беспомощности... не дадут разве только сильного и прекрас-

ного духа, каким обладал Кэн, ни его воли, побеждавшей природу с голыми руками.

Здесь уместно сказать, с каким багажом прибыли на север мы. Провианта на «Фоке» имелось на три года, с топливом обстояло не столь благополучно. После месячного плавания под парами каменного угля осталось только двадцать пять тонн — на пять суток хода. К счастью, мы могли не расходовать угля на отопление, находка плавника избавила нас от того. Я не склонен перечислять, что было погружено в трюмы «Фоки» и чего нехватало. Думаю, что читатель не посетует на меня и в конце моего повествования сам составит достаточное полное представление о наших богатствах и прорехах. Одно могу добавить: как-никак мы снаряжались не во времена Кэна, но в двадцатом столетии; как ни бедно была снаряжена наша экспедиция по сравнению с несколькими предыдущими американскими экспедициями, ее снаряжение значительно выше того минимума, с которым славные исследователи,—Врангель, [22] Прончищев, [23] Лаптевы,[24] Челюскин,[25] Пахтусов, Циволька [26] и все участники Великой русской экспедиции—делали свое дело. Со скудным провиантом, с несовершенными инструментами они исполнили большую работу. Если б нам удалось так же плодотворно использовать свои запасы!

«Фока» — старое сухое судно, приспособленное Мурманской научно-промысловой экспедицией для жизни и научной работы. Кроме жилых кают, каждый из членов нашей экспедиции имел еще и кабинет для работ, а с находкой такого количества дерева на берегу можно быть покойным, что не придется мерзнуть подобно несчастному Кэну. Пища наша, быть может, не столь разнообразная,[27] как у других, отличалась обилием и питательностью.

Из разных родов одежды, применяющейся на севере, Седов выбрал русские полушубки, валенки, самоедские малицы и совики *, кроме них было несколько пар костюмов, сшитых по образцу эскимосских. Насколько все они будут удовлетворять, предстояло испытать на деле.

Что же еще? Устроить как можно уютней и теплей

* Малица — самоедская одежда в виде рубахи из оленьего меха волосом внутрь. Совик — верхняя одежда, покроя, похожего на малицу, но волосом наружу.

На палубе «Фоки» в начале зимовки

свое жилище да начинать жить здесь до поры, когда разойдутся льды, — тогда отправимся дальше.

В каютах почувствовалась некоторая прохлада, едва только прекратилась подача пара в трубы отопления; итак, первое — нужно поспешить с установкой печей. У нас были с собой хорошие чугунные печи, приспособленные и для угля и для дров. Борта «Фоки» казались надежными, но верхняя палуба должна была пропускать холод. Поверх палубы насыпали толстый слой земли и закрыли досками кап *. Одну из дверей, ведущих на палубу, плотно законопатили и запечатали, прибив сверх войлока доски; другую обили войлоком. Трубы и вентиляторы накрыли брезентом, над трюмами возвели надстроечки, чтоб, доставая нужное, не открывать каждый раз тяжелых люков. Наконец, построили сходни на лед.

---

* Кап — заграждение люка, пропускающего свет.

После таких приготовлений «Фока» сразу приобрел вид бывалого полярного судна.

Разместившись окончательно по каютам и кабинетам, сообща принялись за устройство кают-компании. У наиболее сухой стены поставили пианино и граммофон, на самодельных полках разместили библиотеку, по стенам повесили эстампы и некоторые из сделанных мною фотографий. 3 октября общие приготовления к зимовке закончились. По сему случаю состоялось даже празднество с чтением приказа начальника экспедиции, с его речью. Приказом время распределялось по-новому. Некоторые получили к своим прямым обязанностям новые: Визе был назначен заведывать библиотекой, Кушаков — хозяйственной частью, я был назначен помощником Визе по метеорологической части и заместителем его во время отлучек. Зандер вместе с обязанностями пожарного инспектора получил заботу о печах.

Более изысканный обед, продолжительное концертное отделение с солистами-исполнителями на пианино, пианоле и «на граммофоне», карты и шахматы закончили этот первый наш полярный праздник.

Зимовка началась.

Глава Пятая

> ...То были поэмы, как мост, перекинутые от Жизни к Смерти, смутно в воздухе ночи навеянные, неухваченные, незаписанные...
>
> *Уот Уитмен*

Как спешат морозы! Давно ли вольный ветер наполнял паруса, давно ли чайки кружились вокруг «Фоки», а прошло полторы-две недели, и вот здесь суровая зима, как на родине в декабре. Мы ходим по льду, как по земле, и даже собираемся отправиться по нему в далекое путешествие.

Да, 4 октября мы отправились по льду на остров Берха, — нужно было поставить там «гурии» [28] — приметные точки для мензульной съемки всей группы островов и земель, окружавших нас. Как смеялись мы год спустя над своим первым санным путешествием. Путешествовать вместе с авторами книг казалось так просто! Впрочем, мы находили некоторые оправдания своей неудаче. В самом деле: многие из вещей, необходимых для санного путешествия, как, например, палатки и керосиновые кухни, не были еще распакованы и покоились в глубине трюмов, ни одна из собак еще не приучилась ходить в запряжке того рода, который собирался применить Седов, да и сбруйки еще не были готовы. Эта экскурсия интересна только как первое столкновение с полярной природой. Но работали-то мы все добросовестно. В своей записной книжке я нахожу длинные описания, как выбивались из сил пять человек, проходя в сутки по пяти километров. Сократив эти записи, я переношу их для наглядности сюда.

4 октября. Вышли в 10 утра. Ясно, слабый северный ветерок при —15° Ц. С нами одни сани, груженные досками для большого знака на Берхе и провизия. Лед вблизи «Фоки» ровен, но только вблизи. Чем дальше,

все больше торосов и айсбергов — и в одиночку и сплошными нагромождениями. Нужно обладать большим воображением, чтобы сравнить с чем-нибудь формы льдин, — так неожиданно прихотливы их изломы, так не походят ни на что виденное раньше. Но красивы, бесспорно, мерцание искр в изломах, зеленые тени в трещинах между пятнами прилипшего снега и густота голубых теней в неосвещенной солнцем стороне. Впрочем, любоваться трудно и некогда. Тяжело груженные сани двигаются с трудом, а путь — зигзагами, петлями: не легко найти проходимое место среди торосов. На ровном льду сани тащат Катарин, Лебедев и Юган Томиссар.

Юган — эстонец, бывший военный матрос, фигура крепкая, мощная и мрачная; когда ему «попадаит сюда» — восторженная. Еще: он любит «передернуть» в работе и потому часто служит мишенью насмешек товарищей. Но, кажется, он просто не может делать чего-нибудь, не пуская в ход всей своей могучей силы, как машина, рассчитанная на большую нагрузку. Вот сани встали, упершись в подъем снежной волны, Юган командует хриплым голосом:

— А ну, пыры! («бери» — на его жаргоне), — сам же держит постромку так, чтоб только не провешивалась.

— Ой, раз ешчо! — Сани, разумеется, ни с места. Юган оглядывается, решает, что без его усилия не обойтись, скорбно вздыхает и, рыча что-то вроде «урр-уп», наваливается. Сани выскакивают и скользят в сопровождении крепкосоленого слова.

С полудня мы забрались в почти непроходимые торосы. Нарта встала. Не помогало даже могучее Юганово «уррул». Дело дошло до топора. Принялись за расчистку пути. Один находил дорогу, другой орудовал топором, а остальные тащили сани. Сани перевертываются, шнуровка развязывается, все вещи вываливаются. Все это задерживает чрезвычайно, а мы собирались в один день пройти все тридцать километров до Берха.

В половине пятого солнце зашло, начало темнеть, а мы были не дальше 5—6 километров от корабля. Оставалась надежда, что не все же время будут на пути такие отвратительные валы и россыпи льда. Но новые горы вставали на пути, а с них виднелись дальше бесконечные

торосы без метра ровной поверхности. Надеясь воспользоваться куском земли между двумя ледниками, мы свернули к берегу Новой Земли.

В семь часов стемнело; до берега не дошли. Расположились на ночлег. Под высокой льдиной выкопали яму, обложили ее по бокам снегом в защиту от ветра.

На ходу в работе скорее жарко, чем холодно. На остановке же сразу почувствовалось, что мороз велик, а нужно еще отдохнуть и поесть.

Для холодного ужина открыли несколько банок консервов.

— Вот это прелестно — ужин под 75-м градусом, на белоснежной скатерти, — острил Павлов, свирепо вспарывая свою жестянку мясного консерва.

— Что же это такое? Аммонит, белемнит или другая окаменелость?

Достали сухари и масло. Сухари, как сухари, а масло — тоже нечто геологическое, — нож не берет. Пожертвовали одной доской, развели огонь и разогрели на нем свой каменный ужин.

Моя малица короче, а ноги длиннее, чем у других, я долго не мог спрятать их под мех, но, наконец, уснул и я.

Проснулся от холода, забравшегося под подол малицы. Встал размять затекшую руку и выкурить трубку. Темная ночь. Одни звезды смотрят сквозь призрачную ткань северного сияния. Нагромождены торосы, айсберги; славный грохот был наверное при их рождении, но теперь-то — мертвая тишина. И вот, под одним торосом лежат, свернувшись в клубок, несколько существ, — такой чуждый этой пустыне комочек, — четыре человека. Такими же пятнышками темнеют увязавшиеся за нами собаки. Тоже лежат, медленно согревая и вытаивая снег. Другие расположились на ногах людей — их не гонят: тепло дорого. Жалкая картина и торжественная.

Ложусь снова и подзываю собаку. Умный пес устраивается на моих ногах. Мы засыпаем.

В седьмом часу стало светать. Трудно подниматься. Не хочется покидать теплую малицу и сразу — на мороз. Нужно. Как всегда, оказывается, трудно только решиться, — дальше не так страшно. Да, одно-два движения, и малица позабыта до вечера.

У ледника

В десять часов выступаем дальше. Ах, мы целых три часа убили на приготовление пищи и неумелое завязывание нарты!

Весь день шли около ледника профессора Попова, вдоль которого плыл «Фока» 18 сентября. Чем ближе, тем красивее этот гигант. Я приближался к нему метров на тридцать. Сегодня мороз усилился, и гигант, сжимаясь от холода как живой, хрустит и трещит.

Внезапно у моих ног проползает черная змея. Трещина! Быстро оборачиваюсь и вижу метрах в четырехстах облако, туманом охватившее пройденную часть ледника. Спустя секунду доносится грохот, как пушечный залп. Какая-то глыба в несколько десятков тонн сорвалась с сорокаметровой высоты, грохнувшись, разбила морской лед и подняла облако мелкой ледяной пыли. Вокруг меня с треском и шипением ломается лед, стреляют трещины и расходятся каналы. Внушительно: назад!

А легкомыслие художника толкает вперед. Вперед! Подхожу еще ближе — настолько, что ясно различаю годовые слои на темносиней стене прозрачного льда, слы-

шу шумы, беспрерывный треск, то, как колокольчики, катясь зазвенят, то громкий звук, как от падения звонкой, сухой доски, то угрожающий неясный гул далекого обвала внутри. Опять столб ледяной пыли и грохот. Уходи — это заколдованная крепость!

Ночь провели на морене ледника. Утром 6 октября, истратив последнее топливо, решили возвратиться на судно: провизия была на исходе, а мы не сделали и половины пути, дорога же не обещала быть лучшей. Пришлось сознаться, что снарядились торопливо и легкомысленно. Что, если бы поднялась буря с вьюгой? К счастью, погода стояла ясная, почти безветрие, но мороз увеличивался с каждым днем. Одежда пропиталась испарениями тела и оледенела, впрочем, это не очень беспокоило. Рукам, например, на-ходу тепло, но стоит снять рукавицу, чтоб поправить ремни на лыжах, чувствуется, когда ее наденешь вновь, что мех внутри успел смерзнуться в комок.[29]

В семь часов вечера того же дня мы были на «Фоке» —

Ледник в заливе Седова

по проторенному пути дорога легче. Пришли в самое время: ночью поднялась злая вьюга, ветер доходил до 20 метров в секунду. Хороши бы мы были без палатки и горячей пищи в такую погоду!

На «Фоке» за время нашего отсутствия жизнь установилась, мы пришли действительно «домой». Плотники закончили прочные сходни на лед. От сходен побежали тропинки в разные стороны: одна — к «колодцу», т. е. айсбергу, за кормой, с которого кололи лед для питьевой воды, другая тропа, обогнув корму, протянулась до метеорологической станции, третья поползла на гору к геотермической станции. Над палубой протянулись веревки с бельем. Повар Иван с подоткнутым фартуком бегает в трюм, спотыкаясь о всюду шныряющих собак. Слышится стук топора и пение — кто-то, сидя на борту, укладывает на зиму снасти и мурлычет:

Ты зачем ухо-о-дишь,
Зачем уезжаешь
На чужу на дальню-ю-ю
Да сторо-о-о-нку-у-у.

Да, как будто бы там, на далекой родине, если закрыть глаза и прислушаться.

А откроешь... вокруг ледяное, как вспаханное, поле, стоит корабль с запушенными мечтами, слабо мерцает огонек в иллюминаторе, высокие мачты тянут взор к небу, а там над верхушками их ворошится бледными лучами северное сияние.

И внутри корабля, в тесных каютах, установилась жизнь. Каждое утро, просыпаясь, всякий принимается за свою работу. Много страниц моего дневника посвящено совершенно новым условиям работы и усилиям, какие приходилось затрачивать, чтоб добиться удовлетворительных результатов, — всякий успех здесь труден. Нахожу описания, каких хлопот потребовала установка метеорологической станции согласно требованиям науки, сколько забот доставили нам первые наблюдения, как упрямо и настойчиво боролись наблюдатели со снежной пылью, раздробленной на мельчайшие частицы и проникавшей, казалось бы, в совершенно закрытые части самопишущих приборов — термографов и гигрографов, как

трудно было наладить правильную работу этих инструментов и приспособиться к перемене лент на морозе и в бурю.[30] Обыкновенный дождемер-измеритель атмосферных осадков – простой до смешного прибор, открытый в верхней части металлический конус, — и тот доставил хлопот на несколько месяцев. По его милости выросли сложные постройки на льду, сначала из дерева, потом из снега — все с целью помешать ветру выдувать из

Метеорологическая станция в бухте «Св. Фоки»

дождемера его содержимое. Не мало трудов стоило установить правильные наблюдения над морскими приливами.[31] Пришлось изобретать способы, предохраняющие прорубь от замерзания, заносов и оледенения приборов. Всякая работа на холоде и ветрах выросла в сложное предприятие. Нахожу в дневнике свежую запись рассказа Седова, как он в первый раз делал астрономические определения долготы при ветре и сравнительно низкой температуре,— такие наблюдения нашим геодезистам приходилось делать постоянно.

«— Вот влезли мы на гору к астрономическому пункту. Максимыч запыхался, я же подбадриваю — не отставать,

планету прозеваем. А от него пар, как из бани. На горе сразу охладило — такое там хорошее течение воздушное. Поставили искусственный горизонт на табурет и ждем. По альманаху — через десять минут можно бы и начать, а тут тучка, за ней другая, — звезды не видно. И так больше получаса. Как, говорю, Николай Максимович? А он уже закуржевел. «Нет, нет, ничего», говорит, а зубы-то оскаливаются. Наконец, ушла эта тучка, я прицелился в Юпитера. И вот, смотрю, смотрю, вместо звезд — шлепки какие-то неясные. В чем дело? Подумал, объектив не тот, — нет, все как следует. Посмотрел еще, — вот какое дело-то! Я близко держал инструмент, и, наверное, от испарений тела стекло объектива замерзло как окошко. А я Максимычу — это вы, Николай Максимыч, такого пару развели? А он что-то уж чуть слышно бормочет: «Поскорей бы начинать, что ли, а то, — говорит, — ртутный горизонт замерзнет». И рука с хронометром, вижу, дрожит. Снял я перчатку и начал. Повернул потом инструмент к фонарю, взглянул на лимб. Что-то пальцам уж очень больно. Посмотрел на пальцы и вижу — кровь. Кожа примерзла к микрометрическому винту, да там и осталась. Э, думаю, так на десять высот пяти пальцев нехватит? Погрел другой рукой винты. Две высоты взял благополучно, на третьей опять прихватило. Говорю Максимычу отсчет, а сам — руку под рубашку. А Максимыч побелел весь и, еле-еле карандаш держа, градусы и минуты выводит. «Гггео-ррр-гий Яковлевич, — спрашивает, — много ли высот еще бу-дд-ем б-ррр-р-ать?» Еще штук шесть-семь, говорю... Ну, зато мы хорошо назад бежали!»

8 октября. Штиль. Ясно. Сегодня написал еще этюд. Краски стынут угнетающе. Перетер их с нефтью — несколько помогает. После экскурсии мне легче работать: не так быстро стынут руки, приобрел тренировку. Сегодня писал два часа при 15 градусах без перчатки. Седов целый день провел за магнитными наблюдениями на мысе Астрономическом.

9 октября. Утром оттепель, — 8° Ц. Слабый ветерок с ВЮВ. С утра начал писать этюд вблизи судна, но пошел снег, позже поднялась вьюга; пришлось заняться проявлением. Цветные фотографии вышли удачно, но в

обыкновенной я все еще допускаю передержки, хотя выдержку уменьшил до одной тридцатой части нормальной. Возвратился из экскурсии Кушаков, он вместе с Николаем Макисмовичем ходил на охоту к острову Панкратьева. Охотники видели множество медвежьих следов, а один мишка подошел даже к самой палатке, но Кушаков побоялся стрелять: около медведя вертелась собака «Варнак».

11 октября. — 14,8° Ц. Умеренный северный ветер. Вчера Седов и я пробовали на собаках новую упряжь. Седов боялся, что приученные к самоедской упряжи не пойдут в нашей, похожей на восточно-сибирскую. Некоторые собаки тянули, но с большинством, повидимому, придется позаниматься.

При пробе же начало выясняться нечто невероятное. Взятые в Архангельске собаки не годятся никуда. По всей видимости, всякая упряжь для них такая же новость, как если бы вместо хомутиков и постромок их одели бы во фраки. Эти Шарики и Жучки не только не тянули саней, а просто мешали. С полным непониманием, что мы хотим делать, псы покорно позволяли запрячь себя, даже с некоторым любопытством обнюхивали шлейки, недоуменно помахивая хвостами. Но как только дело коснулось того, чтоб везти, началась потеха. В упряжке стояли белые сибирские собаки и пестрые архангельские. Седов сел на нарту и закричал:

— Пр-р-р-р!

Большинство белых собак при этом звуке поднялось, а некоторые даже сделали попытку тронуть сани с места. Но все остальные, как и раньше, лежали на снегу в полной безмятежности, очевидно, полагая, что ежели привязана, так и лежи, не сходи с места, покуда хозяин не отвяжет. Я пробовал тянуть передних сибирских, чтоб сдвинуть с места остальных. Мы думали: может быть, собаки в незнакомой упряжи не понимают, что от них хотят, но как только заметят, что другие работают, вспомнят и они. Не тут-то было! Я тянул как паровоз, тянули и белые, но все эти дворняги и не думали помочь. Они просто улеглись, как будто бы вся суматоха их совсем не касалась, и бороздили снег, отнюдь не понимая, что такое происходит. Некоторые, впрочем, проявляли не-

которую самодеятельность: изо всех сил упирались. Мы до тех пор не добились движения нарты вперед, пока не выпрягли всех этих саботажников. Пока что избегаем думать, что все это значит. Одно не оставляет места сомнению: эти собаки никогда не ходили в упряжи.

Вечером сильный шторм с юго-запада. Вьюга. У нас тепло и уютно. Мы стоим в месте, безопасном от напора льдов. «Фока» — старое и сухое судно, в каютах 15 — 16° Реомюра. Правда, морозы еще не велики. Но при 17 — 22° Ц на воздухе, когда дует ветер, достаточно холодно.

Архангельская дворняжка и сибирская лайка «Варнак»

12 октября. Весь день посыпает мягкий снежок, заваливает выдающиеся льдины. Оттепель доходила до —1,5° Ц. Появились полыньи. Под вечер я отправился на лыжах вдоль берега по мягкому шуршащему снегу в сторону моря. Нежна белая мгла. Через нее еле заметны темные части берега — с трудом сохраняешь направление. В 3 часа уже темнело. Здешние сумерки долги, света было бы достаточно, чтобы различить дорогу, но полное отсутствие теней сбивает. В общем не видишь ничего. Кажется, ровное место, даешь свободу бегу — и вдруг перед ногами обрыв: незаметно вбежал на высокий торос. Или впереди встала огромная глыба, присмотришься — она просто осколочек льда у самого конца лыж.

Но как хорошо по мягкому снегу бежать, не зная куда, мимо серо-голубых белесых пятен торосов на берег, опять на лед и дальше в серую мглу и молчание. Остановишься. Ни звука. Во время одной остановки послышались как будто шаги. Прислушался. Кто бы мог здесь ходить? Разве медведь? Ясно, отчетливо звучало в тишине: топ, топ, топ—где-то далеко. Нет, не далеко. Это совсем близко. Да, где-то здесь. И внезапно понимаю, что слышу вне, как бьется мое собственное сердце. И вдруг пугаюсь. Что в этой тишине слышно биение его, как нечто постороннее, что не во мне тот звук, что страшно одинок он.

А тишина льется в уши, ни с чем не сравнимая тишина. Тишина и в глазах от ровного, мягкого, гаснущего света, от молочной мглы и отсутствия теней и красок. О, если бы не одинокое сердце, с его напоминанием, кажется, сам бы растворился бесследно в этой тиши!

13 октября. Успех в дрессировке собак. Вместе с Седовым прокатились от берега до «Фоки». Расстояние около километра. Или мы не умеем выбирать хорошего передового, или такого нет вообще, но управлять запряжкой мы еще не можем. От судна собаки не бегут иначе, как на поводу. Но обратно — полным ходом. В один из таких рейсов нарта налетела с полного хода на какую-то льдину, пассажиры посыпались с нее, запряжка же, сопровождаемая стаей свободных собак, подвывающих всеми голосами, понеслась дальше, как будто ничего не случилось. У судна всю эту компанию встретила стайка драчунов. Поднялась грызня и свалка, такая, что, добежав, мы не знали, с какого конца подойти разнимать. Пока колотили с края озверевших, псы успели разорвать какую-то слабенькую. Отняли еле живой.

15 октября. Вчера Седов ездил в первый раз на собаках далеко на съемку. Сегодня прекрасная погода, легкий морозец 20 — 22° Ц. Солнце в кругах. Утром я вышел на работу. Солнце и в полдень стоит уже низко, его косые лучи могут только освещать, но не греть. И освещают-то не все. Только отвесные берега и склоны получают прямые лучи, вся же площадь льда в заливе подернута скользящим светом. В десятом часу в это время года первые лучи солнца. Такелаж, паруса, вывешенные на просушку, мачты «Фоки» — все горело оранжевым

огнем и бросало резкую тень на береговой откос, когда я начал подниматься в гору.

Подъем стал нелегок; снег крепко прибит последними бурями; приходится выбивать ступени лыжной палкой, если не хочешь съехать вниз. На верху обрыва дорогу преграждает лавина снега, нависшая грибом, — нужно, как кроту, прокапывать лаз. Как хорошо вверху!

Вся бухта с «Фокой» как на ладони. Люди копошатся. У метеорологической станции, в двухстах метрах от «Фоки», наблюдатель,— он обходит будки. Черной ниточкой ползет по снегу нарта Седова и крошкой-мушкой движется у Столбового наш геолог — пошел добывать ископаемых.

С пяти часов прекрасное северное сияние; его увидал Седов, вышедший взять секстантом несколько высот Марса.

Началось серебристо-голубой полосой на северо-западе. Она поплыла по небу, поднимаясь, разгораясь и изменяясь. Вот изогнутая лента, а вот тончайший занавес из света. Он торжественно плывет, пересекая звездные пути, то растет, то тает, то загорится на сгибе зеленым лучом, то сверкнет тонкими яркими нитями на несколько мгновений, то соберется частыми складками в самый зенит и развернется от горизонта до горизонта. Следишь за всеми превращениями и не заметишь сразу: в другой части неба — новое пятно. Оно быстро растет и пухнет и как-то сразу оказывается не пятном, а таким же занавесом. Плывут рядом. Темное небо, тишина ненарушимая, неземная. Поднимаются в вышину мачты: они — нечто реальное, действительность, их можно осязать. Но то, на чем они рисуются, то — сказка, неосязаемый сон с чудесными превращениями, загадка. И бесполезно писать красками — изделиями человеческих рук — эти сонные грезы земли. Видевшим эту красоту ничто не прибавится, а незнакомым покажется картина такой чуждой и непонятной, как пейзаж чужой планеты, как страница поэзии селенитов.

Сияние длилось часы. Я долго стоял, мерз, рисовал. Но нужно же когда-нибудь уйти! Только собрался — небо опять загорелось. Одна из занавесей стала вбирать в себя все остальные, как речная стрежь тянет к себе береговые струи. Собрав свет воедино, занавес начал

пляску между звезд. Родилось представление, что в голубом эфире кто-то трясет огромную ленту, или вымпел, а он чудесным дрожанием мнется, расправляется и играет разноцветно. Только верхняя часть попрежнему серебряно-голуба, вся остальная ткань из золота, а нижний край отторочен пурпуром. Еще мгновение, вымпела нет, он собрался в зените густыми складками и брызнул книзу снопами огней, оранжевых, красных, зеленых. Чудесный, волшебный фейерверк! Потом потухло все. И снова загорелась лента, другая, третья. Всю долгую ночь играли сполохи, небо то потухало, то разгоралось. Лед и снег отражали свет, темнели, светлели, потухали совсем, как будто кто-то неведомый навел прожектор и убрал его прочь, не находя ничего в этой пустыне.

Глава Шестая

...и тамо тьма стоит, что гора темная;
издали поверх тьмы тоя видеть горы снежные
в красной день...

Из русского сказания начала XVII века

Сразу после начала зимовки Седов принялся за подробную (мензульную) съемку окрестностей, а для определения широты и долготы произвел совместно с Визе ряд астрономических наблюдений. К началу октября на планшете стали вырисовываться общие очертания берегов и выдающихся гор; астрономические же наблюдения показали местонахождение «Фоки» с точностью до нескольких секунд.[32] Вот тут и оказалось нечто, заставившее наших картографов призадуматься. С прежними картами новая совсем не вязалась: выходило, что «Фока» стоит не у берега, а далеко в море. Надеяться на точность карт в этих совсем неисследованных местностях наивно. Откуда взяться точным картам, если известны наперечет все посетившие эти берега? Седов не задумался бы сразу утверждать, что берег Новой Земли нанесен на карту в этих местах неправильно, но нашего вождя смущало одно обстоятельство: он знал, что карты этих местностей составлены по работам известного Литке[33] и Пахтусова,— Седов привык относиться с величайшим уважением и доверием к трудам этих выдающихся и добросовестнейших путешественников. Как могли они ошибиться? Может быть, Пахтусову, потерявшему судно у мыса Крушения на о. Берха, не было времени произвести астрономические наблюдения? Может быть и Литке, встречая около этих мест льды и туманы, тоже не сделал точных наблюдений?

Все эти вопросы можно было выяснить, имея в руках

подлинники работ Пахтусова и Литке после возвращения домой, но не на «Фоке», а между тем вопрос был важный — об исправлении крупнейших ошибок, допустимых разве только на средневековых картах. Выходило, что наша карта будет совершенно *новой*, с очертаниями берега, почти не напоминающими прежние.

Желая выяснить, как далеко к югу берег нанесен на карту неправильно, Седов попросил Визе определить астрономически несколько точек между нашим становищем и полуостровом Адмиралтейства. Визе вышел 17 октября с неразлучным другом Павловым и матросом Шестаковым. Первое серьезное санное путешествие, первая проба собак на дальнее расстояние. Визе рассчитывал дойти до самого полуострова Адмиралтейства, если только льды на юге не отодвинулись от берегов.

По журналу экспедиции можно день за днем проследить всю ее жизнь во время зимовки. Убийственно скучная книга этот журнал! На самом деле мы не очень скучали; шла постоянно размеренная работа, нас она интересовала. Рассказывать о ней?.. Развлечения же всегда можно найти. Человек, склонный к веселью, может смеяться, глядя на собственный палец. И у нас в дополнение к работе бывали маленькие приключения, несколько оживлявшие однообразную жизнь. Беру из дневника одно: оно, по свойственной русским охоте посмеяться над несчастием товарища, порядочно потешило всех.

«Седов, разъезжая на собаках, продолжал съемку окрестностей. Один раз, вернувшись с работ, он рассказал, что в полынье пролива, где мы сидели на мели, много молодых гаг, не умеющих летать. Седов не захватил с собой дробового ружья и не мог поохотиться; он предложил имеющим время заняться пополнением мясных запасов.

«Ехать вызвался Кушаков. На другой день он привез только несколько гаг: без каяка охотник не мог собрать всех убитых. В следующее утро Кушаков отправился снова и уговорил меня взять кинематограф, чтоб снять гаг на ленту. Поехали. В большой полынье, образовавшейся от быстрого течения, устремляющегося в узкое место пролива, плавали молодые, неумеющие летать гаги.

«Кушаков снял с саней каяк, но призадумался — как

сесть в эту верткую посудину? Он ни разу не плавал в каяке. Позвал матроса:

«— Подведи каяк к краю льда и держи, а я влезу, — тогда отпустишь!

«Со мною не было ружья. Я устанавливал своего «Патэ», чтоб снять гаг, когда они, испуганные выстрелами, подплывут ближе. Приготовил аппарат и, занятый всецело им, заметил в окошечке видоискателя, что Кушаков, попробовав сесть со льда, побоялся: слишком неустойчив каяк. Решил сначала усесться в каяк, полувытащенный на лед:

«— Так вот, ты держи, а я сяду. Когда сяду, подтолкни, — я и поплыву!

«В видоискателе две человеческие фигуры на краю льда выглядели очень красиво, тут же лежала кучка запряженных собак, — мне показалось интересным запечатлеть картинку нашей жизни. Я стал вращать ручку аппарата. В это же время Кушаков скомандовал:

«— Давай, вперед!

Матрос осторожно подвел каяк и спустил его на воду. Красиво заволновалась вода, качнулся каяк, залаяли собаки, и...

«— А-а-а-й!

«Наш охотник, покачнувшись, опрокинулся вместе с каяком да так и лежал на боку.

«А мне уже не хотелось остановить съемку, я пропускал пленку метр за метром, а она бесстрастно снимала, как при помощи матроса охотник выбрался, мокрый как тюлень, и принялся отряхиваться, разбрызгивая воду фонтанами. Нам пришлось поделиться с мореплавателем бывшей на себе одеждой. Домой мы торопились все: температура держалась ниже 24 градусов, а проехать нужно около девяти километров».

Гаги, виденные в проливе, — последние живые существа, замеченные в окрестностях зимовки. До марта — как вымерло кругом. Впрочем, один раз на прогулке далеко от корабля я заметил какую-то серую фигуру среди таких же серых камней на склоне горы. При моем приближении она раскрыла широкие крылья и бесшумно улетела. Я успел рассмотреть ее, — это была полярная сова (Nyctea nyctea).

Визе и Павлов вернулись 28 октября. Задача, возложенная на Визе, оказалась в это время неисполнимой. Экскурсанты прошли на юг всего сорок два километра. Дорога оказалась худшей, чем в первую экскурсию. Недалеко от Архангельской губы путешественников застала в пути вьюга. Короткий день кончился, было совсем темно. Выбрав ровное место, поставив палатку, поужинали, уснули. Среди ночи почувствовалась какая-то влажность. Сначала на нее не обратили внимания. Однако, наступил момент, когда стало очевидным, что молодой лед не выдержал тяжести и прогнулся. Палатка стояла у самого берега, пологого и песчаного, глубина в том месте была ничтожна, но достаточна, чтоб все вещи подмокли. Берег изобиловал плавником, одежду скоро высушили, но с провизией ничего сделать было нельзя: бедняги всю дорогу питались солеными сухарями, солененьким шоколадом, пили чай с солено-сладкой массой, заедали его соленым же раскисшим печеньем.

Через три дня после возвращения путников солнце покинуло нас. По вычислениям, оно должно было показаться в последний раз 31 октября, но в дни около этого числа небо держалось закрытым облаками, мы простились с солнцем раньше.

Надвигалась полярная ночь. Впереди почти сто дней сплошной ночи, трескучих морозов и бурь. Бури, действительно, как будто поджидали исчезновения солнца, чтоб со всею силой обрушиться на беззащитные пустыни. С первым из зимних штормов, со свирепым ураганом, четверым — мне, Павлову, Пустошному и Шестакову,— пришлось познакомиться очень близко. Мы были застигнуты бурей в палатке. Вышло так: Павлову для определения скорости течения здешних ледников понадобилось поставить знаки поперек ближайшего ледника «Таисия». Павлов рассчитывал весной измерить угломерным инструментом, насколько знаки передвинутся, и вычислить, какое расстояние проходит за день тягучая ледяная масса. С установкой следовало поторопиться: немного позже будет совсем темно, чтоб орудовать угломерными инструментами. Я присоединился, надеясь написать этюды гигантских ледяных стен.

В это время продолжительность «дня», вернее рассвета,

равнялась четырем часам. Мы вышли с рассветом в 10 часов 1 ноября. Провизии взяли на четыре дня, хотя не предполагали пробыть больше двух. Пришли к леднику, когда уже темнело, начинать работу было поздно. Остающиеся светлые минуты употребили на разбивку лагеря. Палатку поставили на обдутой ветром земле, особенно тщательно забив железные колья, чтоб завтра, когда все разбредутся на работу, можно было оставить лагерь без присмотра. Совсем стемнело. Забрались в палатку, разожгли керосиновую кухню — «примус» и занялись приготовлением обеда-ужина. Потом поболтали, распределили работу на завтра. К седьмому часу свеча догорела; что делать — спать!

В это время и начался дикий ветер, разметавший вместе со снегом все наши прекрасные планы. В последние дни часто налетали быстро затихавшие шквалы, — никто не придал значения первым порывам ветра, мы продолжали надевать малицы, посмеялись досыта, глядя, как каждый поочереди сражался с неуклюжим меховым балахоном, как одевающийся приподнимался в тесноте палатки и натягивал на голову подол, тогда верхняя часть малицы, как некая человекообразная фигура — «оно» с повисшими бессильно руками — тоже поднималось и начинало странный танец все с большим жаром и азартом; «оно» — безликое, гибкое, нелепое. А потом сразу в отверстии капюшона показывалась голова и сердитое, смешное, обрамленное взлохмаченной прической лицо. Для полярных стран эта неуклюжая одежда очень подходяща. Самоед носит ее круглый год, в ней гоняется за оленем и медведем, в ней же и спит, подобрав ноги и спрятав голову внутрь. Так же устраиваемся, пока не готовы спальные мешки, и мы. Мы утряслись в свои балахоны и легли, подшучивая над ветром:

— Пусть себе подует!

Я проснулся среди ночи от какого-то треска. Что такое, что творится? Где свеча? Нахожу свечу и зажигаю. Палатка ходит ходуном под напором ветра. Весь воздух, заключенный в палатке, бурно колеблется. Мечется дрожанием пламя свечи. Снаружи же как будто некто живой с силой и злобой кидается на полотно, огородившее чужих пришельцев.

Испытывать яростные нападения не лишено само по себе некоторого жгучего удовольствия. Приятно иметь дело с могучим противником и не бояться худого конца. Еще приятнее сознавать себя в полной безопасности.

— Пусть потешится, только не долго. За последние дни ветер сильно балует, да все ненадолго. А палатка-то крепко поставлена: колья-то во как загнали. К утру перестанет.

Так порешили — особенно Шестаков. Его молодое в добродушных красках расписанное лицо делается серьезным, как дело дойдет до предсказаний погоды. Он поднимает вверх корявый матросский палец и голосом старого морского волка, нарочно грубым, с сиплотой, провозглашает:

— Тож шалонник сквозь летник на обедник[34] свернулся. Ну и пылит. Шалонник — шалонник и есть. Шалун, как бы сказать, али баловник. Потом опять на свое место завернется!

Завернется, так завернется. Завернемся и мы в свои малицы и подождем, пока шалонник не вздумает остепениться...

Утро или ночь еще — не разберешь. Часовая стрелка на восьми, но совсем темно. Наш оптимизм — растение без почвы, а Шестаковские предсказания пригодятся ему другой раз, когда погода капризно повернется. Палатка ходит как живая. Когда один по необходимости попробовал вылезть, вернулся весь в снегу: «это не погода, а чертов шабаш». Едва наш исследователь высунул нос из палатки, ветер бросил его на снег, подхватил и понес, колотя об встречные торосы, покуда пола малицы не зацепилась за острый выступ льдины. Несчастный ползком добрался до нарты, потом уже под ее прикрытием сделал переход до входа в палатку.

Что же, надо запастись терпением и ждать.

Ждали. Лежали в своих малицах и ожидали конца бури, как мелкие насекомые под листом ждут с такими же средствами бороться со стихией, как и мы. Даже разговоры не могли помочь скоротать время: чтоб быть услышанным соседом, нужно кричать во всю силу легких, — иначе вой вьюги и пулеметная трескотня стенок палатки заглушает слова.

Рассветало. Напились чаю, объясняясь больше знаками, и опять в малицы. Спать? Нет, нельзя же спать целые сутки. Так — лежать. Не спать, не дремать, а грезить, иногда уносясь мыслью так далеко, что пребывание здесь кажется сном. В полудремоте под однообразные звуки досуга для дум сколько угодно.

«Скажи, что заставило бросить родные места, налаженную жизнь и пойти путями дерзкими, опасными?» Можно размышлять о капризе судьбы, забросившей тебя сюда в логовище-берлогу. О том, как тонка нить жизни, если подумать как следует. Хотя бы жизнь четырех букашек, поставивших своей карточный домик рядом с ледяным дворцом и воображающих, что они, очутившись среди самого пыла сражения сил природы, находятся в полной безопасности за полотняной стенкой в один миллиметр толщиной.

А там, на загадочном ледяном покрове, что-то совершается, а что именно, — букашки не знают, но *жаждут* узнать, *за этим* они и приползли. Одной приходит в голову: не слишком ли самонадеянны они? Может быть, в это самое мгновение нечто совершилось? Может быть, где-нибудь рядом, где зародилась эта стихийная буря, давление достигло до ужасающих разностей с здешним, и в следующие минуты новая страшная лавина воздуха рухнет с ледяного покрова на хитроумно построенный домик из материи, сомнет его как клочок бумаги и, разметав спрятавшихся, пронесется дальше со свирепым равнодушием? Что же тогда? Куда денутся мысли, маленькие чувства, впечатления, весь мир образов, называемый наукой, искусством, жизнью? Он замерзнет, как и все остальное здесь.

«Да, не велика цена жизни здесь, в царстве смерти. Впрочем — не больше и где-либо в любом месте планеты. Здесь только выпуклее осязается эта *мысль*. Да. Так. Но жизнь сильна! Там, далеко на юге, родилась мысль — дитя жизни. И она привела живых в царство смерти. Живые с радостью следуют ей... И смотрите! Вот жалкий комок в мокром меховом мешке, без движения, но он живет. Он думает о смерти, и сама смерть в его мозгу — жизненный образ. Он думает и о жизни. И вонючий мешок, закрывший его голову, не замедлит его воображе-

ния, не задержит образов, видений жизни, что принеслись за тысячи и десятки тысяч километров. Они стоят перед его глазами ясно, отчетливо, как в яви, и славят жизнь и красоту ее во всех проявлениях. Красота звезды в небе и отражение ее в тихом северном озере, красота единоборства, прелесть пальмы над тропическим морем, очарование линий и изгибов женского нежного стана и пухлой ручонки ребячьей с ямками, — хрупкой, как ниточкой перевязанной, — вся прелесть жизни тут, в этом неподвижном, но живом — в его живой мысли...»

Что-то очень трещит. Очнулся. А Павлов уж и керосинку распарил, чайник кипит, под ним пляшет синее пламя. А к пламени тянутся четыре лица... Что за образины! Из неуклюжих звериных одеяний выглядывают неумытые, заспанные физиономии и при виде огня расплываются в улыбку. Все в одной куче, — повернуться нельзя. Вот они — представители жизни и культуры! И ты, художник, «сосуд хранения красоты» — такой же, совсем такой.

На вторую ночь ветер, по выражению Пустошного, «одичал». Творилось невообразимое, не укладывающееся в понятие «ветер». Иногда, после сравнительного затишья, он рвал с такой внезапностью и силой, что мы чувствовали как бы удар. Непривычный никак не мирится с мыслью, что такой страшный удар может быть нанесен воздухом, а не живым, сверхъестественной силы существом, поставившим целью снести палатку во что бы то ни стало. Мы поняли: кто бы там ни был, следует за своим убежищем смотреть в оба.

Среди ночи я проснулся от прикосновения струи ветра к щеке. Неужели?.. Да, виден просвет. Вырвал-таки злой ветер колья!

Очень бесцеремонно разбудил товарищей. Но, прежде чем все успели повскакать, палатка была уже повалена. Ближайшая задача — удержать ее. А буря прилагала все усилия вырвать из рук наше спасение. Борьба продолжалась долго. То тот, то другой валились с ног, мы незаметно очутились поверх палатки. Иногда она, как флаг, развевалась над четырьмя поверженными на землю, в другое время они стояли на палатке, пытаясь выпрямиться или освободиться от подола малицы, заворочен-

ного ураганом на голову. Но, падая и вставая, каждый цепко — руками и зубами — держал оледеневшее полотно так, как будто бы оно было собственной жизнью.

В то же самое время мы пытались закрепить несколько кольев, и это удалось. Ура! Быть может, приноровившись, сумеем и поставить?

Мы копошились, падая и вставая, как истые муравьи, спасающие свое жилище в ливень, работали долго и неустанно, не обращая внимания на пустяки вроде отмороженных кончиков пальцев. Прошел по крайней мере час до поры, когда забили несколько кольев и могли уже думать, что палатки не отпустим. Мне приходилось тяжелее других: с самого начала катастрофы вихрь сорвал с головы шапку вместе с одной из рукавиц. Прекрасная оленья шапка унеслась со снежными смерчами, а голова в несколько минут покрылась коркой льда. Если б другим было время взглянуть на мою голову, они могли бы принять ее не за мозговую коробку товарища, а за оледенелый шарик смоченного термометра — точь-в-точь такой вид имел в морозные дни термометр для измерения влажности воздуха. Я чувствовал, как голову схватывают ледяные обручи — но что же делать? Пока не появилась уверенность, что палатку не выпустим, я не мог ничего предпринять. Только тогда можно было завернуть голову чьим-то подвернувшимся под руку башлыком.

Наконец, на зло всем стихиям, палатка стояла. Как оказалось, колья не выдернуло, а согнулось в дугу трехугольное железо, из которого они были сделаны.

Забравшись в палатку, расположились отдыхать. Нельзя сказать, что были уверены в невозможности повторения приключения. На подветренном крае палатки теперь стояла нарта, загруженная большими льдинами, но ветер как будто еще свирепел, палатка качалась, в нее проникала мельчайшая ледяная пыль. Снаружи казалось, что находишься не в привычной сфере воздуха, а в стремнине могучего течения, простое движение рукой так же трудно, как если бы находился в текучей воде. Стоять на ногах, не держась за что-нибудь руками, — невозможно.

Мы ждали, когда же утихнет. А ветер как бы смеялся над нами, лежавшими в мокрых малицах без движения,

отупевшими от безделья и невозможности размять свои члены. Только к полудню 4 ноября чуть потихло.

Провиант подходил к концу, свечей не было совсем. Сытые по горло трехсуточным лежанием, мы решили попытаться дойти до «Фоки». Нелегко собрать вещи во время вьюги. Когда вышли из палатки, собак не было видно: несчастные, — они лежали в глубине сугробов. Одну за другой откопали всех. Пробовали покормить, — почти все, как и раньше, отказались от пищи. В то время как их запрягали, некоторые качались от слабости.

Продолжалась сильная вьюга, мы тронулись в путь, держа курс по компасу. После нескольких часов блуждания мы наткнулись на берег полуострова и решили — «пришли домой».

На «Фоке» нашим отсутствием сильно беспокоились. Буря наделала бед: «Фоку» прижало ближе к берегу, баня, выстроенная на льду, провалилась в воду на пять венцов.

По определению метеорологической станции скорсcть ветра доходила до 36 метров в секунду, т. е. до 190 километров в час. Можно думать, что отдельные порывы, не совпавшие со временем наблюдений, были значительно сильнее.

Приключение «четырех в палатке» закончило период перед зимней ночью. «До нового света, до нового года, до весны! Тогда пойдем к северу. А пока — нужно скоротать ночь».

Глава Седьмая

> Ночь, усеянная звездами, ты прекрасна. Но не слишком ли могущественные крылья даешь ты нашему духу, крылья, которые больше, чем можем вынести...
>
> *Фридтиоф Нансен.*

«Давно, в юности, мечтал ты, читая Нансена, Кэна и Норденшельда,[35] о далеком чудесном Севере, о льдах, о молчании зимней ночи, усеянной звездами. Ты завидовал видевшим те чудеса. По прочитанному ты создавал образ и жадно стремился к нему; но не верил сильному духом, когда тот в минуты страстного стремления к жизни восклицал: «Кто вспомнит эфемерное существо, умевшее сковать в цепи звук и свет, которое было так неразумно, что целые годы своего краткого существования проводило в странствовании по замерзшим морям?» Ты не верил, — пусть кратка жизнь, пусть наше существование — жизнь однодневки, — можно отдать время даже из столь непродолжительного бытия, лишь бы видеть край, где не закончены еще дни творения, край, ждущий разумной воли для размещения стихий.

«То были расплывчатые мечтания ранней юности. А теперь в зрелом возрасте ты сидишь, пишешь эти строки в каюте с замерзшим иллюминатором и вспоминаешь мечтания, капризом судьбы превратившиеся в действительность. После кипучей жизни огромного города ты теперь в крошечной каютке, одной из таких же других на борту корабля, затертого льдом.

«Пробивается в иллюминатор слабый рассвет и спорит со светом керосиновой лампы, но не может пересилить. А в коридоре уж совсем темно, — где-то в самом конце его горит тусклая свеча. В кают-компании три-четыре человека. Один склонился над чертежной доской и что-то

тщательно перерисовывает из своей записной книжки на новую карту. Другой читает. Еще один — сидит над вычислениями, бормоча: «Прямое восхождение... ноль, ноль, два, семь, три... девять, ноль, один... Как девятая высота, так и заест, якорь-то ее раздери!.. Два, пять, косинус...» Это труженики. А вот еще двое с шахматной доской пристроились на углу стола — сегодня уже одиннадцатая партия... Открыта дверь в каюту Седова. Он там. На столике — раскрытая книга, но сидящий смотрит не на страницы. Рядом с книгой карандаш и бумага, там колонка цифр — расчеты путешествия к полюсу, его неотступная мысль. Откуда-то из каюты вдруг доносится через распахнутую дверь отрывок спора: «...работать как англичане, устраивая склад за складом, или обладать нансеновским счастьем и его же энергией...» Потом заходит в каюту весь заиндевевший боцман и спрашивает:

Каюта Седова.

«А что шлейки-то для собак будем еще шить, али нет? Нужно бы про запас, а то вчерась опять какая-то голодная постромку съела!..»

«Кусочек жизни. Опять вспоминаешь читанное, и в голову приходит: когда после чтения ярко написанных книг сталкиваешься с самой жизнью, с действительной жизнью, всегда остается чувство, что авторы умолчали о самом главном: о каждодневности. Она есть и здесь. Да, ночь, усеянная звездами, прекрасна! Но если бы прилететь, взглянуть на нее и сейчас же улететь, на душе не осталось бы никакого следа, во всяком случае не больше, чем от всякого мимолетного явления или феерической сцены на театральных подмостках. А между тем *действительно* есть что-то в ночи, дающее «слишком могущественные крылья нашему духу».

«Да, немного времени прошло, как ты оставил прежнюю жизнь, а уже существует нечто, заставляющее сказать: во мне есть перемена. Новое входит изо дня в день, — нельзя еще определить, в чем оно, — но день за днем прошлое отрезается от настоящего бесповоротно».

Такова одна из страниц дневника вскоре после исчезновения солнца: оно, казалось, унесло с собой старый порядок мыслей, а ночь приближала к другим, еще не додуманным до конца.

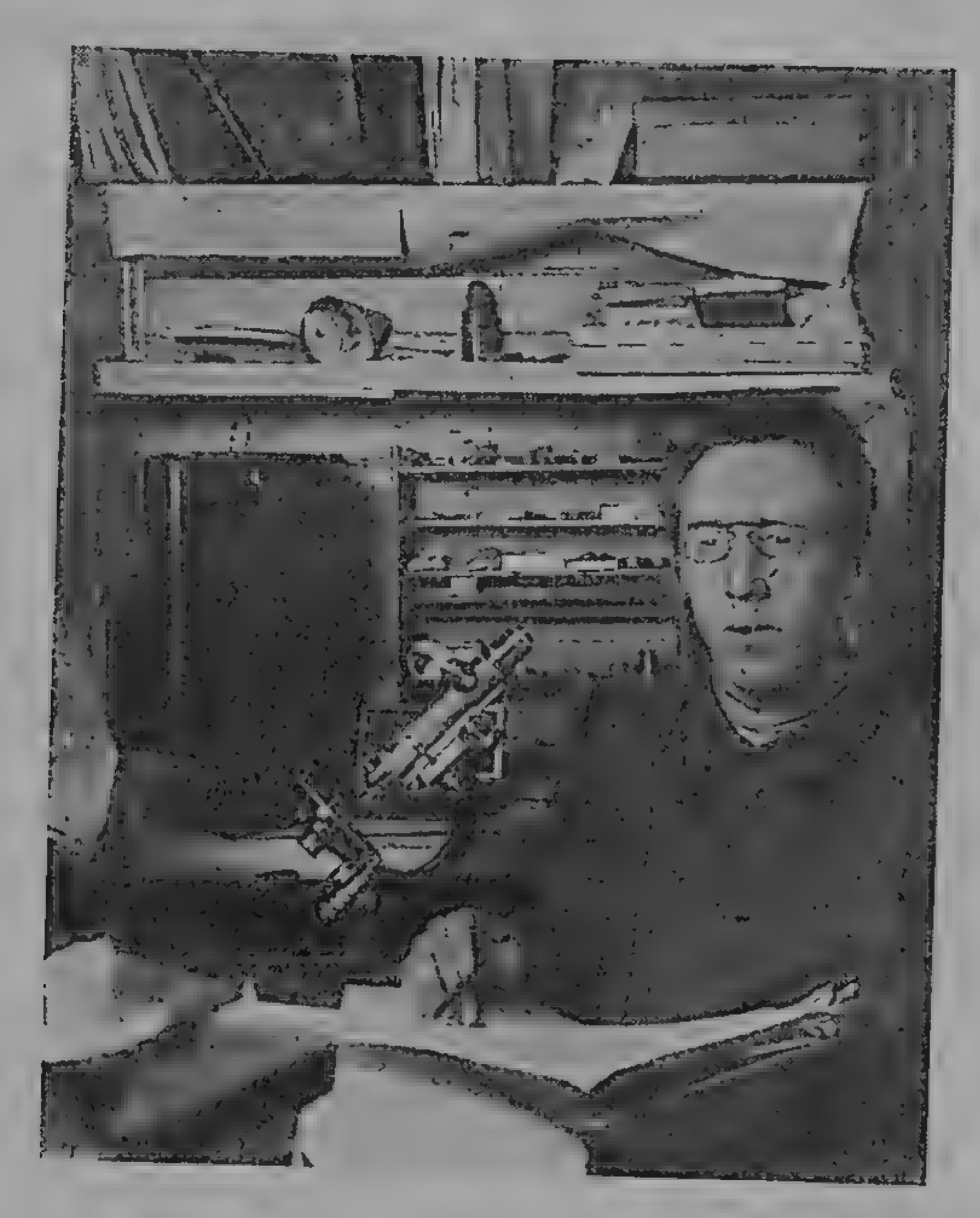
А солнце уходило. 7 ноября я писал: «Как темнеет с каждым днем. Около восьми, когда просыпаюсь, — ночь еще глубока. Только в десять начинает немного светать. Удивительный рассвет! Весь воздух насыщен темнотой. Рассвет силится прогнать ее и не может. Окрашиваются торосы с южной стороны, но в угрюмой тени отражено ночное небо. Даже затмение радостнее такого бессильного рассвета».

8 ноября. Вчера и сегодня время рассвета провел на воздухе. О, какая симфония красок лилась в глаза! Вся красота ее в неопределенности. Нет ни одного кричащего или яркого пятна, все тонет в нежном полусвете-полумгле. Синий купол ночного неба с крупными звездами и луной. Одновременно свет зари на выдающихся льдинах и отсвет оранжевой луны в тенях. Когда хочешь передать красками это освещение, не знаешь, за что принять свет луны, за свет или за тень? Где граница света и тени, — она неуло-

вима, но существует, как переход смычка гениального музыканта.

Писать можно только до обеда — обедаем же мы в 1 час дня.

После обеда — жалкие остатки света, при них возможно только прогуляться или съездить с нартой за плавником.

«Геологический кабинет» М. А. Павлова.

12 ноября. Тихо. — 15° Ц. Пасмурно. Рассвет очень слаб, все тонет в однообразной молочной мгле. Я работал недалеко от судна. Не желая складывать оружия я делал этюд сибирской собаки. Мне оставалось работы не больше, чем на полчаса, когда руки стали коченеть. Я ушел на судно немного отогреться. Вернулся минут через десять. Подходя к этюдному ящику оставленному на снегу, я заметил, что собака из безымянных архангель-

ских стремительно бросилась от ящика. Подхожу в недоумении, — что она тут делала? Проклятие, что с моей работой! Где краски с палитры? Она вылизана дочиста, а почти готовый этюд попал на завтрак голодному псу! Смеяться или досадовать? Кому пришло бы в голову, что краски, перетертые на нефти, могут сойти за съедобное даже для вечноголодного пса?

Уходит, уходит свет. Скоро я должен буду прекратить работу на воздухе. Тьма побеждает.

14 ноября. Легкий ветерок от востока до юга, — 7,3° Ц. По началу зимовки можно было предполагать, что в ноябре морозы установятся, но до сих пор больших еще не было. Стоит тепло. Температура совсем не полярная. Только ночь да постоянные вьюги напоминают, как далеко все, чем жил раньше. Мало-по-малу мы сгруживаемся на корабле и уходим далеко только на прогулки.

15 ноября. Тепло. Утром — 5° Ц. Юго-восточный ветер. Рассвет слишком пасмурен, работать невозможно. Я даже рад передохнуть, просто побродить и взглянуть на место зимовки при рассвете. А то я так дорожу каждой секундой света, что смотрю на все с точки зрения: где выгоднее начать работу? Сегодня принимаюсь за пилку дров, потом помогаю штурману распутать какую-то снасть, смотрю, как возят собаки: одна запряжка — дрова из бухты, другая — лед на кухню. Захожу и туда к повару Ване. Он, в клубах пара, выпускает из бака воду, чтоб зарядить его новой порцией льда для воды. Потом опять иду разгружать дрова и отправлять сани за новым грузом.

После экскурсий собаки совсем привыкли к упряжи. Нет приятнее зрелища видеть дружную запряжку в работе и следить, как белые комочки сразу наваливаются на хомутики и принимаются перебирать ногами. Издали кажется — сорокалапый червяк ползет по волнам снежной пелены, ныряет и прячется в складки — пестрый и шустрый червяк.

Около десятка архангельских начинают приучаться к работе, еще две-три везут сносно; остальные — безнадежны. Не потому, что их нельзя приучить к упряжи (что всем взятым из Архангельска упряжь совершенная новость — это теперь вне всякого сомнения), нет, иное — почти все архангельские совсем не приспособлены к хо-

лоду, они не умеют спать, зарывшись в снег, их мех без подшерстка; все эти мерзнут даже при теперешних слабых холодах, худеют от мороза, не умеют защитить свой кусок от чужих посягательств, — это не собаки севера. Они погибнут.

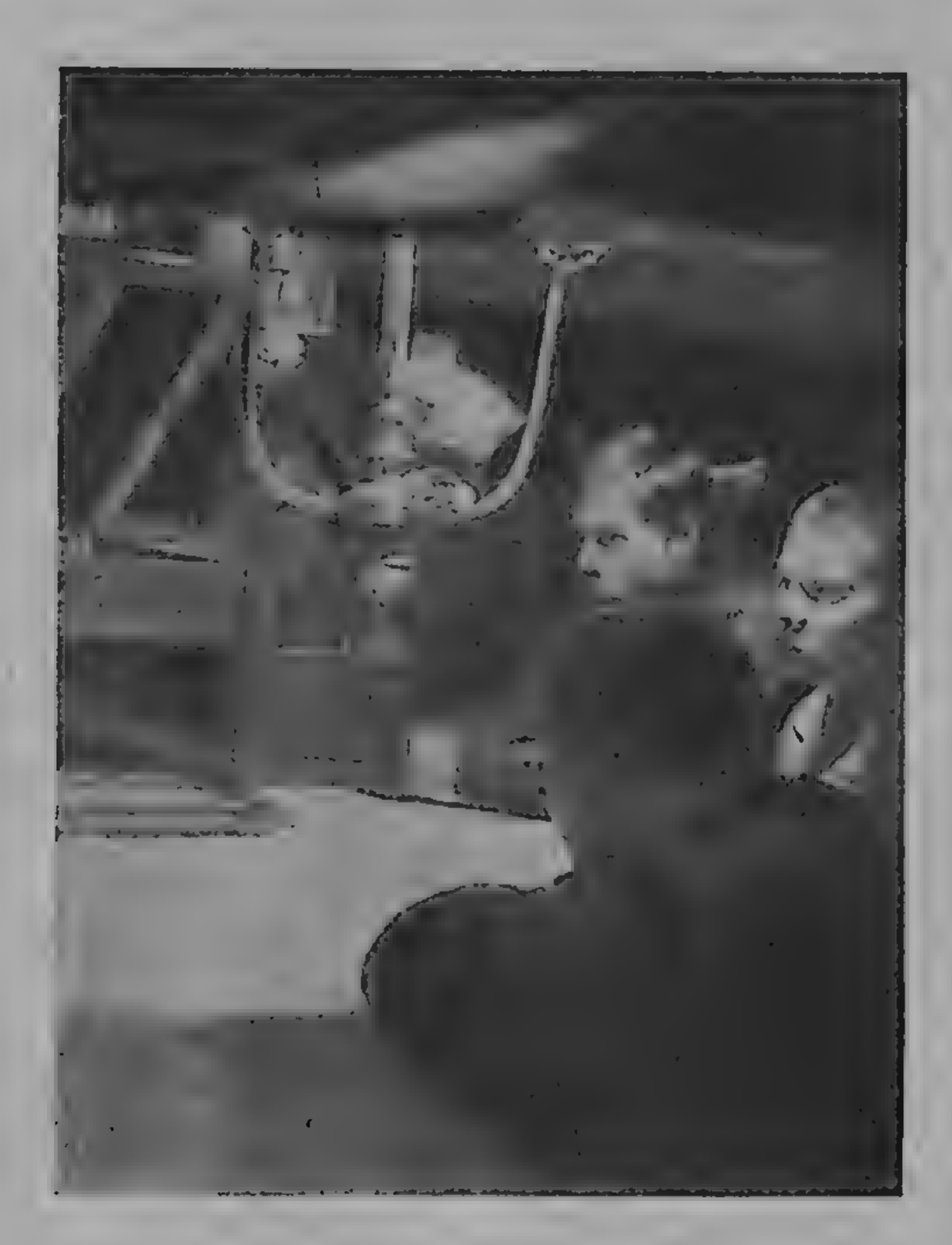
Теперь-то уж с полной очевидностью выяснилось, что такое вообще эти «архангельские лайки». Поставлял их некто фон-Вышомирский. Учитывая невозможность испробовать собак до отплытия, он продал нам по 50 рублей за штуку дворняжек, без сомнения, собранных где-нибудь в окрестностях города, а может быть попросту купил у фурманов по полтиннику за штуку. Поставщик долго не приводил собак, все это стало понятным здесь: он боялся, как бы обман не раскрылся до уплаты. Мы же наглое надувательство обнаружили только сейчас, когда нет никаких средств исправить зло, сделанное этим человеком всему нашему делу. В то же время Тронгейм из Тобольска доставляет для нас 45 настоящих сибирских, прекрасно выезженных лаек, перевозит всю свору за свой счет по железной дороге, кормит и, сдавая, просит Седова, чтоб он по окончании экспедиции удостоверил качество собак. Эти собаки обошлись нам по 45 рублей.

17 ноября. Бесконечная оттепель. Вчера — 1° Ц, сегодня — 5° Ц. Мы пленники на «Фоке». Сегодня я почувствовал этот плен; он, впрочем, не тяготит. На что жаловаться? Сыты, здоровы, находимся в дикой неисследованной стране, в центре удивительных явлений природы. Когда вернемся к людям, будет что порассказать,— нет, такой плен не гнетет; кроме всего — он добороволен. Но плен все же существует, и ощущение его дало сегодня совсем новое для меня понятие слову «отчизна». Я не чувствую тоски по ней — это было бы слишком рано. Нет, пока почувствовалась только сущность этого слова, и вслед затем от сердца протянулась как бы нить туда, далеко, ко всему оставленному на родине.

И все произошло только из-за того, что вспомнил: ведь сегодня наш академический праздник. Мне почему-то особенно живо представились: волнующий момент открытия отчетной выставки, ожидания нового, семья товарищей, вся жизнь искусства. Как это стало далеко! Я пошел соб-

ственной дорогой, по ней еще никто не ходил, я не увижу новых достижений сколько еще времени? Год, два, три? Но помнить об оставленном я могу. Сегодня праздник.

И вот я прибираю, чищу свою каюту, развешиваю новые этюды, потом меняю рабочую блузу на куртку с воротничком. Седов заходит зачем-то ко мне. Некоторое

В кубрике

время он молча и с недоумением озирается, потом быстро что-то соображает и говорит:

— У вас семейный праздник? Почему вы ничего не сказали вчера, — мы бы празднество на всю экспедицию закатили. Упустить в эту скучную пору чей-нибудь праздник — да это преступление!

Во время обеда Седов с присущей ему любезностью обратился ко всем с маленькой речью — поздравление

с праздником искусства. Последняя медвежина, праздничный графин и сладости подкрасили экстренное торжество, а после ужина мы долго засиделись, уже все вместе уносясь на родину воспоминаниями.

19 ноября. Поразительно теплая погода установилась после бури в первых числах ноября. Сегодня опять южный ветер и температура — 7° Ц. В местах смерзания отдельных льдин появились лужи, а кое-где даже полыньи. Только присутствием больших пространств открытого моря можно объяснить эту затянувшуюся оттепель. Но сказать с уверенностью, что поблизости есть открытое море, никто не может. Один раз я взошел на гору во время дневного рассвета. Мне показалось, что я вижу темную полосу моря на ЮЗ горизонте, — но рассвет был так слаб! Было бы опрометчиво утверждать, что виденная вода — открытое море, а не большая полынья. Мы замечаем каждый раз, когда направление ветра отклоняется от юго-запада и юга, температура резко понижается. Из этого заключаем, что в той стороне — открытое море. Мы думаем, что ураган двадцатых чисел далеко отогнал льды от берегов Новой Земли.

20 ноября. Умеренный северный ветер, в полдень — 17° Ц. Пустошный, один из постоянных наблюдателей метеорологической станции, слегка заболел. Визе и я приняли на себя ночные дежурства. Будем сменяться по неделе. Теперь моя неделя.

С двенадцати часов все спят. Только в моей каюте светится огонек. Я пишу, читаю, рисую, поглядывая время от времени на часы. Наблюдения производятся каждые два часа. Все отсчеты и запись показаний инструментов отнимают почти четверть часа. За пять минут до срока записываются показания двух ртутных барометров и одного анероида в каюте. С фонариком в руках направляешься на станцию. Там записываются показания всех инструментов в будках, проверяется исправность самопишущих приборов, делаются отсчеты термометров, помещенных на разной высоте (для определения температуры нижних слоев воздуха), и термометров, разложенных на снегу (определяется излучение земной поверхности). Дальше необходимо взглянуть на флюгер и ветромер, на небо и облака, отметить формы и направление север-

ного сияния и атмосферные осадки. На обратном пути измеряется температура морской воды. Затем предстоит влезание на ванты — там термометры, отмечающие температуру верхних слоев воздуха. Кроме всего, каждый час измеряется высота приливной волны. Мы гордимся, что нам удалось организовать на отдаленнейшем севере первоклассную метеорологическую станцию.

21 ноября. Легкий северо-западный ветер, от — 21 до — 28° Ц. Именины Павлова. К обеду явились в парадных костюмах, капитан даже в сюртуке. За столом Седов пожелал здоровья имениннику и всем, кто его в этот день вспоминает. За Седовским тостом посыпались горохом другие, пока бутылка коньяку не высохла. После обеда все отправились прогуляться, а вечером — грандиозный концерт. В заключение его — «Ночь на Лысой Горе» Мусоргского. Исполнители — именинник и Визе.

22 ноября. ВСВ ветерок, — 26° Ц. Прекрасная полуденная заря. К вечеру ветер перешел к западу и начался ЮЮВ шторм. Монотонно тянется время. И сегодня могу занести в дневник только одно событие: собачья драка. При участии перворазрядных драчунов Волка, Варнака, Разбойника и Штурмана собаки почти загрызли Юганова любимца Черку. Его отняли с разорванным животом.

24 ноября. Шторм продолжается третий день. Около полудня наблюдалось некоторое затишье, но вечером снова завыло, снова потянулись бесконечные мелодии вьюги.

Вчера наблюдалось странное явление в проруби, где производятся наблюдения над приливами. Вода там поднималась и опускалась, как бы от волнения, настолько высоко, что трудно было сделать отсчет: колебания доходили до 25 сантиметров. Ничтожное обстоятельство вызвало ожесточеннейшие прения в кают-компании. Некоторые думали, что морская волна доходит до нашего зимовья и считали возможным, что в один прекрасный день лед вынесется в море, как это часто случается в южных бухтах Новой Земли. Другие с цифрами в руках и с пеной на устах утверждали, что ледяное поле достаточной величины может зыбиться, как лист бумаги, положенный на воду. Ведь по отношению к величине ледяного

поля, держащего «Фоку», слой льда не толще папиросной бумаги, — колебанию льда удивляться не приходится. Не думаю, что наши рассуждения открывают Америку. Явление же заслуживает внимания... особенно для нас, когда носа нельзя показать из-за борта.

25 ноября. Вьюга прекратилась только сегодня. «Фока» занесен снегом до самого борта. Максимыч находит, что это: «так, по-нашему. А то дует, дует, а снегу только барыням на мороженое».

Почти полнолуние, луна теперь светит круглые сутки. В полдень небо в южной части окрашивается, и тогда луна меняет свой цвет, горит красноватым огнем, как при восходе. В полдень борются два источника света: луна и отсвет зари. Но луна побеждает, прогоняет зарю и, торжествуя, заливает снежные равнины и горы холодным, мертвым, пепельным светом. Часто вокруг луны мы видим радуги, кольца со светящимися столбами по сторонам и «ложные луны».

28 ноября. Опять свирепая вьюга. Уже неделю, с малыми перерывами, воет она; затихнет на несколько часов, а потом еще хуже.

Сегодня во время такого затишья совершили прогулку к мысу Столбовому. Пятнадцатиметровый отвес его выглядит во тьме особенно внушительно. Если с окружающих мыс сугробов спуститься в котловину, то с одной стороны видишь черную каменную стену с гротами, пещерами и кристальными орнаментами при входе, а с другой — вертикальную же 6 — 8-метровую стену снега, плотного, как земля. Мы долго бродили по коридору, образованному сугробом, — там хорошо укрываться от вьюги. Потом поднялись на мыс и поставили несколько капканов на песцов, — следы их видели в этом месте, когда было еще светло.

29 ноября. ЮЮЗ ветер, — 3° Ц. Как-то ночью, делая измерения температуры в проруби, я заметил, что вода загорается фосфорическим блеском всякий раз, как подносишь фонарик. Приглядевшись, заметил множество маленьких рачков-креветок — «капшаков», вода кишела ими. Они, как бабочки ночью, жадно стремятся к огню, превращая темную воду проруби в клубок спутанных нитей серебряного, фосфорического блеска, вызван-

ного их быстрыми движениями. Сегодня наловили драгой порядочное количество и пробовали сварить. Увы, в этих рачках почти нет мяса. Их можно сосать и воображать, что ешь настоящих чримсов: вкусом они не отличаются от больших.

Скоро будет месяц, как солнце покинуло нас. Отсутствие его начинает чувствоваться физически: чего-то недостает, — странное ощущение. Иногда нападает апатия, не хочется ни думать ни читать. Время тянется медленно. Как будто в ожидании. Будто вынут жизненный огонь. Не ночь ли вечная тушит дрожание нервов?

Полярная ночь. Сколько суровой поэзии в ее вечной настороженности и непроницаемости. Снеговым покровом — саваном мертвой природы закрылось все живое, сверху ночь навалилась, как тяжелый могильный камень. Все молчит. И ты, маленькое существо, идешь угнетенный и восхищенный величием окружающего и чувствуешь нечто, завлекающее итти вперед в царство теней и мрака, погрузиться в самую глубь музыки неизвестного, манишься надеждой — в ночи понять смерть и узнать связь ее с жизнью.

Полярная ночь! Темная, озаренная только отраженным от снега светом звезд, торжественная... Но разве только?.. Почему она кладет печать на все твои мысли? В чем ее загадка? Взгляни в глаза ночи. Со всеми живыми мыслями, с шумом крови, с трепетанием нервов, со всем, что есть в тебе живого, — взгляни пристальнее в глубь ее черных очей. О, как песок в прибое, спутаются твои старые мысли о человеке — властителе природы, пошатнется гордыня, нервы запоют созвучием аккордам ночи, и неосознанные еще думы наполнит ее темная власть.

3 декабря. Вьюга и ветры, — вот чем угощает нас изо дня в день полярная ночь. Сегодня ночью во время метеорологических наблюдений я отбился от каната, предусмотрительно протянутого Лебедевым на случай сильных бурь. Что-то больше получаса с залепленными снегом глазами блуждал я по сугробам, пока случайно не наткнулся на собачьи будки.

6 декабря. Тепло, слабый юго-западный ветер. 5 декабря кают-компания огласилась хоровыми песнопениями. Дирижировал Лебедев. Его разносторонние способности не

У айсберга зимой (снимок при луне)

имеют предела. Он прекрасный наблюдатель-метеоролог, на него можно положиться. Из мертвых будок своей постоянной хозяйственной заботливостью он создает что-то уютное. Теперь Лебедев занят усовершенствованием снежного домика для перемены лент самопишущих приборов и сооружает какие-то сложные снежные коридоры, соединяющие новую постройку с многострадальным дождемером.

Сегодня в числе обеденных блюд — собачьи котлеты — «для любителей». Юган и Линник давно уже по собственному почину стали готовить котлеты из собачины (Седов, убедившись в полной негодности некоторых архангельских дворняжёк, приказал убить их: бессмысленно расходовать провизию на собак, негодных и обреченных на гибель из-за неприспособленности к климату). Оба собакоеда уверяли, что мясо очень вкусно. Сегодня желающие могли убедиться. Заведующий хозяйством уверял:

— Все его кушали, будте покойны, все, кто петербургскую колбасу покупал, смею вас уверить!

В конце концов попробовали все. Если б не было доподлинно известно, что едим мясо вертлявого Волчка, котлеты можно бы принять за обыкновенные. Однако, что касается меня — собачиной питаться, пока нет крайности, не собираюсь: остается в силе брезгливое чувство, хотя организм и просит мясной пищи. Вот великие события последних дней. Если б к ним прибавить «великое истребление клопов», оставленных на память прежними обитателями «Фоки», да еще бесконечный преферанс, то наша жизнь в эту темную пору была бы исчерпана во всем ее разнообразии.

7 декабря. Днем хорошая мягкая погода при —9°Ц. Долго гуляли у мыса Столбового. Наши прогулки получили прозвище: «ходить за песцами». Первое время мы действительно осматривали капканы, — увы, даже песцовых следов не стало с темнотой, скоро и капканы убрали; но за «песцами» продолжаем ходить: все стараются гулять возможно больше. Отсутствие солнца и недостаток мясной пищи начинают сказываться, — все чувствуют слабое недомогание.

10 декабря. Метель с ЗЮЗ ветром. Время тихо тянется и при хорошей погоде, а во время штормов — угнетающе.

Круглые сутки сидим на «Фоке», наш день отличается от ночи тем, что днем горят керосиновые лампы.

Признаюсь: раньше, читая отчеты разных полярных экспедиций, я подозрительно относился к описаниям гнета полярной ночи. Мне казалось, что авторы бессознательно сгущают краски. А в криках восторга, раздававшихся при первом появлении солнца, чудилась некоторая театральность, или, по крайней мере, самовнушение.

Но прошло всего полтора месяца, как ушло солнце, а я уже почти способен понять, что можно закричать от радости, когда солнце, милое солнышко, пошлет приветный луч просидевшему три месяца в тюрьме-берлоге на корабле, совсем неприспособленном к зимовке.

Мы-то находимся в условиях несравненно лучших, чем какие-нибудь из искавших Франклина.[36] На «Фоке» изобилие провианта, тепло, сухо, каждый имеет определенную систематическую работу, есть библиотека, музыкальные инструменты, можно развлекаться на разные лады. А самое главное — все здесь по доброй воле. И все-таки... С каждым днем слышишь больше и больше вздохов о солнце. Мы становимся солнцепоклонниками. Тоска по солнцу не имеет в основе тоски от безделья. Наблюдая, нельзя не заметить, что в самом деле лица всех участников экспедиции осунулись и побледнели.

Доктор Кук в отчете об экспедиции «Бельжика» объясняет недомогания в полярную ночь подневольной малоподвижностью и отсутствием необходимого организму солнечного света. Кук все недомогания называет «полярной анэмией» и считает, что этой болезни подвержены все без исключения зимующие в полярных странах.

Доктор Шарко, два раза стоявший во главе французских экспедиций в южно-полярные страны, замечал на себе и на спутниках действие полярной ночи приблизительно в таких же формах, как и мы. Но он считает все недомогания следствием употребления консервированной пищи. При осаде Севастополя среди союзных войск, питавшихся исключительно консервами, по его словам, наблюдалась совершенно такая же болезнь. Он называет ее «консервной болезнью» (maladie de conserves) и приходит к выводу, что эта болезнь не что иное, как первоначальная стадия цынги. При неправильном питании она переходит

в настоящую цынгу. И цынга и «консервная болезнь», по его наблюдениям, излечиваются мясной диэтой. Джексон, перезимовавший три зимы на Земле Франца-Иосифа, считает, что цынга вызывается отравлением птомаинами — продуктами разложения мяса,[37] зараженного бактериями.

Мы сопоставляем все эти наблюдения зимовавших до нас с собственными недомоганиями. Слово «анемия» начинает входить в моду.

13 декабря. В полночь вышел делать наблюдения и... очутился под дождем! Невероятно. Декабрь месяц, дома — средина зимы, а здесь под 76° теплый дождь! Температура воздуха ниже нуля, — 3°Ц при свежем ЗСЗ ветре. Но, очевидно, слои более теплого воздуха — не высоко над землей: дождь лил ливмя, а крупные капли его, не успевая замерзнуть, омывали грешного «Фоку» и застывали уже на мачтах, снастях и вантах. Сегодня весь такелаж покрыт толстой коркой льда, до 5 сантиметров, везде блестят сосульки. Когда налетает порыв ветра, кусочки льда валятся со звоном. Бедным псам попадают славные щелчки, — собаки с визгом убегают прочь с палубы.

16 декабря. Готовимся полным ходом к морскому празднику 19 декабря. На мою долю досталась декоративная часть. Теперь моя келья завалена холстом, париками, бородами из раздерганного манильского троса и подобной дребеденью. Хлопоты по бутафории, приготовление костюмов и тайные репетиции — чуть не единственная работа экспедиции в этот момент. Но они занимают время и развлекают всех, — что и требовалось.

19 декабря. Штиль — 18°Ц, к вечеру ЮЮЗ ветер. Совсем слабый отблеск зелено-желтой зари. Седов с целью поддержания бодрости духа пользуется всяким случаем разбить однообразный ход нашей жизни. Поэтому вступаем в ряд праздников. Сегодня первый — праздник моряков. Программа дня: иллюминация, салют из китобойных пушек, завтрак, сон и обед. Кают-компания разукрашена до неузнаваемости гирляндами бумажных флажков и фонариков. Книжные полки и станки для ружей затянуты флагами.

После завтрака под гром пушек зажгли на палубе огни. Горящие плошки (консервные жестянки, наполненные медвежьим жиром) везде: по бортам, на мачтах и вантах.

У сходней пылающие бочки из-под керосина. Отблески огней скользили по снегу, изборожденному бурями, играли на мертвенно белых берегах и слабо замирали на отдаленных торосах. Если какой-нибудь бродяга-медведь наблюдал издали наше празднество, он, вероятно, составил о человечестве представление, как о породе, производящей страшный шум и склонной к чудачествам.

Кто-то еще осенью вспомнил, что среди моряков существует обычай справлять праздник Нептуна — «крестины» переходящих экватор или полярный круг впервые. Правда, полярный круг у нас далеко позади, при переходе его не было времени заниматься крещением, но теперь,— отчего не подурачиться: времени слишком много. Придумано целое действие в стихах с остротами и злободневными намеками.

Началось оно пушечным выстрелом. Режиссер поясняет:

— Это лед у борта лопнул! Смотрите, смотрите!

Стоим и видим — из-за борта лезут ряженые в костюмах из рогожи. Сначала один — это герольд морского царя, объясняют нам.

Под кудельной бородой не сразу узнаешь мягкие черты Линника. Роль свою он ведет так хорошо, как будто только вчера оставил профессию актера. Нарочито напыщенно он декламирует:

В полунощной стране,
Где царство вечных льдов,
Где море стынет ледяное,
Подвластны все великому царю —
Полярному Нептуну.
    Кто, дерзкий, преступив границы,
    Пред стужею Борея не трепещет?
    Над всем и всеми здесь — могучая Нептуна воля.
    Кто Нансена три года по морю носил,
    Сковавши «Фрам» цепями ледяными?
    «Жаннету» дланию всесильной кто
    В ничтожные осколки превратил?
    Всем памятна судьба жестокая «Франклина»!..
Так ведайте ж вы, смертные,
Что час и ваш уж близок!
Вы вторгнулись в полярные владенья
И дерзостно нарушили покой и вечное молчанье.
Наш грозный царь разгневался,
Сегодня явится и призовет к ответу вас.
О, горе, кто противится ему!
Явите ж полную покорность
И подданство полярное примите!

Снова удар пушки. Под пронзительный вой рожка пожаловал сам царь морской с царицей и царевной, за ним свита: два чорта.

Царскую фамилию вахтенный пропустил, а чертей — нет:

Ваше благородие:
Это — чортово отродие.
Вид неприличный,
Дух нечистый!

Герольд-Лебедев между тем представляет:

Царь Нептун полярный,
Повелитель вод арктических,
Князь карский, беломорский,
Президент американских всех морей,
А я — слуга его Борей.

Царь взобрался на судно достаточно величественно. Потребовал начальника и учинил ему допрос:

— Кто такой, как зовется судно?
— «Святой мученик Фока»!
— Слыхал, слыхал. Не раз я мял ему бока!

Потом царь объявил целый обвинительный акт:

С некрещеною командою
Злой разбойничьею бандою,
Не спросивши разрешения,
Вторгся ты в мои владения.
Двух медведей ты убил,
Зря их в море потопил.
Дерзок на море ты больно.
Я терпел уже довольно...

В результате Нептун потребовал:

По законам моим и Полярного царства,
Великого Морского государства
Обязан мне дань уплатить
Провизией, водкой. Больше отпустить,
Людей же твоих я должен крестить.

После длинных препирательств с чертями, морской царевной и царицей и рассчитанных на фокинскую публику намеков и шуток, Нептуну вручен список девяти человек, не бывших еще за полярным кругом. При хохоте и криках начиналась церемония крещения.

Первым попался в руки чертей капитан, за ним Кушаков, матросы. Окрещиваемый получал на голову основательную порцию смеси снега и воды, а в лицо — добрый мазок сажи, — не спасали никакие отговорки.

Окрестили всех, а по списку нехватило матроса Линника. Черти поискали, понюхали и бросились на самого царя. Когда физиономия его морского величества достаточно почернела от сажи и слиплись волосы, начальник обратился к нему с двусмысленным вопросом:

— Доволен ли, великий государь?

— Нет, не доволен, — проворчал Линник, — еще одного крестить желаю — боцмана Инютина.

Инютин был уже за полярным кругом, но в уважение царской воле под горячую руку крестили и боцмана.

Меню обеда в этот день отличалось изысканностью:

Водка и закуски.
Бульон с пирожками.
Пельмени из сушеного мяса.
Солянка с капустой и малороссийским салом.
Компот.
Кофе, какао и конфеты.

После обеда музыка и попытки танцовать. День закончился прогулкой «за песцами».

21 декабря. Шквалы и вьюга с ЮЮВ Подвижная и кипучая натура Седова не выносит навязанной бездеятельности. Он решил предпринять небольшое путешествие на север.

Уже сейчас намечаются планы весенних работ. После Баренца — мы первые, зимующие так далеко на севере Новой Земли. Имея все необходимое для далеких санных экскурсий и усовершенствованные инструменты, мы не можем отказаться от крупнейшей задачи: привести в порядок карту новоземельского берега и фантастическим представлениям о внутренней части Новой Земли противопоставить точные наблюдения.

В короткий промежуток времени до навигации необходимо сделать очень большую работу.

Предполагается, что Павлов пересечет Новую Землю, исследует ее ледяной покров и постарается сомкнуть съемку восточного берега с самой северной точкой, до-

*

стигнутой Пахтусовым. Визе берет на себя задачу пересечь Новую Землю и исследовать северо-восточную часть Карского берега. В своем путешествии Визе должен встретиться у мыса Желания с Седовым, который отправится туда же по западному берегу. Задача Седова самая трудная. Теперешняя экскурсия — небольшая разведка пути. Седов боится, что весной его подолгу будут задерживать необходимые для точности съемки астрономические определения места выдающихся мысов. Теперь он хочет с возможной тщательностью произвести определение места мыса Литке, первого по пути на север, чтоб весной начать хронометрический рейс оттуда.

Ночные путешествия — предприятие рискованное. На луну надеяться трудно: луна — коварное светило. При отправлении Седова было светло, тишина. Но несколько часов прошло, и снова подул ветер, теперь свирепствует вьюга.

24 декабря. Стих ветер, луна ярко светит. Свет ее более ярок, чем на юге. В прошлые месяцы я думал, что это — просто обман зрения: здесь или вовсе нет контрастов или они слишком велики. Сегодня я убедился, что лунный свет здесь действительно ярче, чем где бы то ни было на юге: я попробовал фотографировать при луне и получил прекрасные снимки. При полном отверстии объектива Цейсса Тессар F : 4,5 — выдержка всего четыре минуты. Весь снимок совершенно не напоминает лунных снимков на юге: те снимки выдерживаются часами, все тени выходят смазанными, — луна успевает пройти не малый путь.

28 декабря. Много гулял при луне, много думал в одиночестве. Много мыслей, совсем новых мыслей, приходит, когда остаешься один с пустыней, со звездами и тишиной, которая шепчет на ухо нечто *о самом важном* и здесь, где ты чуть не единственный представитель жизни, и там, где жизнь расточительно-разнообразна. Чудится по временам, что подходишь совсем близко к разрешению главной загадки бытия: *зачем ты пришел в мир?* Тишина подводит вплотную, — еще шаг, и ты будешь свободен сделать выбор между вечным пребыванием в тишине и краткой, странной сказкой в мире живых, но бродящих без цели или с целями, — здесь, пред лицом тишины, —

Прогулка к м. Столбовому (снимок при луне)

имеющими такую же цену, как серебряный пятиалтынный, случайно оставшийся в моем кармане.

1 января. Долгое отсутствие Седова начинает беспокоить. С тех пор, как он ушел, все время сильные ветры. Постоит один тихий день, а три — метель. Со вчерашнего вечера начался страшный шторм. Ночью я отправился на метеорологическую станцию с двумя фонарями, боясь, что один может потухнуть раньше, чем я успею сделать наблюдения, и тогда будет пропуск. А мы гордимся, что до сих пор ничто не могло заставить пропустить наблюдения или опоздать хотя бы на минуту.

С фонарем в руках и другим за пазухой я спустился со сходней. Ударом встретил меня ветер. Цепляясь за поручни, я кое-как спустился, добрался ощупью до каната и, еле удерживаясь на ногах, добрался до станции. Фонарь погас на полдороге. Второй я сумел сохранить и сделал отсчеты в будках, но по дороге к флюгеру буря сбила меня с ног, погас и второй фонарь. Я не мог записать наблюдений. К счастью, записывать, кроме направления ветра, было нечего: доска, показывающая силу ветра, прыгала выше верхнего деления.

Тут же около флюгера я заблудился, не мог найти даже будок, а канат начинался от них. С чувством брошенного в пучину водопада, ничего не видя залепленными глазами, я долго не мог определить: где же я — между «Фокой» и станцией, или... Принялся бродить зигзагами, подбрасываемый ветром, меняющим свое направление. Но я держал в уме, что общее-то направление ветра постоянно, и поисков не оставлял. Через полчаса нашел канат. Вернулся с плотной снежной маской на лице, снег проник до нижнего белья и тела.

В такую погоду где-то во тьме странствует Седов. Луна сильно ущерблена, а во тьме бури ее не видно совсем.

2 января. Седов вернулся вчера вечером. Незадолго сильно завыли и залаяли собаки. Выйдя с ружьем посмотреть, в чем дело, я увидел Варнака — одну из запряжки Седова. Километрах в двух мы встретили наших путников. Седов привез с собой серию астрономических наблюдений и — о сюрприз! — убитого медведя!

На мысе Литке первым делом построили снежный домик для магнитных наблюдений, но пользоваться им при-

шлось недолго: разрушил какой-то любознательный медведь. Палатка Седова оказалась в зимней резиденции медвежьего царства. Первый медведь подошел во время сильной метели. Варнак и несколько сибирских собак смело атаковали незваного гостя. Пока медведь бросался

С мыса Литке

то на одну, то на другую собаку, Седов подошел совсем близко и быстро прикончил бродягу.

Открытое море плещется почти у самого мыса: ледяной припай у берега не шире километра. Седов почти каждый день оказывался лицом к лицу с новыми посетителями медвежьей породы. Один какой-то особенно предприимчивый забрался в снежную хижину, где было сложено мясо и шкура убитого. Разломав хижину, грабитель вытащил

мясо наружу и собрался было предаться пиршеству. Помешали собаки. Когда приходил первый медведь, на того нападали 3 — 4, остальные проявили преступное равнодушие или трусость. На этот раз наглость проходимца-полунощника вывела из нейтралитета всех. Даже наиболее робкие вступились за попранное «право собственности» и напали на грабителя мясной кладовой дружно — полетели клочья шерсти. Седов тяжело ранил и этого, но зверь был крупный. Собрав остатки сил, он пробил себе дорогу до воды и уплыл. Если б наши путешественники догадались захватить с собой побольше патронов, и этот не ушел бы. Седов не хотел стрелять не наверняка, боясь остаться безоружным в этом «медвежьем лагере».

Солнце приближается. Сегодняшний рассвет в полдень показал зарю слегка окрашенной у горизонта в оранжевый оттенок. Приподнимается темная завеса, и будет время, — она подымется совсем! Тогда покажется светило — источник жизни. Оно своим сиянием осветит берега, высокие мачты, а потом и всего заброшенного «Фоку».

Глава Восьмая

... Опасен вихрей бег, но тишина страшнее,
Что портит в жилах кровь всех ядов злее.
Лишает долгий зной здоровья и ума,
А стужа в севере ничтожит вред сама...

Ломоносов

Глубока еще ночь. Прошло уже около двух недель января, а рассвета еще нет. Впрочем, седьмого числа отблеск полуденной зари имел явно оранжевый оттенок. Скоро, скоро поднимется черная завеса!

Новогодние праздники встретили по-русски: обильной едой, сумбурным весельем. После пушечного салюта объедались всем, что было лучшего в кладовых и трюмах. Но «праздничным гусем» оказался все-таки медвежий бифштекс. Пока шли разные закуски, орошаемые вином, компания весело гомонила, разговоры даже усиливались по мере усыхания бутылок. Но вот подали бифштекс — и все умолкло. Стук вилок и ножей о тарелки и аппетитное чавканье прерывались только возгласами:

— А не перекрыть ли по одной?

После трехмесячного воздержания все пожирали мясо подобно дикарям. Куски таяли, как масло на сковороде. Подчистив тарелки, обменялись впечатлениями:

— Хорошо мяско?

— Спасибо охотничку. Хорошо!

А один даже разразился целой одой в прозе во славу мяса, ниспосланного отшельникам в нощи. Он закончил:

— ...Дайте, дайте сюда самого ярого вегетарианца! Я его не съем. Нет. Но посажу сюда на тощую диэту каш, супов, киселей и консервов,—он сам в два месяца вылечится навсегда от вредного психоза!

Вышел срочный номер журнала «Кают-компания».

Основался он еще при свете дня, но тогда влачил довольно жалкое существование из-за неимения постоянных сотрудников и редактора. Теперь журнал вышел в объеме большой газеты со всеми отделами, с подписью редактора Визе. Как полагается газете, впереди в черной рамке траурное объявление:

> Родные, друзья и знакомые его Превосходительства Генерала-От-Инфантерии
>
> Михаила Михайловича *Топтыгина*
>
> извещают с душевным прискорбием о скоропостижной смерти его, последовавшей в бою при мысе Литке 27 декабря с. г.
>
> Погребение 7 января.

Объявлений было не мало; среди них выделялись:

«опытный лоцман, прекрасно знает опасный фарватер в камбуз *, благополучно выводит из духовки пирожки и остатки обеда.

Адрес: Метеорологический проспект № 1».

«Кто излечит слепоту правого уха и восстановит утраченный слух левого глаза?

Адрес: Вилла Ароматов Ю. Т.»

Из телеграмм:

«*Ницца*. Известный поставщик продуктов для полярных экспедиций Д. приобрел в окрестностях Ниццы роскошное палаццо графов Х. Бакалейная торговля Д. в Соломбале за последний год дала 25000% прибыли».

В журнале был отдел «Северная война» (читай: с белыми медведями), фельетон, несколько стихотворений и рассказов, помещено даже официальное опровержение «Северного осведомительного бюро».

Вечером в заключение всех праздничных утех состоялся концерт с участием хора сомнительной стройности и балетных упражнений весьма спорной грациозности, характера — явно неустойчивого.

10 января. Сильная оттепель, до 0,8° Ц. После обеда Лебедев, ворвавшись ураганом, объявил, что над ледни-

---

* Камбуз — судовая кухня.

ками показался огонь: «кто-то там ходит». Через несколько мгновений между матросами на мостике горячо обсуждался вопрос: что за загадочный огонь?

— Кто-нибудь ушел с фонарем — вот и все!

— Вот и не *все!* Все дома.

— Луна?

— Где ты — у себя в Шенкурске, что ли — такую луну видел?

— Какой-нибудь житель зазимовал здесь и поше...

— Нет, братцы, у него, видно, не все жители дома, ежели он думает, что здесь жители есть!

— А по-моему, блазнит. Леший амманывает!

Огонек же сверкал и, казалось, даже двигался у смутно различаемой черты горизонта над Новой Землей. Долго бы гадали, если б Седов не вспомнил, что Венера, ближайшая спутница солнца, должна взойти как раз в этих числах. Она была невидима до сих пор, но солнце приближается, и Венера — первая вестница близости его восхода.

17 января. ВСВ ветер. Вчера ударил сильный холод. Ртуть показывала около — 25°Ц, но сильный штормовой ветер быстро забирался под одежду. Холодно. Сегодня температура понизилась до — 36°Ц, ветер затих и, казалось, стало теплее. Во время рассвета работали на воздухе, убирая со льда постоянно проваливающуюся баню. Вместо нее в одной из цистерн трюма складываем русскую печь для выпечки хлеба. Там же будем и мыться.

20 января. В воздухе морозный туман. Луна светит тускло через его неподвижную пелену, не выходит из кругов и радуг. Круги иногда больше, иногда меньше, но всегда красивы.

И искрящийся туман заволок все видимое, мерцающими кристаллами осел на мачтах и снастях, убрал их белым пухом, превратив паутину вант в чудесную белую решетку, легкую и воздушную. Побелело все. Даже незанесенные снегом доски борта покрылись кустиками кристаллов, и черная смола превратилась в белый бархат. Выйдешь на воздух, и тебя волшебник-туман быстро перекрасит в общий цвет. Белым покрывалом сядет на шапку, покрасит одежду, подведет густо-белой краской брови и ресницы, застынет сосулькой на усах.

Крещенские морозы как по заказу. Вчера минимальный

термометр показал — 41° Ц, сегодня — 42,3° Ц. Мы чрезвычайно рады прекрасной погоде. Пусть стоят трескучие морозы, только бы не надоевшее завывание вьюг.

23 января. Вчера мороз достиг — 44,5° Ц. «Фока» потрескивает на холоду, как жилой дом. Мы не думаем, чтоб мороз мог усилить течь: корпус достаточно защищен снегом — треснуть могут только верхние части наружной обшивки.

Сегодня ушли на охоту к мысу Литке Кушаков с Максимычем и Линником. С охотниками 16 собак.

Морозы не страшны пушистым красавцам сибирякам. Но архангельские собаки в очень плохом виде. Мы пытаемся поддержать в это холодное время наиболее слабых. Я взял на свое попечение Волкодава. Кроме таких питомцев, у каждого из нас есть собственный фаворит-любимец. Любимчиков можно узнать по гладкому виду, по нахальству, с каким они рвутся в жилое помещение. Фаворит считает долгом сопровождать хозяина на прогулках и всегда сидит поблизости входа в ют. Завидев хозяина, пес выгнет спину и, бешено крутя хвостом, норовит лизнуть в усы.

27 января. День заметно прибывает. В полдень можно уже прочесть обыкновенную книжную печать. Стоят те же морозы. Сегодня — 42,5° Ц.

Визе заметил интересные периодические колебания температуры и давления воздуха. Колебания очень слабы, но довольно постоянны; мы думаем, что эти изменения — воздушные приливо-отливные волны, вызываемые, как и морские, силой притяжения луны. Еще Гумбольд указывал, что должны существовать воздушные приливы, но до сих пор никто не наблюдал их. И не мудрено: в странах, где солнце восходит и заходит каждый день, нет возможности отметить эти слабые колебания воздуха, они теряются в атмосферных явлениях, имеющих своими источниками влияние солнца и перемены давления воздуха. Только здесь в полосу штилей, при отсутствии влияния солнца, можно обнаружить эти слабые воздушные волны.

28 января. Морозы дошли до — 50,2°Ц. Никто из нас не предполагал, что температура может опуститься так низко: до сих пор таких температур на Новой Земле еще

не наблюдалось. Ртуть давно замерзла. При неосторожном встряхивании термометра шарик пробивает стекло и падает пулькой. Керосин превратился в густую маслянистую массу. В воздухе висит непроницаемый ледяной туман.

Вечером состоялось несколько партий преферанса. Во время игры мы поминали отсутствующих товарищей; общее мнение было, что мы скоро можем ждать их обратно, — при этих морозах море должно замерзнуть. А не будет воды, не будет и медведей. Мы боимся: не слишком ли легко снарядились ушедшие?

Около судна залаяли собаки. Под влиянием предыдущего разговора кто-то сказал: «Уж не наши ли охотнички?»,— но произнес свое предположение настолько неуверенным тоном, а лай был так слаб, что игра продолжалась и засаленные карты с прежним азартом шлепались на стол.

И вдруг в самый горячий момент игры послышался стон, будто кто-то невнятно произнес:

— Братцы!

Все, вздрогнув, обернулись. В дверях стоял штурман. Он сильно дрожал и силился что-то сказать, но не было возможности разобрать ни слова. Сплошной кусок льда закрывал рот. Усы, смерзшись с одеждой и шапкой, спускались книзу, как моржевые клыки. Из страшной ледяной маски выставлялась только часть почерневших щек и конец багрово-красного носа.

Засыпав Максимыча вопросами, почему он один, где остальные, живы ли, не нужно ли помощи, мы с трудом добились ответа, — штурман почти не мог говорить, казалось, он был в состоянии сильного опьянения. Мы узнали, что остальные в палатке — километрах в двенадцати. Несчастный поморозил руки и ноги. Опасаясь вовсе лишиться конечностей, он не остался на ночлег, — боль мешала уснуть, — а вышел к кораблю в сопровождении своего фаворита Штурки. С мыса Литке партия отправилась утром, — штурман сделал переход в пятьдесят три километра. Последние километры Максимыч почти полз. Потерявшие чувствительность ноги не держали усталого тела, бессонные ночи вовсе отняли силы. Несколько раз путник ложился на снег в полном изнеможении и начинал дремать.

Любимец Штурка в такие минуты садился поблизости

и начинал выть по-волчьи, как будто понимая опасность, какой подвергался хозяин, оставаясь без движения. Тоскливый вой будил замерзавшего. Он напрягал всю волю и поднимался. Когда до судна оставалось уже небольшое расстояние, Штурка прибегал на «Фоку», — тогда-то мы и слышали лай собак. Один из матросов видел Штурку, но не обратил на него внимания, совершенно позабыв, что Штурка в числе ушедших с охотничьей партией. Побегав около судна, Штурка вернулся к Максимычу и принялся лаять и теребить зубами замерзавшего хозяина. И на этот раз Максимыч имел достаточно воли, чтоб подняться и пройти оставшиеся полтора-два километра. Неподалеку от метеорологической станции он обессилел окончательно. К счастью, в это время вышел наблюдатель Пустошный и помог подняться.

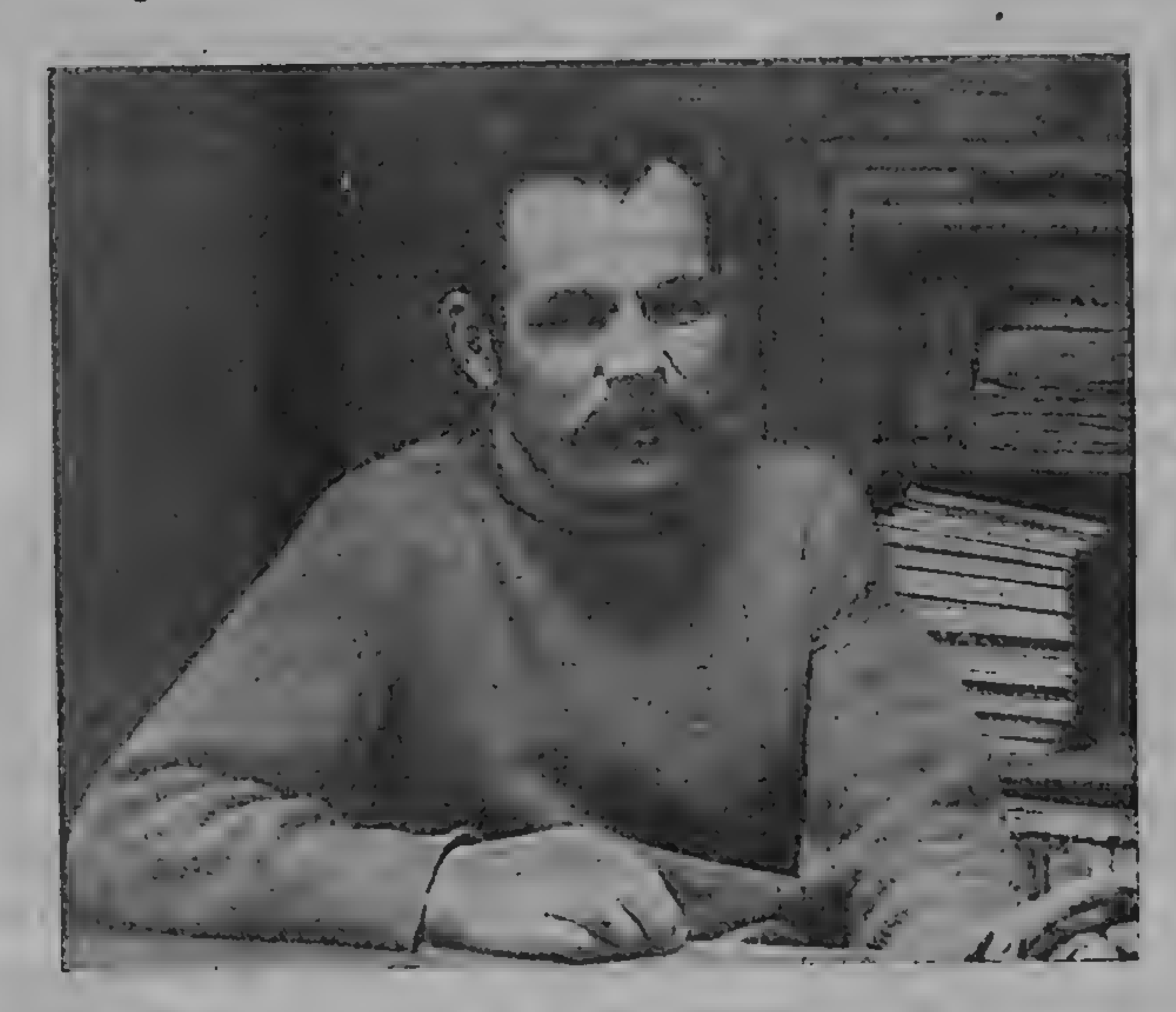
Мы принялись оттирать пострадавшего. Более всего отморожена правая рука и нога, левые — сравнительно слабо. После часовых стараний удалось восстановить кровообращение везде, кроме пальцев правой ноги и ступни: они оставались такими же белыми, твердыми кусками, как и раньше.

29 января. С утра Седов отправился на помощь охотничьей партии. Кушаков заблудился; Седов отыскал его недалеко от перешейка Панкратьева полуострова. Температура воздуха — 49,9°Ц.

2 февраля. Штиль — 37°Ц. Бедный Максимыч в постели. Отмороженные места превратились в пузыри, как от ожогов. Правая ступня покрыта сплошным пузырем, доставляющим большие мучения.

В эти дни многие из нас ходят с «розами» на щеках. В большинстве случаев розы — плоды кокетства. Существует такое «полярное кокетство». Применяется оно здесь не женщинами, нет, это кокетство «полярных волков» или кандидатов на это почетное звание. Трудно иначе назвать поведение, свойственное в других странах прекрасному полу. Вы читаете в книге старого полярника: «Погода стояла какая угодно, но только не приятная», а дальше помечена цифра — 38° средней температуры за три недели санного путешествия и жизни в палатке,— знайте: матерый волк хочет указать, что он жестоко страдал от холода, но волку жаловаться не годится. Это —

наиболее тонкое кокетство. В книге другого выдающегося исследователя вы найдете описание случая, когда автор, проплыв вдогонку унесенного ветром каяка и окоченев, нашел возможным щегольнуть пред своим спутником парой выстрелов по мимо плывущим пичужкам без крайней к тому нужды. Если заслуженные полярные волки не свободны от кокетства, то как нам, молодым волчатам, не позаигрывать немного с сердитой природой. Выскаки-

Н. М. Сахаров

вание на мороз в белье, купанье с каяка, ходьба при —50° без башлыка, — все это виды того же кокетства. Но это не худо. Говорят, что женщине идет умеренная доля кокетства. Если так, то почему бы нашим волчатам не показать себя?

4 февраля. Сегодня в кают-компании красуется бюллетень метеорологической станции за январь (нов. ст.). Абсолютный минимум за месяц —50,2°Ц. Абсолютный максимум: +1°Ц.

Вечером прекрасное северное сияние. Одно время в зените наблюдалась слабая корона в виде пучков света, расходящихся из одной точки.

Чудо! Пройдут года, много лет. Быть может угаснет к тому времени солнце, оледенеет земля, на ней не останется никого, кто бы мог видеть чудеса неба, а прекрасные ленты и короны будут развертываться, как и раньше, до первого проблеска мысли на земле, в полном равнодушии — наблюдает их кто, или нет. А мысли, старавшейся проникнуть в сущность прекрасного явления, уже не будет. Она умрет с последней живой клеткой. Так ли? Какая же цена жизни, если властительница мира, прекрасная в своем равнодушии, только смерть?

7 февраля. Свет прибавляется. Он радует сердце, несет бодрость и крепкие мысли. Нет, — не смерть владычица мира! Взгляни на бесконечное небо: оно полно жизнью. Теперь Венера целыми днями шлет радугу лучей и только на ночь прячется под горизонт. Как прекрасна эта далекая планета! По вычислениям мы через два дня должны увидеть солнце. Да будет свет!

Во время рассвета пробежался на лыжах по направлению Южно-Крестовых островов: там над льдом держится водяное небо. Километрах в пяти от зимовья я увидел совсем близко темную полосу воды. Повернул было к ней, хотя казалось странным: почему я не видел ее с высокого берега? Чтоб проверить направление, которого следовало держаться, я поднялся на высокий торос.

Что за чудо? Вот так навождение! Вода как расплылась. Перед глазами тот же ровный лед, — никакой воды. Удивленный, я спустился с тороса... и снова увидел полынью. По ней плавали льды и, казалось даже, рябила зыбь. Снова—поднялся на торос и снова исчезла полынья, как будто лед всосал воду. Я несколько раз поднимался и опускался в нижний слой воздуха, производивший мираж! Само слово заключает представление о прекрасном видении! А здесь мираж — та же картина полунощного океана, столь же мертвая и мало отрадная, как и все окружающее.

Возможность совершать прогулки необычайно приятна. Весь светлый промежуток времени мы на воздухе.

9 февраля. Сегодня солнце перешло наш горизонт. Праздник. В 11 часов с флагами, плакатами и знаменами отправились на гору встречать восход.

Процессия прошла к заранее раскинутой палатке с

яствами. В полдень — 17° мороза, горела яркая заря, небосклон был чист. Всех манила надежда увидеть солнце. Около 12 часов поднялся на небе красный столб — отблеск восходящего солнца, но оно не поднялось настолько высоко, чтоб показаться нам из-за новоземельских гор. Впрочем, несколько праздничных рюмок в палатке-буфете настроили всех достаточно празднично.

18 февраля. С десятого по сегодня почти беспрерывно свирепствовала вьюга. Сегодня к полудню потихло, небо очистилось совершенно. Только поземь мела струйки снега по бухте и закрывала горизонты низким туманом.

И вдруг неожиданно снеговой туман прорвался нежным лучом. Осветив текучую реку снега, блеснуло солнце.

— Солнце, солнце! — закричали на палубе.

Все бросили работу, закричали — ура! ура! — без конца, как будто совершилось особо радостное событие. Кто-то выстрелил из ружья, потом ударила пушка. Без слов мы стояли небольшой кучкой и смотрели на солнце, медленно высвобождавшееся из снежного тумана. Наконец-то дождались настоящего дня!

Состоялся экспромптом праздник. Лозунг дня: да здравствует солнце на долгие времена!

Глава Девятая

... Достигло дневное до полночи светило,
Но в глубине лица горящего не скрыло,
Как пламенна гора, казалось меж валов
И простирало блеск багровый из-за льдов...

Ломоносов

Нет никаких оснований называть «весной» время года сейчас же за окончанием полярной ночи. Действительно, приближалось весеннее равноденствие, а далеко на юге и взаправду наступала весна, но в стране, где жили мы, ничто не напоминало о весне. Те же морозы, бешеные вьюги, не замечалось никакого влияния солнца: оно светило холодным блеском, и косые лучи не могли повысить температуру хотя бы на десятую долю градуса.

Но мы говорили — весна пришла. В самом деле как иначе назвать радостную перемену в природе, как не весной? При свете дня выступили почти забытые подробности окружающего пейзажа. Все казалось новым. На горах почти не осталось темных пятен, — они поднимались к небу белыми привидениями. На льду, там, где раньше стояли высокие торосы, расстилалась ровная волнистая пелена снега, изрытого застругами *. На скалистых обрывах гор повисли узорами лавины, а у подошвы каменных стен образовались глубокие снежные коридоры. «Фока» тоже закутался: из снежной одежды видны только стройные мачты, бугшприт с утлегарем да ют с трубой. Нет необходимости пользоваться сходнями, — прямо с борта шагаем на снежную равнину.

---

* Застругами называют сделанные ветром выбоины на снегу. Заструги встречались везде, но особенно крупны были на склонах гор и поверхностях ледников. Там эти твердые, как лед, снежные волны сильно мешали ходьбе, а нарта прыгала по ним, как телега по бревенчатой гати.

Все сияло белизной и радостью. Но наши жилые помещения при свете дня казались еще мрачнее. Когда в первый раз золотой солнечный луч ворвался в иллюминатор и заиграл в темноте кают, стало заметно, сколько копоти накопилось за зиму: при искусственном свете мы не замечали, что стены из белых стали серыми от табачного дыма и копоти сутками горящих ламп.

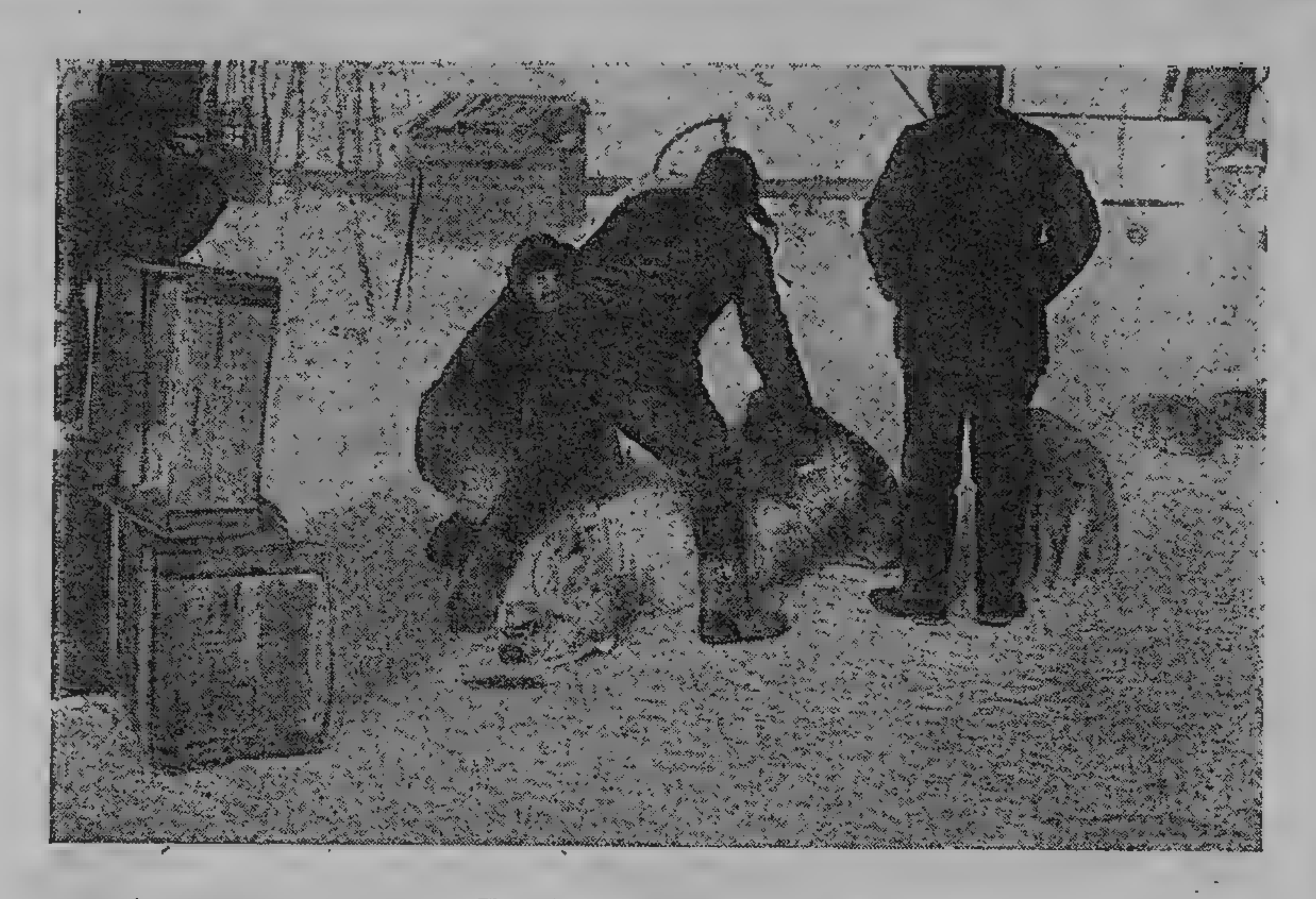
Однако эти серые стены нимало не мешали предаваться самым розовым мечтаниям, и никогда, думается, не слышалось таких бодрых возбужденных голосов, как в эти первые «настоящие» дни.

Солнце взошло, наступает время, когда мы можем, наконец, приступить к работе в полном объеме. Мы готовы к ней; пред каждым непочатый край дела. Новая Земля почти неизвестна в этой части; местности, где ступала человеческая нога, — все наперечет, и этих мест чрезвычайно мало. За высокой линией восточного горизонта скрыта загадка Новой Земли. Что там — отдельные ли большие фирновые * поля, как на Шпицбергене, или же ледяной покров, как в Гренландии и на южном Антарктическом материке? Мы уже теперь склонны думать, что вся земля погребена льдом, но это нужно доказать, наука не верит поверхностным наблюдениям. И мы чувствуем силу, необходимую для исследований. Осенние экскурсии дали опыт и показали чрезвычайную важность всех, на первый взгляд, ничтожных мелочей снаряжения. Мы способны были часами обсуждать разницу в несколько граммов суточной провизии, или посвящать целое заседание усовершенствованию укупорки саней.

Разумеется, такие споры можно было услышать только в дни бурь и метелей. Каюты пустели в каждый хороший день. Затворники разбредались на работу по съемке окрестностей, по исследованию ледников, или занимались очередной работой у корабля. Медведь, посетивший «Фоку» 12 марта, мог хорошо рассмотреть все наши занятия. Был ясный день с одиннадцатиградусным морозом. Часть матросов пилила дрова, другие примеряли шлейки и кололи лед на айсберге; оба наблюдателя хлопотали над

---

* Фирн — слежавшийся в зерна снег, мутный полуснег-полулед.

Первый посетитель

чем-то у будок, Седов делал наблюдения для поправки времени, я проверял работу кинематографического аппарата. Порядок мирной работы был нарушен незнакомцем. Он, не торопясь, направлялся прямо к «Фоке», обнюхивая по дороге все заслуживающее медвежьего внимания. Седов заметил гостя в двух десятках шагов от пиливших дрова. Я принес винтовку раньше других. На мой маневр обхода, с целью отрезать отступление, медведь не обратил внимания, но обхода я не выполнил: зверя заметил Варнак. Медведь, завидев несущийся желтый клубок, струсил и быстрым галопом побежал прочь. Тем временем и остальные собаки заметили зверя. Началась погоня. Медвежий галоп на вид очень неуклюж и медленен, на самом же деле собаки с трудом догоняют. Видя, что расстояние увеличивается, я подумал, что состязание в беге выиграет медведь, и попытался остановить зверя выстрелом с большого расстояния, но конечно не попал. Мишке к его несчастью вздумалось отдохнуть; он взобрался на высокий торос. Тут беглецу пришлось плохо: наши псы, оцепив медведя, задержали его до прихода охотников. Медведь бы рад выбраться из западни, но поздно. Собаки

кидались на пленника единодушно при первой же попытке прорвать кольцо. Едва медведь делал движение, дорогу заступал Варнак. Обозленный зверь кидался в его сторону, но Варнака и след простыл. В то же самое время Разбойник и Весельчак вцеплялись сзади; мишка оборачивается, но те далеко, а на шее сидит Ободрыш, снизу же подоспевший Варнак рвет и теребит живот. Наконец, медведю удается стряхнуть с себя всех. Он прыгает на пять метров и поднимает зазевавшегося Весельчака. Можно подумать, — Весельчаку конец. Нет, — другие не зевают; тотчас же после прыжка на спине и на шее медведя — вся компания; ему уже не до подмятой. А та, отделавшись царапинами, с еще большим ожесточением кидается в бой.

Эта была первая охота с собаками. Я не был уверен, что собаки долго задержат зверя, и потому подбежал на сотню шагов и, выждав, когда поблизости не было собак, выстрелил и убил медведя наповал. Пуля попала в висок. Медведь рухнул, и вся свора набросилась теребить и рвать убитого. Это был самец с прекрасной шкурой.

13 марта. Умеренный восточный ветер — 12°Ц. Сегодня под вечер Седов явился с прогулки с прелестным пушистым медвежонком за спиной. На Южно-Крестовом острове Варнак с Разбойником отыскали на склоне горы берлону и выгнали из нее медведицу с двумя медвежатами. Седов застрелил мать на расстоянии пятнадцати шагов. Одного медвежонка загрызли собаки. Варнак, перервав горло одним ударом зубов, самой волчьей ухваткой закинул детенышка за спину и понесся прочь рвать и терзать свою добычу. Седов едва спас другого.

Итак, в кают-компании новый пассажир — Мишка. Звереныш за дорогу от берлоги превратил в лохмотья пиджак Седова. И на корабле он успел покусать и исцарапать всех. Его укус посерьезнее собачьего, а удар лапки такого полутора-двухнедельного детеныша дает понятие, что за сила должна быть у взрослого.

15 марта. Кушаков в сопровождении Линника отправился на Южно-Крестовые острова привезти убитую вчера медведицу. Недалеко от первой берлоги собаки открыли вторую. На этот раз хозяйка ни за что не хотела поки-

дать логовища, шипела, рычала, но выставляла только голову. Было бы просто застрелить медведицу, но винтовка Кушакова была чрезмерно смазана, курок не разбивал пистона. Тогда наш доктор вытащил револьвер, велел Линнику достать рогатину и, промолвив: «Линник, не выдай», пошел на медведицу со своим браунингом. Увы, револьверные пули слишком слабы для такого зверя, как белый медведь. К тому же Кушаков, держась на приличной дистанции, никак не мог попасть в голову. Выпустив целую обойму патронов, он прострелил только шею и ухо несчастной медведицы да выбил несколько зубов. Если бы зверь оказался более решительным, Кушакову со своей нестреляющей винтовкой и слабым револьвером не сдобровать бы. Видя, что охотник никак не справится с медведицей, Линник, не дожидая выхода ее из берлоги, подошел вплотную и принялся, сколько было уменья, орудовать рогатиной. Страшное оружие сделало свое дело: двух ударов не понадобилось. Через полминуты медведица лежала мертвой.

Одного из двух оказавшихся в берлоге медвежат и на этот раз загрызли собаки.

16 марта. Медвежонок, принесенный Седовым, начинает привыкать к перемене квартиры и стола. Сначала питомец упорно отказывался от еды и при приближении людей немилосердно шипел и ворчал. Вместо того, чтоб брать соску, наскоро состряпанную местными химиками из лабораторной пипетки, он норовил вцепиться в руку. Кому-то пришла мысль просунуть соску в кусок медвежьей шкуры и уже в таком виде преподнести нашему младенцу. Дело пошло на лад: Мишка хорошо тянет из соски разведенное молоко Нестле, мнет, как котенок, лапами шкуру, издавая звуки удовольствия, напоминающие пыхтение автомобиля на тихом ходу. Питомец окружен нежностью людей, которую им, видно, некуда девать. Усердные няньки, не обращая внимание на исцарапанные руки и порванные брюки, окружают Мишеньку неслыханным для медведя комфортом. Другой питомец, Васька, пользуется меньшим вниманием из-за своего тяжелого характера. Это — злющий звереныш. Проходя мимо него, следует оглядываться, если хочешь сохранить в целости штаны и икры.

Полярной ночью только и было разговоров о дальних весенних экскурсиях. Наступило для них подходящее время. Света достаточно для хорошего дневного перехода. Собаки наезжены. Перевычислены поправки инструментов, путевые хронометры выверены. Готовы палатки, спальные мешки, кухни и вся мелочь, нужная в дороге. Пора к делу.

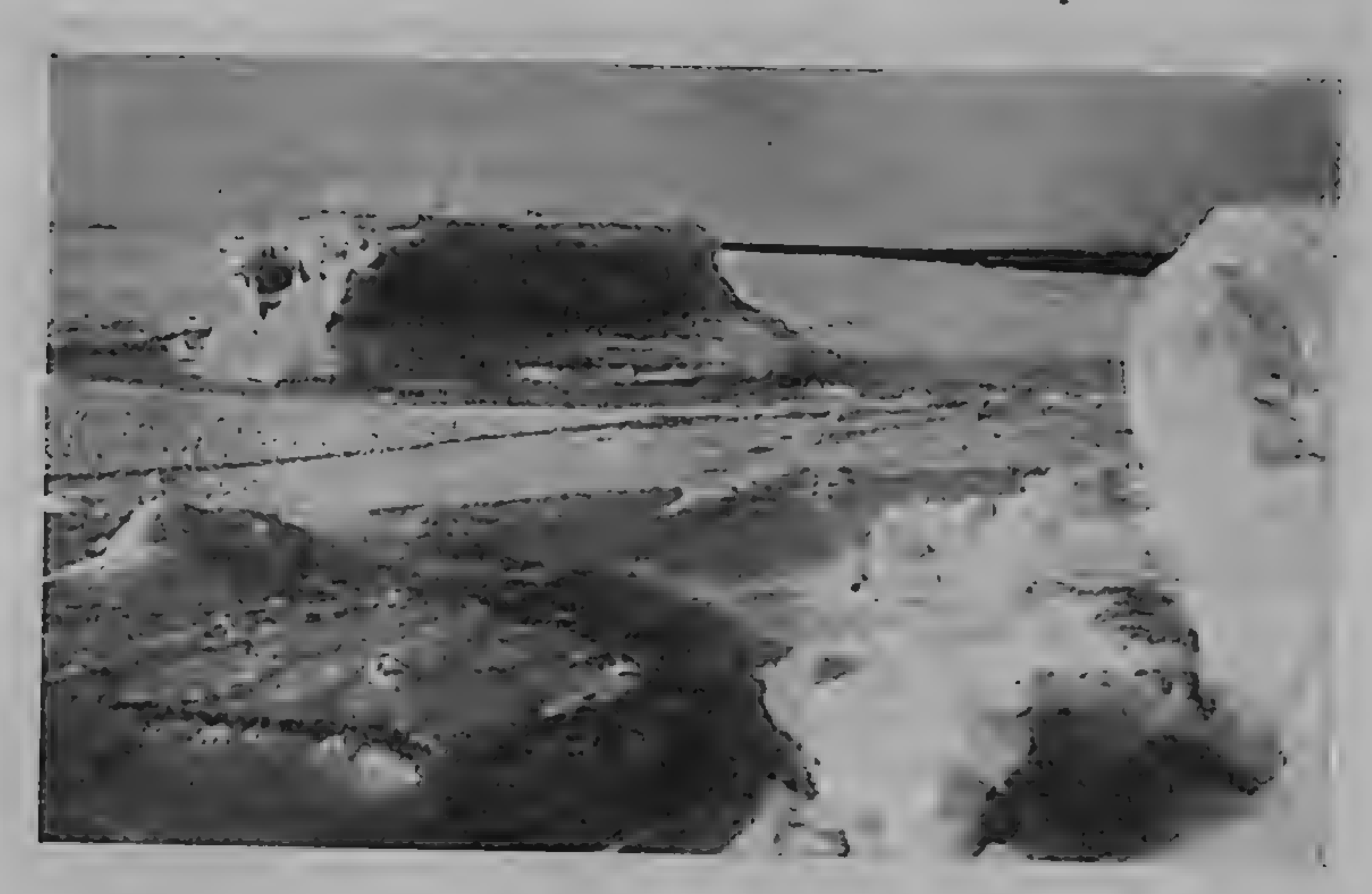

Лагерь у открытого моря близ Южно-Крестовых островов (18—23 марта)

18 марта вышли две партии. С одной ушли Визе и Павлов на разведку подъема на ледяной покров. Другая нарта потянулась на Южно-Крестовые острова, — поехали Седов и я.

Те острова лежат на запад от зимовки. У первого — острова Назимова — плескалось море. Льды белели только на юго-западном горизонте. Море у островов мелкое. Окаймляя весь западный берег, белели «стамухи» — обмелевшие торосы. Остров красиво пустынен; единственный гурий на северном крае свидетельствует, что некогда и сюда приходил зачем-то человек.

Второй — остров Пинегина — напоминает о многом. Вблизи его в 1872 г., затертый льдами, зазимовал и погиб вместе с сыном норвежец Тобисен, образованнейший ледяной капитан, доставивший много сведений о крайнем севере. В свою последнюю поездку Тобисен отправился без достаточного запаса провианта и был задержан льдами на зиму. Чтоб спасти людей, он отправил бо̀льшую часть команды в шлюпках на юг; эти — после невероятно тяжелых приключений — возвратились на родину. Сам Тобисен с сыном и двумя матросами зимовал на судне. Стесненный всем, в холоде, больной, он не прерывал наблюдений над природой и климатом и вел дневник до самой смерти.

Морской лед у о. Назимова в марте.
Вдали — стамуха, вмерзшая в молодой лед-солончак, направо — одногетний торосистый лед, налево — осколок айсберга

Обходя остров, убеждаешься, что он был некогда обитаем. Повсюду встречаются гурии, остатки построек, на северном берегу развалины очень древней русской избы. Попадаются куски железа, доски от бочек. Нашли мы чугунную печь. Есть накренившийся восьмиконечный крест, другой недалеко — повален бурями. Есть несколько груд камней, похожих на могилы, в одной из грудок

торчит обломок бревна, похожий на сломанный крест.

С чувством, как на кладбище, ходишь здесь по следам человеческой жизни. Думаешь: вот он, холодный север, все победил, все разметал. И беспокойные новогородцы, и суровые норвежцы, и упрямые поморы — где они? А ведь это все были храбрые молодцы! Робкие не ходят искать удачи и счастья в неведомые страны!

Крестовые острова — медвежье царство.[38] На второй же день один бродяга поднял нас с постели, едва мы устроились в палатке спать, другой встретился Седову в проливе, третий переполошил лагерь в пять часов утра, четвертый явился следом за этим. Мы не могли застрелить ни одного: заметив человека, медведи бросались в море и уплывали раньше, чем мы успевали взяться за ружья.

При посещении о. Пинегина я отделился от саней, чтоб измерить анероидом высоту горы. В это время сопровождавшие меня Варнак и Разбойник вдруг что-то почуяли и во весь опор побежали к склону горы шагах в двухстах. Собаки в упряжи тоже взбесились и, завывая, понесли перевернувшуюся нарту. С трудом остановив упряжку, мы взялись за ружья.

Под самым обрывом чернело отверстие, дымящее паром, а оттуда, свирепо щелкая зубами, ревела и шипела огромная медвежья морда. Собаки рвались в берлогу, но вход заграждали страшная лапа и могучая пасть.

Мы, не торопясь заканчивать охоту, с пяти шагов долго рассматривали медвежий дом и его хозяина, а в это время ярый охотник Фрам, вырвавшись из оставленной позади упряжки, стрелой пронесся мимо нас и сразбегу нырнул прямо в берлогу. Медвежья морда исчезла, из берлоги донеслись глухой рев, рычанье и дикий визг собаки. Мы считали, что с Фрамом уже покончено. Но вот прошло секунд пять — десять, показалась в отверстии Фрамова голова, опять исчезла задним ходом, а в следующее мгновение весь Фрам вылетел в виде сильно помятом, но живой. Двумя выстрелами почти в упор мы кончили охоту. Еле-еле вытащили матерую медведицу. Я отправился исследовать берлогу.

В логовище вел тесный полутемный коридор, длиною метров в шесть. Сама берлога — просторная пещера в рост человека вышиной и диаметром метра в три. При голу-

боватом свете проникавшем через тонкий потолок, мохнатый от кристаллов замерзших испарений, я заметил двух медвежат, притаившихся в углу. Бедняги! Они видели в образе моем нечто неизмеримо-страшное своей чернотой, — с таким ужасом смотрели на вторгшегося! Однако, при попытке взять бедных сирот, пушистые создания показали себя настоящими храбрецами: они так основательно вцепились в рукавицу, — я долго чинил ее потом. Пришлось, отогнав одного от другого, позвать спутника и потом уже взять поодиночке. Наши пленники подняли невероятный вой; заслышав его, Варнак пробил лапами тонкий потолок и бросился на помощь с очевидным желанием разделаться с медвежьим отродьем по-своему. Мы еле спасли медвежат от его умелых зубов.

На Крестовых островах мы пробыли шесть дней. Седов, по подошедшему ледяному полю, пытался достичь Северо-крестовского острова, но потерпел неудачу.

Если б кто-нибудь чужой посетил «Фоку» в половине марта, он подумал бы, что попал в бакалейную лавку. Горы мешков, сбруя, белье, одежда, меха, инструменты, письменные принадлежности, пачки шоколада, вязанки сушек по стенам, кучи банок с консервами, кули, кулечки, мешочки и сверточки заполняли каюты, лежали на палубе, пока отвешивались и упаковывались разнообразнейшие продукты. Шли сборы в дальние санные путешествия. 30 марта отправились одновременно экскурсии Павлова и Визе, а 1 апреля ушел к мысу Желания и Седов.

Время шло. Медленно, неуловимо, для глаза, солнце поднималось выше. Все длиннее становился день, а ночь, быстро укорачивалась, светлела. Одни погоды, казалось, оставались прежними: те же холода, вьюги и морозные туманы. Однако, 18 апреля почувствовался перелом. Нахожу в дневнике под этим числом: «8° Ц. Штиль. Наконец-то стало теплей! С утра до обеда просидел за этюдом у мыса Столбового, нисколько не озяб. На «Фоке» узнал, что максимальный термометр показал +3° Ц. Под вечер принес еще этюд, а днем сделал рисунок. Солнце ослепляет, а синева в тенях невероятна. По горам, не тая, но медленно испаряясь с черных камней, сходит снег. Около полудня пролетели над «Фокой» две чайки — первые

вестницы с юга, куда в эту пору невольно уносишься воспоминаниями.

— Там у нас весной настоящей, чать, пахнет, — сказал сегодня со светлой улыбкой Лебедев. — Наверное уж почки набухают, а сынишко-то да... с веснушками уж ходит! Весноватый он у меня.

Чайки весело кричали. Вся команда с детской радостью следила за полетом: «Это наши, беломорские!»

Медвежата тоже целый день на солнышке. Они совсем привыкли к людям. Наш первый питомец, Мишка, надоедая всем, тянется лизать руки и сосать палец: ко-ко-ко-ко-ко — «кокает», как говорят матросы. В свободные минуты, бывает, сажусь на снег и подзываю медвежат. И Мишка, и другой, сердитый Васька, свои клички знают хорошо. Мои — Полынья с Торосиком — моложе всех и еще плохо усвоили имена, но на руки забираются; гладишь зверушек; а они, шутя, кусают пальцы, ласково ворчат и кокают. На ночь заваливаются в собственную конурку и спят вповалку друг на друге.

21 апреля. Со вчерашнего дня шторм. К вечеру он разразился хорошим крупным дождем. Опять сидим на судне

Отправление В. Ю. Визе и М. Павлова для исследований внутренней части Новой Земли

и досадуем на непостоянную погоду. На этих днях сели на бак * две птички-пуночки (*Plectrophenax nivalis nivalis L.*). Матросы набросали для них крошек хлеба. Поклевав, птички улетели куда-то дальше на север.

21 апреля. Тихо. Событие дня: скончался медвежонок Мишка. Бедняга больше недели страдал расстройством желудка: перекормили поклонники Мишкиного ласкового характера. Покойный был умопрительный звереныш и к

Медвежата атакуют «Пана»

людям привязался до чрезвычайности. Ласкался ко всем, играл с каждым, у кого было свободное время. Кушаков сделал вскрытие и нашел желудочную язву.

— Что с тобой? Ты плачешь? О зверушке? — весело закричал он помогавшему держать трупик К.

— Что же, доктор, хоть и зверушка, а полюбился он всем, жалко. Я смотрю, лежит ободранный! Ровно ребеночек. Уж такого больше не будет!

---

* Бак — передняя часть корабля.

Двадцать восьмого апреля почти одновременно вернулись Визе и Павлов. Они — чтоб помогать друг другу — не разделялись до самого Карского моря. Только там разошлись в противоположные стороны.

Подъем на Новую Землю с западной стороны не особенно труден: начало его облегчается моренами. Обе партии поднялись по моренам почти до самых нунатаков. Дальше подъем также не крут, но очень опасен бесчисленным количеством трещин и провалов, закрытых без следа ровным слоем хорошо слежавшегося и прибитого ветрами снега. Несколько раз караван останавливался, чтоб обойти ту или другую трещину, и, наконец, случилось: Павлов, шедший впереди, внезапно исчез. Визе так описывает это происшествие:

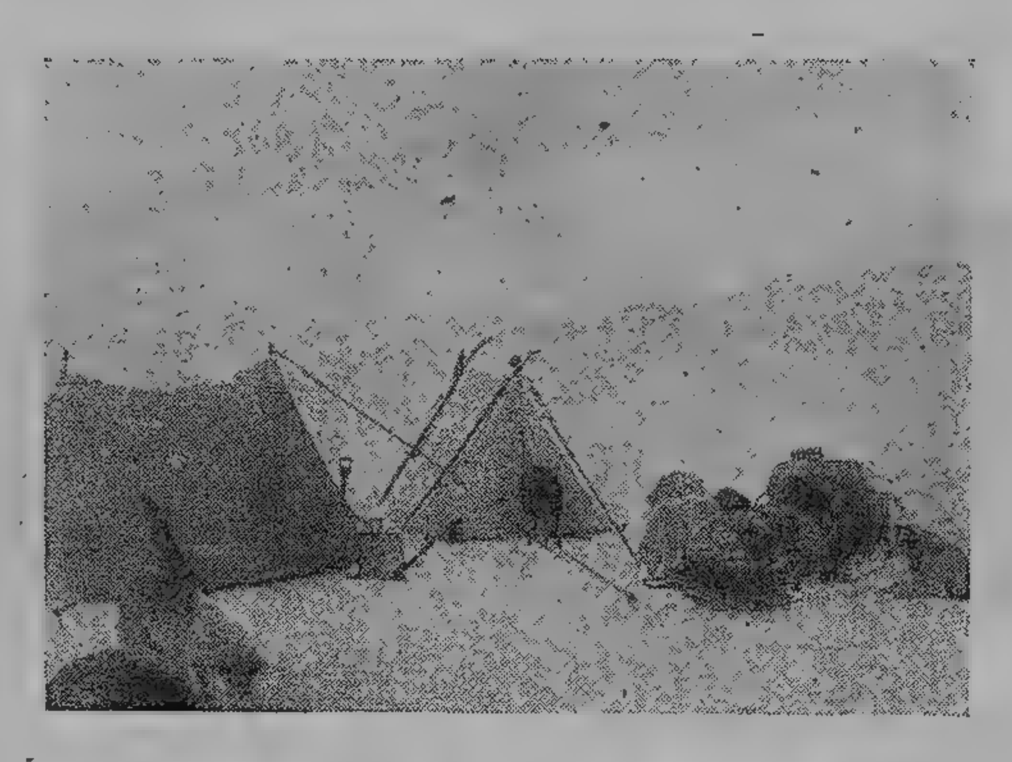
Наши питомцы

«С утра я и Павлов пошли вперед, чтоб проложить путь. Павлову начало казаться, что мы идем не по леднику, а по снежнику, и мы поспорили об этом. За спором мы совершенно забыли о трещинах. В это время я обернулся, чтоб взглянуть, далеко ли мы отошли от нарт. Убедившись,

что мы отошли еще недостаточно, я хотел продолжать путь, но, к моему удивлению, я не увидел Павлова. На том месте, где он стоял, виднелось в снегу круглое отверстие. С большим беспокойством я подошел к трещине, заглянул в отверстие и увидел казавшуюся бездонной синюю пропасть шириной аршина в два.

«— Михаил, ты ушибся? — крикнул я в трещину, в которой должен был находиться Павлов, но которого я не мог видеть в глубоком мраке трещины.

«— Нет! — донесся до меня глухой, точно из подземелья голос. На сердце у меня сразу отлегло: жив!

Лагерь на ледяном покрове Новой Земли.

«— Ты глубоко упал?

«— Да! И теперь я убедился, что это не снежник, а глетчер!

«Я предоставил Михаилу заниматься исследованиями глетчерного льда, правда, вынужденными, а сам побежал за Коноплевым и Линником, спутниками Павлова, чтоб общими усилиями вытащить его из трещины».

Вверху подвели к трещине обе нарты и спустили веревку. Она не достала. Вытащив ее, связали с другой от укупорки нарты.

Только связав три конца, получили надлежащую длину: Павлов висел на глубине 16 метров. Обрушив своим падением часть моста и пробив его одной ногой, геолог другой ногой и спиной упирался в стены скольз-

кого ледяного ущелья, — положение ненадежное. Более получаса понадобилось Павлову на разрешение трудной задачи: как поймать конец веревки, не двигая корпусом, и обвязать себя достаточно прочно одной рукой. Все приключение отняло около четырех часов. Бедный геолог отделался только ушибами, но уверяет, что минуты полета он не забудет до самой смерти. Когда Павлов был наверху, решили поставить палатку недалеко от злополучного места. Распрягая собак, Коноплев вдруг заметил: «Тут место поло!» Визе ударил в снег палкой и обнаружил тотчас же большую трещину. Несколько шагов вправо — тоже трещина, влево — тоже: друзья попали в лабиринт. Убедившись, что под самой палаткой трещин нет, решили другого места для лагеря не искать.

Визе сделал подробную съемку всего пути. Ширина Новой Земли под 76° около 75 километров. Вся средняя часть ее завалена льдом, скрывающим даже вершины гор. Высшая точка ледяного покрова — 900 метров. Перевал выглядит ровным, бесконечно белым плоскогорьем с поверхностью снега, сильно изрытой застругами. Белая равнина, слабые очертания гор на самом горизонте, струйки вечно курящегося под ногами снега, — вот, по описаниям Павлова, пейзаж этого ледяного царства.

Карская сторона выглядит более жизненной. Может быть потому, что там ледники не доходят до уровня моря, а спускаются на сушу, как гигантские бараньи лбы. От прибрежных «столовых» гор, не опоясанных глетчерами, как на западной стороне, до моря остается полоса свободной земли. Визе видел двух оленей. [39] Следы оленей и песцовые встречаются всюду. Перевал — ближе к Карской стороне, и потому уклон льда там круче, а спуск и подъем по нему значительно трудней, чем на западной стороне. Наши путешественники долго не находили места, годного для спуска. Овраг между двумя отполированными ледяными горами получил у друзей прозвище «чортовой лестницы». Крутой уступчатый спуск не годился для пользования санями даже на тормозах. Пришлось весь груз распаковать и спустить на плечах.

Весь переход на Карскую сторону, включая и дни, проведенные в палатке из-за свирепых бурь, длился две недели. Визе был в отчаянии: с оставшимся запасом про-

вианта на две недели невозможно было дойти до мыса Желания. Визе прошел 40 километров к северу по восточному берегу, чтоб определить астрономически его положение [40] и снять на карту виденное. Из-за долго длившегося перехода через ледяной покров и Павлов не мог пройти далеко на юг, но его главная цель — разведка внутренней части острова — была уже достигнута.

Обратный путь дался Павлову нелегко. Три дня просидел он на перевале, осажденный бурей. Одна собака замерзла в эти дни. Визе потерял трех собак.

Среди обитателей «Фоки» вера в удачу на севере стояла невысоко. Считалось, что там больше помех, чем возможностей. Ветер дует всегда навстречу. Медведь приходит, когда в него невозможно стрелять: если нет собак, вредит это обстоятельство, есть собаки — мешают они. Есть патроны — нет медведя, есть медведи — нет патронов. Ружья стреляют все время, кроме поры настоятельной необходимости. Много таких примет копили бывалые морские волки с «Фоки». Была еще одна: самые сильные бури — во время экскурсий. Чтоб испортить погоду, следует отправиться в экскурсию. И в этот раз, как бы подтверждая суеверие, с возвращением двух путешественников погода дразнила. Наступали дни умеренно холодные и ясные. Потянулись с юга птицы. 30 апреля отмечен полет больших стай маленьких нырочков *(Alle alle L.)*.

С пятого до восемнадцатого мая я совершил санное путешествие, обойдя морскую сторону островов: Панкратьева, Назимова, Пинегина, Берха и Б. Заячий. Эта экскурсия была сильно стеснена малым количеством провианта для собак. Обходя остров Панкратьева, я нашел громадные залежи плавника, [41] а на мористом берегу о. Берха открыл несколько пещер. [42] Несчастие, случившееся при осмотре этой пещеры с моим спутником Линником (он сильно расшибся, скатившись на камни по обледенелому откосу), заставило меня преждевременно вернуться на «Фоку», не исполнив цели — обследования о. Вильяма и берега за мысом Черным. Для характеристики санного путешествия в это время года привожу несколько страничек из путевого дневника.

«Спустился морозный туман, весь из мельчайших иголочек. Они садятся на ресницы, на мех и одежду. Пред глазами, кроме собак и саней, ничего. А на десяток шагов во все стороны — навешена пелена. Мутная и неподвижная. Второй день не видим иного.

«Ныряет по ухабам между торосами заиндевелая нарта, скрипит и качается. Иногда застревает между льдин в

Дружная работа

грудах торосов и валится на бок. Тогда, надсаживаясь и браня, сами не зная кого, мы ставим ее на полозья, помогаем собакам и бьем их. Потом опять идем длинным цугом. Часы проходят. Идем без конца, идем, идем. Становятся усталые собаки, хватают снег.

«— А, ну, собачки, прррр, прррр, прррр, нажмите, собачки! Ну, Динька! Варнаня, навались!

«Не говорим друг с другом: уж очень глухо звучит голос

в белой мути. Глаза болят от напряжения проникнуть зрением туман. Где мы? День ли еще или ночь наступила?»

«... Днюем, лежа в палатке. После большого перехода к вечеру второго дня завидели в тумане неясное пятно, едва различимое. Через час были у мыса Крушения [43] и ставили палатку подле каменного сугубо-мрачного обрыва. Были страшно горды: два дня скитаться в тумане, держать направление только по компасу и притти в самую точку!

«Собирались с утра так же смело проложить курс на юг, но еще с вечера мы оба почувствовали, что с глазами— неладное. К утру проснулись слепыми. Вот она, снежная слепота. Мы не надели в дорогу темных очков, думая, что в тумане не страшно блистание снегов. Теперь лечимся, льем друг другу капли в глаза. Еду готовим с закрытыми и завязанными глазами, на ощупь; свет — даже через закрытые ресницы — причиняет боль. За день до того мечтали: вот подойдет медведь, убьем его и подкормим собак. Теперь же больше всего хотим, чтоб медведи оставили нас в покое. Теперь мы слепые охотники. А медведь бродит поблизости. Накануне видели во время просвета тумана следы и самого медведя. Я, было, взялся за винтовку, но уже тогда глаза отказывались служить: он двоился — виднелось сквозь слезы. Пока я разрешал вопрос, в которого же целить, медведь исчез».

«... Мы стали ночью жить. Встаем в четыре вечера, ложимся утром в девять-десять. Ночью легче глазам: солнце ниже плывет, снежный отблеск слабеет. Ночью ветры умеренней, птицы с невидного моря прилетают на скалы, а тюлений сон крепче и покойней.

«Когда после бурь и долгих туманов проглянет солнце и щедро раскинет животворящие лучи по здешнему великому простору, — каждый раз кажется, что праздник наступил. Внутренняя струна сильнее бодрит. Любо ловить улыбки сфинксов-льдин, любо прищуривать глаза на блестки алмазами зажегшегося снега, — зеленые, оранжевые, розовые. Привольно брать грудью воздух для крика и получить веселый отклик:

«— А-а-а, сейчас!»

Кормежка собак

«Идем о кромку полыньи, пересекая синие-синие тени, которыми переплелись, словно обнялись, торосы, льдины и ропаки. Все, что совсем скрывается в туманную погоду, что еле различимо в пасмурные дни, при полуночном солнце обозначается с необыкновенной скульптурностью. Малейшая морщинка и складочка рисуются на снеге резко; заструги же становятся похожими на орнамент. На снегу не видишь неизузоренного места. И вот по этому узору солнце проходит красками.

«Идем по медвежьему большаку. Следов так много, что в иных местах не разобрать отдельных: сбиваются в одну тропу. Есть совсем старые — в виде возвышающихся столбиков, обдутых ветром, есть совсем свежие. Мы, обучаясь следопытству, пробуем сдувать кусочки снега, движением мохнатой лапы брошенные вверх.

«— Эге, вот этот тепленький,—кричит мой спутник. — И правда — собаки рвутся, почуяв свежий след. Удерживать их не в наших расчетах. И вот, под вой и лай собак,

несемся в погоню за Мишкой, который успел убресть невесть куда».

«... Половина мая. А здесь еще сыплется снег. Метель и холод — 11 градусов — вот так май! На скалах, искрапленных снегом, дремлют чистики, а вдоль берега, несмотря на вьюгу, летят чайки и глупыши куда-то на северо-восток.

Не мигая круглыми глазами, они внимательно осматривают темные обрывы. Что они ищут? Родные места и старые гнезда? Что ищем мы здесь?..».

«... Вчера брели до колен в снегу, проваливались по пояс между торосами, вязли ногами в трещинах, скользили по скатам льдин и падали. Снова вставали, снова шагали навстречу бешеной метели — дикому слепящему потоку. В поту, с безудержной бранью на устах и в сердце, надсаживались мы, ставя и толкая тяжелую, облепленную снегом нарту. Трясущимися от натуги руками подымали кнуты и хлестали милых старательных собак и заглушали свирепым криком жалость к ним, качающимся на ногах.

«И было пленящей, прекраснейшей мечтой: лечь без движения. Под первый попавшийся торос, но лечь, чтоб больше не натягивать ослабевших, дрожащих мускулов,— пусть то стоило, быть может, жизни. Но проходили долгие часы, а мы все шли. Другая мечта еще сильней манила. Она одна толкала нас, мокрых, голодных и обессилевших, навстречу злой буре. Мы поставим палатку под гротом, известным нам. Там палатку не сорвет. Там ляжем в теплый мешок и скажем себе: ты победил и пришел к своей маленькой цели! Свирепа и упряма полярная природа, но ты еще ее упрямей и хитрей.

«И вот потом, уже действительно лежа в палатке, спросил я себя, как спрашиваю часто: счастлив ли ты? Не нужно ли еще чего-нибудь? И я ответил себе: нет — только спать хочу; вот, засыпая, буду счастливым без оговорок».

Глава Десятая

> ... Когда в воздухе был аромат сирени
> и росла трава пятого месяца...
>
> *Уот Уитмен*

Мы ждали возвращения Седова в первой половине мая. Идя к бухте «Фоки» после двухнедельной отлучки, я ожидал услышать свежие новости с мыса Желания, но Седова еще не было. Мы знали хорошо, что у Седова имеется провиант только до половины мая. Следовательно, в мае он мог жить исключительно в счет удачной охоты. Охота же должна была быть — мы в том не сомневались: бродили же где-нибудь все те проходимцы, следы которых я видел? Да и к «Фоке» через день после моего возвращения пришел один из медведей, неуловимых в экскурсии. Я уложил его одним выстрелом. Медведь был небольшой, трехгодовалый, но мы говорили: пусть Седов почаще встречает таких молодцов! Хватит недели на две. Наконец, птицы прилетели, — ими пропитается. Так успокаивали мы себя, обсуждая долгое отсутствие нашего вождя. Однако, было решено, что после 1 июня я с большим запасом провианта отправлюсь навстречу.

Седов вернулся в ночь на 27 мая.

Мы не узнали своих товарищей — так изменились они за два месяца. В прокопченной одежде, с заросшими бородой, черными, как у мулатов, лицами, настолько похудевшими, что губы обтягивали блестящие зубы, Седов и Инютин выглядели настоящими дикарями. Сильный запах ворвани обдал меня при встречном поцелуе.

Седов исследовал весь западный берег до мыса Желания, — план исполнил целиком. Даже больше; не найдя в условленном месте Визе, Седов, обогнув северную оконечность Новой Земли, направился дальше на юг и достиг мыса Виссингер-Гофт.[44]

Выяснилось, что очертания северной части Новой Земли совсем не таковы, какими мы привыкли видеть на картах. Изгибы берега нигде не совпадают с изображавшимися до сих пор. Седов, опытный картограф, часто разводил руками: как сохранить существующие названия, если их оказывается в одном месте несколько? Как закрепить названия мысов, заливов и островов, если в

Инютин *Седов*

Возвращение Седова с м. Желания

действительности их не существует. К концу путешествия Седов пришел к выводу, что больше всего можно доверять самой старой карте — Баренца. Но в местности у Большого и Малого ледяных мысов береговая черта не сходится и с Баренцевской картой. Впрочем, те мысы не что иное, как выступы ледников, спускающихся в море обрывами 50 — 60 метров высотой. Вполне допустимо, что во времена Баренца, триста лет назад, очертания ледяного берега в общем совпадали с изображенными на карте Баренца.

Съемка однообразных ледяных берегов очень трудна. Половина времени ушла на астрономические определения, 45

остальное — на преодоление трудностей пути. «Поверхность льда вблизи берега всегда отвратительна, — говорил Седов.[46] — Со стороны моря — страшные нагромождения торосов или открытая вода, обойти которую возможно, только поднявшись на ледник. Наиболее же неприятная из дорог, — там где ледяные стены опоясываются полосой недавно образовавшегося льда, иногда настолько тонкого, что от движения саней расходятся круги, как

Седов по возвращении с м. Желания

по воде. Поверхность молодого льда всегда покрыта слоем выкристаллизовавшихся морских солей. Сани и лыжи по такому льду скользят не лучше, чем по песку».

Можно представить, что путешествие по льду, обладающему такими свойствами, особенного удовольствия не доставляет. Но, что же делать, если с одной стороны высится неприступный ледяной обрыв, а с другой — открытое море? Седов, не имея выбора, несколько раз шел по узенькой полоске припая подле самой ледяной стены. Неоднократно нарта оседала, но удавалось каждый раз находить куски более плотного льда. У мыса Малого ледяного сани, попав на особенно тонкий лед, внезапно

оказались в воде вместе с людьми и собаками. Положение казалось безвыходным: при попытках вытащить нарту лед не выдерживал ее тяжести и обламывался. На месте крушения образовалась широкая полынья, — в ней плавали сани. Люди же и собаки то выбирались на лед, то снова проваливались. Седов считает, что спаслись чудом, а еще больше — упорным желанием жить.

Собаки, казалось, понимали беду. Когда, наломав вдосталь льда, сани достигли небольшой плотной льдины, вся запряжка дружно взвыла и разом выволокла сани из воды. Путешественники пробыли в воде более часа. Все, исключая ящика с хронометрами, привязанного на верху саней, подмокло, погибли все фотографические снимки, растаял последний сахар.

Окрестности Малого ледяного мыса вообще памятны нашим путешественникам. Проходя той же узкой полоской прибрежного льда, приходилось часто приближаться к страшным ледяным стенам. Миновав один выступ ледника, сильно нависший над морем, Седов и Инютин услышали страшный грохот. Обернувшись, они увидели, что выступа больше не существует: он рухнул в море, уничтожив бесследно полоску льда, по которой только что прошли. В том месте бурно вздымались волны, из моря, сталкиваясь, выныривали громадные айсберги. Лед ломался вокруг по всем направлениям. Можно вообразить душевное состояние живых существ, оказавшихся поблизости ледяной катастрофы! Еле управляя обезумевшей запряжкой собак, тревожно оглядываясь, путники спешили убраться подальше.

По пути вперед открытое море виднелось только вдали. На обратном — оказалось, что лед успел оторваться от берегов. На месте старого образовалась та самая полоска припая, которая доставила столько приключений. И эта полоска в конце концов прервалась. По счастью, в том месте подъем на береговой лед был возможен. Седов обошел полосу открытого моря по ледникам. Две собаки, Черный Медведь и Штурка, при восхождении на ледник провалились в трещину. Медведь погиб, Штурка же какими-то загадочными путями выбрался из глубокой трещины. Через сутки, израненный, с разбитым боком, пес догнал сани.

Норвежская избушка на о. Б. Заячьем

Открытая вода принесла не одни неприятности: стали встречаться медведи. За все путешествие Седов убил трех. Не будь медведей, положение его оказалось бы трагическим: главные запасы провианта иссякли еще до 15 мая. Последние две недели путники питались исключительно мясом, варя и жаря его на медвежьем же жиру. Кухню заменила порожняя жестянка. Первобытный очаг действовал исправно, но... имел способность немилосердно коптить. Этим обстоятельством и объяснился «прекрасный негрский цвет лица», так поразивший всех нас при первой встрече.

На мысе Желания один медведь навестил палатку в то время, когда поблизости ее никого не было. Разорвав полотнище, мишка принялся хозяйничать по-своему. Услышав отчаянный лай собак, Инютин, в то время собиравший неподалеку плавник, бросился на выручку остатков провианта. С топором в руке матрос, под прикрытием палатки, подкрался к нарте, стоявшей с противоположной стороны.

палатки. Незаметно для медведя, смачно чавкавшего в каких-нибудь двух-трех шагах за другой полой, Инютин с величайшими предосторожностями вытянул ружье и выпалил в грабителя почти в упор. Тяжело раненный медведь побрел по направлению моря. Седов, прибежавший на выстрел, не имел нужды преследовать вора: мяса имелось достаточно.

Кончался запас собачьих галет. Собаки отыскали пищу сами. На одной стоянке Седов обратил внимание на усердие, с каким собаки, собравшись на крутом склоне горы, роют снег. Думая, не берлогу ли они нашли, Седов с ружьем поднялся туда, но, кроме глубокой ямы в снегу, не увидал ничего. Возвратился было в палатку. Но собаки своего занятия не бросали. Через некоторое время донесся радостный лай: докопались до трупа медведицы. Странная находка: медведица с двумя мертвыми же новорожденными медвежатами! Трупы были погребены слоем около полутора метров. Было ли семейство задавлено лавиной? или буря занесла берлогу очень толстым слоем снега, а ослабевшей в родах медведице оказалось не по силам разрыть его? Или — тяжелые роды, быть может, бывают и у медведиц?

На мысе Желания стоят каменные гурии и старинный русский крест. Возможно, — то знак полулегендарного олончанина Саввы Ложкина, который будто бы, в XVII веке за три года обошел на карбасе всю Новую Землю. Подобный же крест Седов нашел поблизости мыса Медвежьего. Кресты — русские. Кто бы их ни поставил, они остаются памятниками отваги и предприимчивости безвестных русских мореходов из народа.

Глава экспедиции набросился на еду голодным волком. Борщ, консервы и больше всего хлеб исчезали к удовольствию нашего буфетчика Кизино в количествах невероятных. Мы не спали всю ночь, разошлись по каютам около полудня. Рассказывал Седов, рассказывали и мы о своих делах и приключениях. О чем не говорилось только!

За время путешествия Седов из прежнего веса потерял 16 килограммов. Отмыв смываемые слои копоти и грязи, вождь наш возвратил отчасти прежний облик. Только худоба осталась на некоторое время да что-то новое в лице — навсегда.

Вскоре после возвращения Седова погоды изменились. Холода ослабли, все чаще наползали низкие, сырые туманы; когда их пробивало солнце, становилось теплей. Походило, что не воображаемая, а настоящая весна наступала и здесь. Мы скоро разочаровались в полярной весне: не радостную игру солнца, а слизь постоянных густых туманов видели мы, не шум быстрых ручьев, а вой ветров, не новые проталинки являлись каждый день,— шло медленное разрыхление и оседание снегов. Меня, Павлова, Линника, и Коноплева эта пора застала на Горбовых островах. Там на Большом Заячьем острове стоит избушка, построенная некогда норвежскими промышленниками; мы переселились в нее на некоторое время, чтоб быть ближе к острову Берха, который мы исследовали. Очистив избушку от снега, мы привели ее в порядок, вставили стекло в разбитое окошечко, устроили нары, умывальник и полочки, поправили трубу и печь. Просматривая путевую книжечку, в отделе метеорологических наблюдений, всегда аккуратно веденных в экскурсиях, я нахожу записи погод от первого до девятнадцатого июня, — за это время мною отмечены только три дня без тумана, все остальное время сырая мгла, ветер, густой туман, изредка вьюга и дожди.

«Туман, туман, туман!» — записано в дневничке. — В палатке такая погода показалась бы еще неприятней, но в домике живем неплохо. В сравнении с палаточной жизнью — роскошно. Спим, раздеваясь, умываемся; вымокнув, сушим одежду не на себе, а перед печкой. Вот — только погоды. Сегодня быстро вернулись в избушку: усилилась метель. Не видать за несколько шагов, замела даже окошечко. Переживаем. Пьем чай, играем в самодельные шашки, слушаем одним ухом философию Коноплева:

«— Проснулся вчерась и думаю: какой сегодня день? Думал, думал, вспомнил, — воскресенье. Так. Значит надо рожу мыть для праздника? А потом на память и пришло: ведь воскресенье-то уже прошло — ночью ведь живем. Стало быть — ночь понедельничная? Как же праздники считать-то будем? Вырежу я палку с зарубками и каждую седьмую отмечу тавром. И зарок такой положу, — как на сон отходить, зарубку новой зарубкой

нарезывать, а то не разберешь, который праздник, которые будни!..

«— Платон, зачем палку делать, у нас календарь есть. В нем не только воскресенья, но и положение солнца на каждую секунду показано; когда луна восходит и заходит, как звезды поднимаются, — все есть. Вот он, морской альманах. Даже обозначено, когда будут затмения и восхождение каждой планеты.

«— Вот и назначен лунный восход! Где она, луна-то? Я позабыл, когда ее и видел! Как ее увидишь, если днем и ночью солнышко ходит. А по-моему так: если с устатку спать по-настоящему, то очень просто можно полторы суток проспать. И в нашей стороне проснешься другой раз после обеда — не сразу поймешь: утро или вечер, а здесь — вон как! Что день, что ночь, — все равно, а солнышка по скольку дней не видим в тумане. Вот вам и морской монах!.. Приедем в Россию, и вдруг окажется, что неверно здесь жили. Сколько греха-то будет!

«— Платон, брось умные разговоры, — вступает Линник, — все равно никакой палки не сделаешь! Давай лучше топор точить, наверное затупился.

«Топор остер. Но нет и дела. И спать больше нет мочи. Накалена докрасна чугунная печь. На нарах — мечтатель Коноплев и положительный Линник...

«А на воле — метель сменилась густым туманом. Воздух совсем неподвижен. Но тишина зимы ушла. Несутся какие-то шорохи, часто слышен свист невидимых крыльев, тяжким вздохом ухает в проливе оседающий снег. А по ночам с невидимых берегов всегда доносятся зовущие птичьи голоса».

«— Платон, пойдем на базары *.

«Туман непрогляден. Снег вязок и труден для ходьбы. На лыжах — невозможно: липнут к дереву пудовые комки, под пяткой — ледяные кочки. Месить ногами снежную кашу, увязая по колено, тоже на легкое дело. Но мы достаточно научились упрямству. Похватывая находу снег для утоления жажды, упрямо идем под мокрыми

---

* Птичьими базарами поморы называют места на островах и скалах, где гнездится много птиц. Птичье общество вседа крикливо. Наверное и название произошло от постоянного птичьего гомона, «как на базаре».

каменными обрывами. С невидимой нам в тумане верхней части этих каменных стен валятся оторванные морозами крупные камни и застревают глубоко в снегу.

«— Платон, ведь так, пожалуй, голову проломит?

«— И очень просто!

Глупыш (Fulmarus glacialis)

«Платон останавливается под самым обрывом, снимает шапку — рад поговорить — и скребет пятерней мокрую, кудлатую голову.

«— Вишь, сколько накидало!

«— Так вот тебя сейчас и стукнет по голой голове, как по орешку.

«— Ну, ну. Не так страшен чорт! Уж и в самую голову! Авось и не заденет!

Навстречу тянут молчаливые глупыши *(Fulmarus glacialis)*, огромные чайки-бургомистры *(Larus hiperboreus)* и чайки-моевки *(Rissa tridactyla)*. Чайки против обыкновения молчаливы, не вертлявы, летят, не меняя пути, на нас внимания не обращают.

«— Платон, почему чайки молчат?

«— Гнезда строят, вишь, рты-те мусором полны.

«Убили несколько чаек и буревестника для коллекции. Коноплев долго щупает буревестника и хмурится.

«— Самку, убили... С яйцом... Грех!»

«... Ночным ветерком раздуло туман. Выявилось полночное солнце, и показалось нам «ущелье чаек». Рядом с ущельем живут черные чистики *(Uria grylle mandtii* Mandt). Даже днем, когда чистиком нет на базарах, можно узнать, где их гнезда. На отвесных обрывах, с трещинами и уступами. Там всегда набивается снег. Глазу чудится, что это белые полосы на крылышках чистиков; подойдешь поближе — нет ни одного. Ночью белых пятнышек становится больше — чистики прилетели с полыньи. Самую птицу рассмотришь только вблизи, услышав тоненький посвист. Близорукому не рассмотреть совсем: черное оперение сливается с цветом скалы и снежным узором на ней.

«Мы часто, оставив ружья, подползаем сверху к самому обрыву и, свесив головы, долго смотрим на жизнь непуганой птицы. Чистики видят пришельцев, беспокоятся немного, повертывают головы, но, если не делать резких движений, не улетают. Потом осваиваются и почти не смотрят на нас.

«Видим, как кокетливые самки разбирают перышки клювом, словно кровавым внутри, потом счищают карминно-красными лапками с клюва пух и долго трясут коготком. Слышим негромкий птичий разговор, писклив-протяжный. Драк у чистиков никогда не видали. Тихие, незлобивые птички. Всю ночь, до позднего утра, пищат на обрывах, присаживаясь иногда на лапки и прикрывая их пером. Спят неподолгу и чутко.

«Гнезда чистиков тут же в трещине, выстланной пухом и перьями, выщипанными матерью из собственного брюшка. В это время у всех самок живот между лапками обнажен.

«Мы пробуем спугнуть одну самку с гнезда. Она не сразу поднимается, а прежде укрывает яйца пухом, подпихивая его движениями клюва.

«Сходим с обрыва, а одна любопытная птичка слетает вслед. Почти остановилась в воздухе. Смешно растопырив лапки и часто-часто махая крылышками, она долго рассматривает нас.

«— Не стреляйте, — кричит Коноплев, — смотри, брюшко-то выщипано!»

Чистик на гнезде.

«Так же туманно, но теперь к туману прибавился дождь. В сенях норвежской избушки озеро; вода везде: наступишь покрепче на половицу, и оттуда брызжет фонтаном вода. Итти далеко невозможно: уходишь в месиво воды и снега выше колена. Через полчаса такой прогулки возвращаешься мокрым с ног до головы.

«Как-то дождь перестал ненадолго. С вершины нашего маленького островка стало возможно осмотреться. Как

сильно переменилось все за две недели! Вместо белесого неба — темносиние тучи, таких мы не видели с осени. Горы запестрели проталинами, у берегов образовались забереги лужи. На проталинах, щебеча и играя, прыгают резвые пуночки, а около убитой нами нерпы стайка белых слоново-костных чаек (Pagophilia eburnea) ведет с огромной чайкой-бургомистром войну за право на внутренности нерпы.

Берег о. Берха вблизи м. Крушения

«Грохот разносится по воздуху. Что это — гром прогремел или звук ледникового обвала?

«— Разрази меня на месте, — да ведь это гром! — кричит мне с восторгом Платон».

15 июня. На родине конец весны, пора древнего весеннего праздника, там цветы, яркое солнце, зелень березок, игры и любовь. Мы помним родину. Сегодня прибрались, помылись, а стены избушки изукрасили аршинными крыльями большого бургомистра. Вольные крылья, — не о вас ли мечталось и грезилось в детстве!

А Коноплев приуныл.

— И вот, скажу я, летела она, миляга, а где, подумаешь, смерть нашла. Так-то и оно. И гляжу я, — сторона такая чужая и дальняя, нет ни куста, никакой веселой живности, — прямо ничего. Гиблая страна, холодная. Зачем стоит такая земля? Кому она нужна? И человеку здесь — одна погибель, вот что.

«Вот ходили мы с Визе на Карскую сторону. Какая с того прибыль? Случись что с ним, — трещины-то везде, как капканы понаставлены, — куда бы я пошел? Объяснял он мне долго: шли мы на норост, значит, обратно, — держи на зудвест. И компас показывал. А я — как никаких норостов и зудвестов не знаю — уж думаю: и мне помирать в таком случае. Лягу и буду помирать. Вместе пошли — один и конец. Куда пойдешь? Где ни были, — везде все лед и лед, бугры да трещины, а если земля и покажется, все равно нет на ней никакого произрастания. Вот она, сторонка!

«И теперь думаю: приеду в Архангельск, стану на базарной площади, шапку сниму и скажу: люди добрые и почтенные, не ходите на Новую Землю и детям своим закажите. Нет там ничего, кроме льда и ветров невиданных! А на зверя и птицу не льститесь — своей жизни лишиться можете...»

— Платон, зачем же ты-то сам пошел? Тебя никто не неволил.

— Из-за интересу. Вот и теперь сосет в груди: какая-такая земля Франциосифа? Даже во сне сколько раз видал! Тянет. Жизни не жалко.

Павлов, закончив свои наблюдения, уехал 13 июня на «Фоку». Я предполагал остаться на Заячьем до конца июня. Восемнадцатого неожиданно приехали две нарты с «Фоки», с ними пришли Линник и Коршунов. Они привезли мне письмо Седова.

Седов решил послать на юг партию, которая доставит к первому пароходу, приходящему в Крестовую губу, копии всех работ, исполненных экспедицией. Во главе партии Седов решил поставить капитана Захарова. Главная задача — сообщить в Петербург, что в прошлом году «Фока» не достиг земли Франца-Иосифа, что более половины собак оказались негодными и погибли, что

угля осталось ничтожное количество. С такими средствами достижение полюса становится маловероятным. Необходима помощь в виде присылки судна с углем и хорошими собаками. В письме Седов просил меня поместить привезенную на санях провизию в сухом месте: партия Захарова вскоре приедет и будет на о. Заячьем дожидаться возможности тронуться в путь на шлюпке. Меня просил вернуться, чтоб принять участие в составлении отчетов и успеть до отъезда отпечатать копии всех фотографий.

Все новости с «Фоки» — о предполагаемой поездке, да еще разве о посещении особенно настойчивого медведя: он подошел к зимовке среди бела дня. Собаки приняли его довольно дружно. Даже пуля не сразу остановила его горячего желания рассмотреть «Фоку» поближе.

Глава Одиннадцатая

Стоит мне своим дыханьем
Только раз на землю дунуть,
Зацветут цветы в долинах,
Запоют, заплещут реки.

Лонгфелло

Я вернулся к нашему зимовью 20 июня. «Фока» неузнаваем. Покрашен и прибран. Сугробов, закрывавших борта, как не бывало. По палубе снуют люди в легких одеждах, жизнь кипит. А давно ли вылезали из-под снега угрюмые, бледные люди, торопясь, бежали куда-то и опять ныряли под палубу-сугроб.

Весь откос полуострова обнажился. Там бегут веселые ручейки. Давно ли он высился бело-чеканной стеной, а отблеск северного сияния серебрил льдом затянутые камни? Где карнизы лавин! Где наша анемия и сумрачные мысли, где вялость и нерешительность осенней поры?

Бодрые люди с лицами, крепко опаленными снеговым красным загаром, встретили меня недалеко от «Фоки».

«Волчата подрастают», — подумалось.

30 июня. Те же туманы. Мы почти не покидаем «Фоку». Все спешат закончить научные отчеты и написать письма. Вычерчиваются карты и диаграммы; спешная работа закончится не ранее первых чисел июля. Досадно бы сидеть в весеннюю пору в каютах, если б погода манила. Но туман бесконечен; часто выпадают дожди. Впрочем, я иногда выхожу по ночам посмотреть, как далеко подвинулась работа солнышка, не прилетели ли новые птицы, нет ли в гнездах яиц.

4 июля. Вчера капитан Захаров уехал на остров Заячий. Копии всех работ экспедиции и кинематографические ленты вручены запаянными в два цинковых ящика. Шлюпку поставили на двое саней. Тридцать собак не-

ожиданно легко повезли ее. С Захаровым отправились: помощник механика М. Зандер, плотник Карзин, матросы Катарин и Юган Томиссар. Выбор спутников Захарова был сделан Седовым. Партию снарядили очень заботливо, снабдили тщательно подобранным провиантом, картами, компасом, инструментами, оружием и патронами... даже теплой одеждой на случай непредвиденного несчастья, которое заставило бы задержаться в необитаемой местности.

Сегодня в виде редкого исключения прояснило. Температура в последнее время держится около 0°, редко подымаясь выше. Один раз наблюдали + 6,4° Ц, но и минимум доходил до — 10,9° Ц.

9 июля. С утра дул свежий Ю В ветер, насыщенный влагой и мглой, а температура лишь несколькими десятыми выше нуля. Отчаявшись работать на воздухе, принялся было за генеральную приборку каюты-лаборатории. Вдруг в дверь просовывается голова Максимыча и выразительно-таинственно шепчет:

— Медведь!

Замешкался с непослушными мокрыми сапогами. Выбежав, увидел, что охотничий гон далеко за мысом, а свора собак едва различима в тумане.

Пробежал было на лыжах некоторое расстояние вдогонку, но, заметив, что медведь круто повернул от охотников к Панкратьеву проливу, я взял сильно правее и, пробежав километра два, сблизился с медведем настолько, что можно бы стрелять. Другие охотники были очень далеко, я решил подождать их и полюбоваться за это время движениями зверя, на редкость крупного и резвого в борьбе с собаками.

Мишка, уже утомленный беготней по мягкому, влажному снегу, хватал его вспененной пастью, испускающей клубы пара и хриплое рычание. Крупный медведь. Собаки рядом с ним — ничтожно-малые комочки. Сколько храбрости собачьей надо иметь, чтоб бросаться на такое чудовище! И совсем невероятна возможность удержать на бегу зверя, столь хорошо вооруженного природой. Однако вижу: медведь бежит полным галопом, а из стайки собак вырывается отчаянный Волк, крепко сразлету впивается в бок и, не разжимая стиснутых зубов, воло-

чится по снегу. Медведь задерживает бег: нужно же стряхнуть дерзкое ничтожество. Но едва галоп замедляется, — Разбойник виснет на самом горле и тянет книзу вытянутую шею, — необходимо остановиться совсем. А в момент остановки несчастный зверь уже весь облеплен собаками. Кто сидит верхом на спине, кто теребит брюхо, кто старается куснуть самую морду. Остановился. Попали однадругая под удар могучей лапы. Ускользнув от страшных зубов, вся стая рассыпалась кольцом. С тяжелыми вздохами и злобным рычанием медведь переносит с плеча на плечо длинную шею и высматривает, где слабое место кольца. Не находит: везде зорко сторожат презренно-жалкие маленькие враги. Зверь что-то соображает. Садясь на задние ноги, начинает выдвигать их так, что они оказываются впереди, и втягивает одновременно шею; теперь все туловище напоминает согнутую пружину. — Момент... и пружина разгибается. Опираясь на задние ноги, медведь делает прыжок в шесть-восемь метров, прорывает кольцо и, подминая на-ходу какую-то собаку, несется что есть силы дальше. Ненадолго. Попадается на пути торос.

Пользуясь задержкой, собаки всей сворой рвут, теребят и останавливают. Я держусь шагах в тридцати. Вижу раскрытую синюю пасть со страшными зубами, клочки пены на ней и налитые кровью злые глаза. Пробует опять сделать прыжок, но пред самым моментом его маленький Пират, впрыгивая сбоку, хватает за ухо и виснет. Медведь, сидевший в неустойчивом положении, от поворота и неожиданности падает. Происходит неописуемая свалка, очень короткая, но из нее медведь вырывается, имея на белой шкуре красное пятно. Кровавые пятна и на собачьих следах.

Невозможно уйти от дружной стаи. Медведь оглядывается, замечает айсберг и пробует пробиться к нему. Опасаясь, что, заметив с высоты айсберга забереги, медведь укроется в воде, я пробую стрелять, но ружье дает осечку за осечкой из-за снега в затворе. Наконец раздается выстрел: разрывная пуля пробивает грудь навылет. Страшная рана как будто не произвела впечатления: медведь помчался дальше и скрылся между обломками айсберга. Разыскивая, я внезапно очутился в двух шагах. Пришлось

благоразумно отступить еще на десяток — стрелять, не задев пулей собак, было невозможно. Медведь кинулся было в мою сторону, но, осаждаемый собаками, счел за лучшее полезть на айсберг. Я застрелил беглеца в то время, как, провалившись между льдинами в сугроб, он силился освободиться.

Седов и Павлов прибежали, сильно утомленные, под самый конец охоты. Убитый зверь — крупная медведица с двумя детенышами. Живыми мы их не видали: собаки, отбив от матери, быстро затравили. Медвежата этого года, но чуть ли не вдвое крупнее наших Васьки, Торосика и Полыньи. Очевидно, вольная жизнь и мясное питание идут медведям больше на пользу, чем молоко Нестле, кашка и ласки воспитателей.

Дни идут уже на убыль. Ночные солнечные тени становятся длинней. Ждем лета. Больше всех жду летних ясных дней, погод не меняющихся. Западает сомнение, — да будет ли такая пора? До сих пор моя работа с натуры случайна, урывочна из-за туманов и ветров. Проясняется, стихает ветер, — я бегу писать. Часто берешься за кисть без охоты, но разве может быть иначе, когда знаешь почти наверняка, что только минутной радостью заворожены освещенные солнцем горы, что через полчаса они скроются в густых туманах, задует ветер, повалит снег? А ты — с досадой на помеху, с проклятьями — будешь складывать малоуместные здесь художественные принадлежности.

19 июля. Изменчивы оттенки снегов, но человеческое настроение еще непостоянней. Разве не может одна улыбка женщины перевести все мрачное в радость ликования? Здесь женских улыбок ожидать не приходится. Но есть солнце. Оно одно наряжает краски и весь мир в праздничные цвета. Нет, не в тропических странах, а здесь быть солнцепоклонникам!

Сегодня я и Визе вернулись из небольшого трехдневного путешествия на новоземельские ледники. Мы собирались отправиться тринадцатого июля, но только шестнадцатого перестал дождь, разошлись туманы и улыбнулось солнышко.

Кругом — как расцвело. Снег превратился в крупные кристаллы, рассыпающиеся под ногой, как горох. Сани скользят не по снегу, а по мелкому льду. На морском

льду везде озера растаявшего снега. Мы обходили их насколько возможно, но ближе к берегу попали в запутанную сеть их: весь лед казался покрытым водой. Пошли напрямик.

Кругом вода. Тихие озера оборачивают чистым рисунком светлое небо и ледник. Оглядываюсь — и кажется мне, что нарта с шестью веселыми собаками плывет по воде. Наши собачки сначала очень неохотно шли в воду. Но солнце заметно греет, тонкий слой воды теплее влажного снега, и я вижу, как храбро рассекают грудью воду передовые — Беля и Труженик. У самого берега пресных озер на льду не видно: он разбит быстроползущим ледником и речкой, что, слышно, шумит по камням.

Раскинули палатку на сухом мелком щебне. Одно это приводит в веселое настроение. В палатке жарко — забытое ощущение! Этот день мы работали на леднике. Итти по нему теперь безопасно: трещины крепко запаяны и легко замечаются по грязному цвету снега, в них набившегося. Местами лед обнажен, изборожден морщинами, буграми, но большая часть еще под снегом. Под ногами где-то внутри гулкий шум водопадов, кое-где в озера, наполнившие глубокие ледяные овраги, с шумом вливаются ручьи.

На ночь мы по старой привычке завалились в спальный мешок. Утром проснулись от нестерпимой жары. Ноги, — как расплавленные, все тело ныло. С трудом открылись глаза. Сквозь тонкую ткань палатки били солнечные лучи. В палатке жарко, как в бане. В небе — ни облачка. Тишина.

— Идем исследовать морены?

— До самого ледяного покрова?

— Хоть до Карской стороны!

После утреннего завтрака вышли. Перевалив гору в восточном направлении, подошли к озеру, питаемому ледниками. За озером путь по морене. Она как червь тянется в глубь Новой Земли длинной полосой грязи и камней между двумя громадными ледниками: «Таисия» и «Профессора Попова». Ежеминутно наталкиваешься на конусообразные возвышения грязи. Иногда сапог скользит по ее тонкому слою, закрывшему лед. Морена тянется километров на семь, то высоко поднимаясь над

ледниками, то проходя по дну оврага между ледяными скатами. Морена привела нас к небольшому холмику — нунатаку — и тут окончилась. За холмиком прекрасное горное озерко. С трех сторон спустились в него ледяные стены. Особенно величественна стена ледника Попова. Словно могучими взмахами огромного ножа нарезаны глыбы нежно-зеленого льда, — хватил тут и там беспорядочно, потом, кажется, кто-то все глыбы опрокинул, а одной полосы не осилил, та лишь погнулась, да так и стоит, смотрясь зазубренным краем в прозрачную голубоватую воду.

За озерком ледники сливались в один ледяной покров.

Собрав небольшую коллекцию окаменелостей, мы вернулись старым путем к палатке.

Следующие дни посвятили исследованию близлежащих гор и морского конца ледника Попова. По дороге к леднику мы изнывали от жары, — пришлось снять фуфайки и остаться в одних нижних рубахах. На сухом песчаном бережке прилегли ненадолго отдохнуть; солнышко разморило. Мы уснули в чем были — с фуфайками под головой.

22 июля. Прекрасная погода стоит неизменно. Почти безветрие. Солнце печет по-летнему, — по крайней мере, так кажется нам. Работаем целыми днями на воздухе, опаздываем и к обеду и к ужину. Какое действие производят горячие солнечные ласки! И эту промерзлую землю возможно немного оттаять, согнать толщу снегов, превратить их в пенящиеся ручейки. Ручьи шумят везде. Из-под каждого снежного пласта выбиваются веселые струйки, соединяясь, растут, прыгают по камням, образуют речки и озера. Лед в бухтах затоплен водой. Куда ни посмотришь — озера и лужи. И горы освобождаются: более низкие исполосованы длинными лентами снегов по оврагам. Дрожа в дальнем мареве, ленты переливаются каким-то странным колебанием, — чудится, что по горным склонам ползут живые белые змеи и свертываются на вершинах в плотный клубок.

Но там, дальше прибережных гор, на отдаленном ледяном покрове, убежище белых снегов ненарушимо. В прозрачном воздухе теперь ясно видна главная линия могучего льда. Она так же чиста, как зимой, и всегда

из года в год, из столетия в столетие. Накопляются новые массы снегов, расплываются, но верхняя линия оттого не меняется. Она слишком глубоко погребла все живое.

Почти так же мало надежды на то, что лед в нашей бухте растает. А Седов часто посматривает на горизонт, и складка его лба, приобретенная на мысе Желания, становится резче. Все море покрыто густым плозучим льдом, небо за ним — «ледяное».

Лето на Панкратьевом полуострове

Кругом «Фоки» лужи и озера. По ним плавают бесчисленные консервные жестянки и все, что бросалось за борт зимой. Среди всей этой грязи снуют собаки и медвежата. Медведки уже солидны, ходят переваливаясь и роются в грудах отбросов, — нет ли чего съедобного. Питомцы наши грязны, как сама грязь. Трудно поверить, что они детеныши белого полярного медведя, а не диковинная серо-зеленая разновидность этой породы. Я часто наблюдаю повадки славных зверьков. Какая своеобразная грация в каждом движении! Они не помнят матери, не знают

Сладкий сон Полыньи

свободы просторов, все их впечатления, — «Фока» с его двуногими и четвероногими. Но все движения зверьков — точное повторение повадок взрослого медведя. Часто замечаю: неподвижно лежавший Торосик вдруг поднимается и, занося голову против ветра, долго втягивает воздух мускулистыми ноздрями. Деловито повертывая шею, звереныш переносит голову вправо и влево, внимательно смотрит прищуренными глазками куда-то далеко-далеко, — «нет, не видно». Тогда поднимается на задние лапы, — все так же усиленно щурясь и вбирая ноздрями почудившийся запах. Потом лезет на льдину и долго высматривает оттуда. — Говорят родовые инстинкты.

Наши питомцы становятся очень сообразительными. Час еды и своего благодетеля Ваню-повара знают прекрасно. Еще задолго до обеда они все в сборе пред дверью камбуза. В это время с палубы их не прогнать. Для штурмана Максимыча палуба — священное место. Он частенько пошвыривает нечистоплотных медвежат прямо за

борт с достаточной бесцеремонностью. Но предобеденное состязание в упрямстве всегда и неизменно оканчивается победой нарушительной чистоты и порядка.

Только успеет Максимыч прогнать последнего, еще слышит, как Васька, убирая от ударов плетки неуклюжий зад, шипит с досады змеей и пыхтит паровозом, — а хитрая мордочка Полыньи уже у самого камбуза. А за ней и Торос.

Беда собаке — подойти к корыту медвежат. Удар лапы, быстрый как пуля, оглушает дерзкого; нередко в тот же момент другой — хвать зубами: медвежьи же зубы — серьезная вещь!

Ночью, когда все отдыхают от трудового дня, и палуба пустеет, наши проказники обыкновенно отправляются к излюбленному ими айсбергу «Колодцу». Сначала взбираются на вершину, и внимательно осматривают все дали. Затем начинается возня, катание по снегу, повертывание, бесцельные как будто бы прыжки, мытье шерсти,— особенно передних лап и ушей. Наблюдая их в это время, я не мог не заметить, что друг с другом играют редко. И выходит, что игра всегда кончается дракой. Чаще всего общительный Торос начинает заигрывать с Полыньей, щекоча живот или покусывая шею. Но, очевидно, медвежьи зубы созданы совсем не для ласк. Полынья, взвизгнув, начинает защищаться, — сначала шутя, потом дело переходит всерьез. Более благополучно кончается игра, когда они принимаются попросту бороться, стоя на задних лапах и наклоняясь в стороны, как заправские борцы.

Мирная жизнь медвежьего питомника в последнее время нарушена. Заметив их понятливость, я как-то дал Седову мысль приучить их к упряжке. Седов за эту мысль ухватился горячо:

— Великолепно! Что они дармоедствуют в самом деле! На «Фоке» не должно быть дармоедов. Будут они у меня дрова возить!—Взялся за дело рьяно. Сегодня в первый раз запрягли несчастных мишек.

Бедные медведи сначала ничего не поняли. Тогда Седов пустил в дело кнут. Достаточно поревев во всю силу медвежьих легких, все же сообразили, что нужно делать для избежания ударов плетки. В конце первого урока Полынья и Торос уже не упирались, а тянули нарту, —

но только по направлению судна. Однако уроки упряжной езды очень напугали их. На человека смотрят подозрительно, не бегут сломя голову при первых звуках «ко ко, ко, ко», — так подзываем их, когда хотим дать съедобного. Но в беде держатся скопом. Когда одного запрягают, остальные идут рядом. Когда бьют запряженного, ревут все три медвежьих горла: один медвежонок кричит от боли, спутники же — по сочувствию беде товарища.

Медвежата в упряжке

25 июля. На берегу весь снег сошел: остатки по оврагам проедены ручьями. Под защитой камней зазеленела мелкая полярная растительность. Вблизи «Фоки» и у берегов появляется «розовый снег». [47] Теперь здесь не теплее, чем в средине зимы на юге России или в средней Европе. Но никто из нас на холод не жалуется. Наоборот: мы радуемся солнцу и теплу, в то время, как тепла в сущности нет: солнце стоит ниже, чем на родине в зимнюю пору. Точные наблюдения показывают, что температура воздуха не поднималась выше + 11° Ц. Выходит, что не тепло радует нас, а отсутствие привычного холода. Где же верная

мера человеческим ощущениям? Не так ли и счастье людское?..

31 июля. Стоит еще лето, полярное лето. Оно кратковременно, как узор на тучке, как пена волны. Нет, не лето, а зима здесь владычица. Не верится ни теплому ветру, ни совсем летним облакам. Речка вздулась, шумит, играет, прыгая по камням до самого моря — вот-вот его затопит! Но понаблюдай: настанет светлая прохладная ночь, туманы поползут, на горах выступит иней — спесь речки разом спадает. Полярные цветы раскрыли чашечки. Припадаю к ним жадным взглядом и блестящим оком объектива: вот она жизнь вездесущая! Мертвящий холод большую часть года и двух-трехнедельное лето. Быть скрытым одиннадцать месяцев из года и торопливо цвести несколько дней, чтобы успеть забросить на мерзлую почву живые семена под саженную толщу снега, которая может и не растаять! Это ли не символ надежды!

Над песчаным берегом моря, недавно оттаявшим, — на длинных прекрасных крыльях взмывает кверху грациозная крачка — морская ласточка (*Sterna paradisea Brunn*). Мечется по воздуху с жалким плачущим криком, усиливающимся по мере моего приближения. Без ее беспокойства не отыскать бы гнезда, но крачка, того не замечая, ведет к нему. Склоняясь над гнездом, дивлюсь бесконечно: гнезда-то нет! Между кусками плавника, прямо на мокрой земле, перемешанной с гнилой древесиной, лежат два живые, теплые яйца. Где же предел живучести земной? Кто побеждает здесь — владычица зима или жадная жизнь?

У всех берегов большие промоины. По ним, кружась в течении впадающих туда ручьев, плавают льдинки. Тихие розовые ночи. На «Фоке» только спим и едим.

7 августа. В эти дни погода резко изменилась: дожди и холодный ветер. На дожди никто не сетует, — они отлично разъедают лед. Нужно сказать, что старый лед не уменьшается в своей толщине: наоборот, многократные измерения в одном и том же месте ясно показывают, что лед не тает, а утолщается. Объяснение такого странного явления довольно просто. Я уже упоминал об озерках и лужах пресной воды, скопившихся на морском льду. Эта вода должна была рано или поздно просочиться через

трещины и попасть в море. Но морская вода имеет более тяжелый удельный вес, быстрого смешивания потому не происходит. Пресная вода только понемногу насыщается солями, а до того она плавает поверх соленой. Пока происходит смешивание нижних слоев, верхние успевают частью обратиться в лед, ибо обыкновенная температура морской воды здесь около — 1,8°, ниже точки замерзания пресной воды.

Крачка—морская ласточка на гнезде

Трудно надеяться, что лед, заковавший «Фоку», может растаять. Все-таки дожди несколько разъедают льдины с поверхности и — главным образом — в местах спайки старых пластин. Там лед сравнительно тонок и пропитан кристаллами солей. Дожди и талая вода быстро растворяют их. Лед, лишенный солей, становясь рыхлым и пористым, легко распадается.

Таким образом мало-по-малу распаивается лед, набившийся в бухту «Фоки» осенью прошлого года. Теперь окошечки морской воды темнеют по всей бухте.

Дождливая погода, мы замечаем, нравится нерпам. Всякий раз во время туманов и дождя видишь по бухте много их, неподвижно лежащих на льду. Не находят ли жители мокрой сферы, что без дождя в воздухе слишком сухо? Сегодня их сотни. Мы испробовали много способов охоты на них. Нерпы очень чутки, редко подпустят ближе 250—300 шагов, убить же нужно наповал, иначе раненый в секунду соскользнет в свою лунку — отверстие во льду. Для подобной охоты нужно обладать терпением и верностью глаза, чтоб сначала часами подкрадываться под прикрытием торосов и по открытому месту, в то время, когда нерпа, опуская голову, засыпает, и потом сделать точный выстрел в голову, — иначе случается, что в агонии убитая скатывается в море. Отправляясь на охоту, некоторые из нас надевают белые халаты, другие предпочитают быть похожими на тюленя, особенно в то время, когда приходится ползти по открытому месту, и одеваются соответственным образом — в тесные куртки и шапки, обтягивающие всю голову. Сегодня убито шесть нерп.

9 августа. На мысе Столбовом много чистиков. Иногда по ночам, лежа на краю его обрыва с сильным биноклем в руках, подолгу смотрю в расщелины, где спрятаны гнезда. Оттуда теперь доносятся веселые тонкие писки: птенцы вылупились. Гнезда неприступны: вверху отвесный каменный обрыв, внизу вода, огражденная со всех сторон высоким ледяным валом — остатком когда-то бывшего здесь громадного сугроба, любимого места наших зимних прогулок. Вчера я жестоко поплатился за попытку достать птенца для фотографии. Поскользнувшись в том месте, где ледяной вал примыкал к стене, я скатился вниз и попал в глубокую воду. Что-то около получаса плавал я, отыскивая выход из ледяной ловушки. Пришлось прикладом ружья выбивать ступени во льду.

Пока я плавал, чистики не обращали на меня внимания: может быть, они принимали меня за тюленя?.. Но переполошились не на шутку, увидев веселого человека без сапог, бешено носящегося по льду кругами в клубах пара и брызг!

10 августа. Если посмотреть с палубы, то по окошечкам морской воды замечаешь подвижные черные точки, иногда они показываются у самого судна. Это нерпы вы-

ставляют головы набрать воздуха. Вблизи — любопытное зрелище. Из воды выскакивают, как китайские болванчики, черные головки, похожие на человеческий череп, обтянутый кожей, одна подле другой, часто до дюжины. Плясуны смотрят на человека с явным любопытством. Чтоб рассмотреть такую диковину — торчмя стоящего тюленя, они высовывают туловище наполовину, раскачиваясь блестящим телом. То одна, то другая вырывается ластом на воздух и невольно погружается в воду, чтоб сейчас же высунуть еще более блестящую мордочку. Пляска длится пока не подойдешь ближе. Вдруг наиболее пугливая с шумом ныряет, а за ней другие, как по сигналу вспенивая добела зеленое море. Если поблизости есть другое отверстие, нерпы перекочевывают туда, и пляска продолжается. Если же продушины поблизости нет, спустя несколько минут в старом месте показывается головка первого смельчака.

Мы бы оставили милых зверьков в покое, если б они не были так жирны. В каждой нерпе десятки килограммов сала, иначе говоря, — топлива для будущего пути на землю Франца-Иосифа. Теперь, позабыв жалость, стараемся убить нерп побольше. [48] На старательно нюхающую мордочку смотрим не глазами исследователя, а промышленника: велика или мала мишень для выстрела. Охотимся несколькими способами, один из них — с гарпуном * по «головкам». Один охотник стреляет, другой — наготове с гарпуном, чтоб сразу после выстрела, пробежав 20 — 30 шагов, успеть бросить оружие в тонущую нерпу. Попасть пулей за 30 — 40 шагов не трудно. Но всадить гарпун удается из трех раз один. То стрелять пришлось издалека, то лед по пути непроходим, то лунка широка, а, главное, гарпунеры мы плохие, — это большое искусство метко попасть в небольшую точку. Иногда случается, нерпа тонет как ключ. Охотник, подбежав, видит кровавый столб, спущенный в морскую глубину. Как все трудно достижимое, эта охота имеет своих приверженцев. Я за эти три дня три раза приходил на «Фоку» мокрым с головы до ног.

---

* Гарпун — копье на древке с привязанной веревкой. Жало гарпуна в виде острия рыболовного крючка.

11 августа. Вернулся Седов с Горбовых островов, где он производил съемку берегов. Неприятную новость привез он с собой. Капитан Захаров до сих пор не решился отправиться на юг, в то время как открытая вода всего в шести километрах. Итак, наша почта к первому пароходу не попала. Очевидно, нужно бросить мечту о шхуне с углем и собаками и подумать, как без топлива дойти до Земли Франца-Иосифа. Теперь одна надежда, что шхуну или груз с нее мы найдем на мысе Флоры на Земле Франца-Иосифа, ибо об этом была последняя просьба Седова при уходе из России.

15 августа. Павлов отправился на остров Заячий с дополнительным провиантом для капитана и с поручением характера «дипломатического»... поторопить.

В паре с Седовым ходили стрелять нерп. Седов выкупался, провалившись, казалось, на самом безопасном месте. Несколько дней назад и со мной случилась эта «обыкновенная история». Когда я за ужином рассказал о приключении, Седов воскликнул:

— Я очень рад!

Сделав вид, что обижен, я ответил:

— Ваше удовольствие мне дороже смены белья!

— Да нет же, я не злорадствую тому, что вы вымокли, а ведь лед тонким стал. Мы выберемся скоро! — Потом смеялись.

Сегодня, бросив Седову веревку гарпуна и вытаскивая его на крепкий лед, я со смехом повторил его фразу: «Ну что же, я очень рад!»

— Да и я также рад, — отвечал он, разбрызгивая воду подобно мельничному колесу. — Ведь это — прелесть, никакого подозрения, что тут можно провалиться. Пять раз в день готов купаться, только бы скорее лед к чорту!

Лед разъеден. Даже с предосторожностями трудно избежать «обыкновенных историй».

С Кушаковым всегда происходят «необыкновенные истории». Он тоже попробовал спорт «по головкам». Выстрелив картечью в одну нерпу, Кушаков выбил ей глаза. Затем что было силы вонзил гарпун, веревка от которого для чего-то была затянута на руке петлей. Ослепленное животное только после удара гарпуном нырнуло в глубину и... повлекло за собой остроумного охотника! Охота

могла окончиться печально. Но, — или раненый зверь ослабел от потери крови, или было трудно везти на буксире такой солидный груз, — только нерпа, окунув жертву с головой, под лед ее не увела. В это время подбежал на помощь Седов и вытащил из воды двух связанных веревкой и одинаково мокрых.

17 августа. Бесконечный туман. Вчера вернулся Павлов. Капитан еще на острове. Седов, опасаясь, что капитан, ожидая особенно благоприятных условий для плавания, пропустит и второй рейс парохода, поручает команду над партией штурману Николаю Максимовичу с тем, чтоб он немедленно отправился в путь.

20 августа. Сегодня Седов, заметя особенно большого тюленя, послал за мной. Я, польщенный признанием меткости своего глаза, не ударил в грязь лицом и застрелил зверя одной пулей. Он оказался самкой морского зайца (Erignathus barbatus), 2 метра 67 сантиметров.

Заметны ночи. Полночное солнце 15 августа светило последний раз. Крепчают утренники, и иней на горах днем сходит не сразу.

Морской заяц (Erignathus barbatus)

24 августа. Медвежий день. В шесть часов утра Лебедев поднял тревогу. Прекрасное солнечное утро. Медведя заметил Коноплев. Мишка не удостаивал взглядом «Фоку». Свернувшись пружиной у лунки, он поджидал тюленей. Коноплев, наблюдая через бинокль желтый предмет, долго не решался будить охотников, — так неподвижно застыл у промоины во льду медведь. Наблюдавшему казалось, — не желтая ли льдина там? Но вот в промоине появилась первая головка нерпы. Медведь, распластавшись в воздухе, прыгнул в воду, нырнул и через мгновение показался, держа в зубах добычу. Первым делом он раскусил нерпе затылок, потом отправился на высокий торос завтракать, таща крупную нерпу подобно коту, несущему крысу. Из любопытства мы потом измерили, какое расстояние пронес тюленя мишка таким образом — не согнув шеи, оказалось — 192 метра. Мы-то увидели мишу уже во время завтрака.[49]

Вполне были уверены, что лакомка еды не прервет. Не спеша направились к нему, отдав распоряжение оставшимся натравить собак только при первом выстреле. Мы скоро должны были сменить шаг бегом: медведь, заметив нас, бросил трапезу и принялся удирать галопом. Я выстрелил в воздух, — собаки нужны, — и мы погнались. Сблизились на пятьсот шагов только после долгой погони. После моего второго выстрела медведь схватился за зад. Наши псы окружили зверя. Вместе с тем рана, хотя и слабая, мешала вырваться из круга. Прекрасный случай кинематографировать движения большого, сильного зверя и бешеную атаку собак. Я послал за аппаратом. От «Фоки» мы отбежали более трех километров, нельзя было ожидать аппарат ранее, чем через час. Седов и я, усевшись на торос, всласть насмотрелись на ухватки пленника.

Манеры этого взрослого господина те же, что у наших питомцев. Полынья после езды на нарте хватает снег для утоления жажды таким же движением, и сквозь поставленные тонкой трубочкой губы вырывается тот же звук, — у этого на две октавы пониже.

Собаки не давали медведю отдыха. Едва присядет, какая-нибудь проберется в тыл и куснет, как может. Укусы малочувствительны, но надоедливы. Один лишь Волк своими ужасными зубами заставлял медведя каждый раз

яростно закидывать голову, чтобы схватить обидчика. Собаки в таких обстоятельствах стали нахальны до пределов возможности. Они лают в упор морды медведя. Понятна его ярость. Был случай: Арестант попался в лапы, медведь смял его, схватил зубами. Арестантов конец был близок, если б не другие собаки, — они всегда дружно кидаются на выручку. Так и в этот раз медведь был вынужден выпустить добычу. Так что же, — пострадавший убежал, или начал лизать раны? Ничуть не бывало: он встал на задние лапы и стал хватать медведя за морду, точь-в-точь как собаки в драке между собой. За Арестантом вышла из строя Белька: ее медведь поймал зубами за плечо и, мотнув длинной шеей, швырнул по воздуху на десяток метров. Потом, как бритвой располосовал когтем ногу Гусара.

Мы стали думать, не обойдется ли кинематографическая лента слишком дорого? Собаки утомились и стали менее внимательными, а у медведя прием верный — хватать зазевавшуюся. Он нарочно прикинется утомленным, подберет настороженную шею! Раз! — и шея вытягивается. Или выстрелит лапой — иначе как выстрелом трудно назвать молниеносное движение толстого, на вид неуклюжего бревна. Рана мешала медведю делать большие прыжки, снять их не удалось в этот раз, но много интересных моментов на ленту попало. Иногда я с большой поспешностью хватал тяжелый аппарат и менял место. Винтовка Седова в это время поднималась на прицел.

Во время съемки собаки загнали медведя в тюленью лунку; мы боялись: не вздумал бы медведь нырять. Тогда Пустошный и Инютин накинули на голову петлю и с помощью остальных зрителей охоты потащили медведя из воды. Взбешенный медведь кинулся сначала на тянущих, потом на собак и оборвал веревку. Я этой игре мог уделить только несколько метров пленки: сто метров в кассете подходили к концу. Наконец, Седов застрелил одним выстрелом медведя.

Довольные удачной съемкой и охотой, мы весело направлялись захватить нерпу, брошенную медведем. Вдруг заметили еще одного. Вместо заслуженного отдыха — опять бежать. Через полчаса догнали. Подбежали вплотную. Медведь, плавая в окошечке проеденного льда, еле

вмещавшем огромную тушу, свирепо огрызался на собак. Мы постояли в нерешительности: как быть? Если застрелить его тут же — может потонуть, а у нас с собой — ни веревки, ни гарпуна. Посоветовавшись, решили попробовать выгнать мишку.

Я пустил пулю под самую кожу на лопатках. Несчастный взревел и поспешно вылез из полыньи. За пятнадцать шагов не трудно попасть под лопатку; однако, пуля не задела сердца. Рассвирепевший до пределов зверь направился прямо на нас. В моем мозгу промелькнула быстрая мысль: дальнейшая забота о красивом виде будущего медвежьего ковра может принести кое-какие неприятности мне и Седову, стоящему рядом с ружьем, но без патронов. Я поспешно выстрелил в голову, но промахнулся: пуля, скользнув по височной кости, впилась в шею, медведь продолжал двигаться на нас, оставалось пять шагов. Только после третьего выстрела в ухо он свалился буквально к ногам, обдав водой с ног до головы нас и только что подбежавшего Пустошного со своим оружием — веревкой.

Третий медведь подошел к мысу Обсерватория в то время, как все отдыхали после беготни за медведями. Этого собаки загнали в продушину льда, оттуда Пустошный выгнал его покалыванием гарпуна. Мы быстро застрелили и этого.

25 августа. Судно наше живописно. На солнце светится свежая краска. Палуба залита тюленьей кровью, тут же в ожидании съемки шкур лежат и туши; собаки лижут их.

На вантах освежеванные медведи и шкуры. Неободранный медведь лежит у борта. Наши медвежата с любопытством обнюхивают его. У Торосика проснулся инстинкт: он старательно роется носом в шерсти на груди и, не находя ничего, сердито ревет.

Теперь медвежата уже вполне освоились с упряжью; можно считать, мы неожиданно получили новый вид домашнего животного. Правда, при виде приготовлений к поездке за дровами они всегда стараются удрать подальше. Но раз попав в руки, уже не делают попыток освободиться и усердно тянут сани. Обыкновенно на медвежью нарту кладется около 100 килограммов дров. Наши друзья без особенного напряжения справляются с таким грузом.

В награду за понятливость и за усердную работу в упряжи медвежатам дали под вечер наесться вволю тюленя, обгрызенного медведем. Еще раньше замечено, что наши лакомки предпочитают мясу сало, если есть возможность выбирать. В этот раз они наелись до того, что не могли ходить. Животы их в буквальном смысле волочились. Полынья еще кое-как передвигала ноги, но Торос после двух-трех шагов зацеплялся брюхом и падал, блаженно вытянув морду. Не надо думать, что наевшись, они на некоторое время отказывались от пищи. Нет, нет! Первая цель их первого движения — как-нибудь добраться до недоеденного мяса! А там снова ели, пока окончательно не утрачивали способности не только двигаться, но даже поместить в горло хоть бы один кусочек.

28 августа. Седов предложил мне вчера пойти прогуляться, взглянуть с Панкратьева острова на состояние льдов. По дороге мы обращали внимание на каждую дырку и трещину во льду.

— Смотрите, весь лед разъеден. Стоит подуть крепкому встоку — вынесет в море одним духом!

Такими фразами утешали мы друг друга, но чем дальше подвигались, тем мрачней становились мысли. Лед разъеден, но не поломан. Пловучий лед начинался в том же месте, где и зимой была полынья. Но и там лед сплочен, пробиваться кораблем очень трудно.

Едва вернулись на «Фоку», заметили возвращающихся штурмана и Визе. Свежие новости: Партия капитана вышла, наконец, 7 августа, — об том гласил плакат в норвежской избушке.[50]

29 августа. Годовщина отправления, вернее прощания с близкими. По этому случаю праздничный пирог с медвежатиной, медвежьи почки и прочие изысканные блюда.

Седов в большой речи благодарил всех, указывая, что и незаметная работа каждого в своем деле становится видной в общем результате. А результат работы этого года таков: по пути к далекой еще цели мы за один год сделали работу, достойную специальной большой экспедиции. Именно: исследовали северный остров Новой Земли, уничтожив почти все белые места ее карты, и разрешили загадку внутренней части земли.

Достал новую тетрадь для дневника. Предыдущую я начинал словами: «Это тетрадь солнца», — следовало бы в начале этой поставить «Вторая тьма». Да, солнце уходит: эти строки пишутся уже при свете свечи. Как торопится притти сюда ночь! Ночи настоящей еще нет, но предчувствие ее ощущается. С каждым днем гаснут краски, что ни сутки — раньше замечаешь сгущение сумерек. Через два месяца ночь торжествующая вступит в свои чертоги. Будет рисовать узоры сугробов, петь бесконечные песни.

Неужели вторая ночь застанет нас на том же месте?

Все приготовлено к плаванию. Эти недели решат нашу судьбу. Жизнь в ожидании. Мы работаем, наблюдаем, думаем, сражаемся с медведями, — вот внешние формы жизни. У каждого есть своя мечта. Мы пытаемся делать все для нее. А природа смеется над нашими стремлениями.

И общая мечта всех—плыть дальше на север—зависит ныне от ветра: если будет «всток» в течение ближайшей недели, мы поплывем. Нет — останемся еще на год здесь.

Глава Двенадцатая

Далеко за морями скрыта от людей
Белая земля...

В первых числах сентября сумрак полночей еще не густ. Шумят еще ручьи, еще не отцвели совсем жалкие растеньица, и горы только на ночь кутаются в серую сетку тонкого инея. Тепло еще... Но чувствуется уже в эту пору веянье близкой зимы. Холодком тянет утренний воздух, на ночь совсем замерзают ручьи, а пресноводные озерки по бухте покрываются звонкой корочкой — совсем такой, как поздней русской осенью на заводях и прудах. Еще неделя, две — выпадет снег, лед окрепнет, и будет здесь зима.

Беда мореплавателю, задержавшемуся до этого времени в глубоком вырезе берега. Известно, что Ледовитое море в иных частях свободно иногда даже после прихода зимней тьмы, тогда как тесные проливы и бухты уже давно стоят. Выдаются годы, когда отдельные куски моря не вскрываются совсем. Таких случаев мы знали множество. Не обольщаясь, определяли положение ясно: если в течение ближайшей недели залив не вскроется, ему не вскрыться совсем.

Так думалось всем. Но радость всегда приходит нечаянно. Третьего сентября ледяные цепи разорвались совсем неожиданно. Еще накануне мы заметили слабое движение в чашке пресной воды около корабля. Льдинки, плававшие там, заколыхались, как будто бы отдаленное волнение, чуть коснувшись нас, слабо колыхнуло эту чашку. Нечто подобное наблюдалось и ранее, никто не придал явлению особенного значения. И я, в тот день дежуривший, добросовестно отметив в журнале волнение льда, подумал тоскливо: «Где-то, не так далеко, вздымается

зыбь широкого моря, режут ее свободные корабли, — их капитаны вольны избирать свой путь!..»

Вахтенный Шестаков вошел в мою каюту задолго до срока наблюдений. Он разбудил меня и, стараясь сохранить солидный вид старого помора, которого ничем не удивишь, доложил:

— Лед в бухте ломаться зачал.

А улыбка сорвалась. Пред тем насупленные брови заползли на половину лба, и раскололась безусая физиономия, — вместо баса юношеским тенорком вылетело:

— Ну и занятно!

Не было еще четырех утра. В безветрии, просекая жидкий туман, моросил дождь. Из-за мыса мягким ворчанием несся ровный гул, — не то совсем далекий гром, не то грохот прибоя, — за мглою тумана что-то происходило. Гул усилился, близясь, окружал корабль и нарастал. Со всех сторон, разрезая туман серыми и изумрудными штрихами, черкали трещины. Одна — выстрелом порвала лед под самым форштевнем * и, сразу же превратившись в канал шире метра, дальним концом скрылась в мути тумана. Весь лед грузно колыхался, — тихий воздух все полней насыщался хряском и шуршаньем льдин, трущихся своими краями. Две собаки, отрезанные от корабля, с испуганным лаем и повизгом метались из стороны в сторону, отпрыгивая от расщелин, разверзавшихся всюду.

Пока я производил метеорологические наблюдения, картина зимовки резко изменилась. Трещины расширились, их пересекли новые. Некоторые льдины, развернувшись, поплыли, другие повернулись, и ледяная равнина вокруг «Фоки», так изученная за год во всех мелочах — с тропинками, с остатками построек, — разъехалась, приняв подобие составной картинки, тронутой шаловливой ручкой ребенка.

Наши молодцы спали крепко: гул вскрывавшегося залива поднял одного только Лебедева. Записав отсчеты инструментов, я разбудил Седова и штурмана. Что за веселая суматоха поднялась на «Фоке»! Один за другим

* Переднее крепление корабля.

выскакивали люди в одном белье или в куртках и фуфайках, натянутых наскоро. Где вспоминать про штаны при таком важном событии! Была бы шапка на голове!

Шире раздвигался лед. Туман поредел, определилось ясно: все проливы и бухты поломаны, от мыса Обсерватории — широкий канал.

Будь все в сборе, а котлы под паром, «Фока» одним духом прошел бы по этому каналу до Крестовых островов; за островами виднелось море. Недосчитывались Павлова: он с вечера ушел обследовать отдаленнейшую часть полуострова. За бродягой геологом отрядили Визе; тем временем Седов отдал приказание поднять пары.

Сладок земледельцу дух унавоженной нивы на первой борозде, художнику — аромат готового холста. Спросите еще моряка, что чувствует он, заслышав после долгой зимы запах пара и гретого машинного масла?

К полудню «Фока» уже вздрагивал; котлы кипели. Все на борту: собаки, медведи, приборы и шлюпки. В знаке у зимовки на Михайловой Горке оставили записку. К вечеру вернулись Павлов и Визе. Все готово — можно в путь. В восемь часов заработала якорная ледебка.

— Цепь чиста-а-а! — донесся голос бакового. — Якорь готов!

Динь, динь, — зазвенел в машине телеграф; ответили,— готово! Вода пенным потоком хлынула на лед за кормой...

Не легко освободиться от льдин, сжавших борта, — за год их толщина достигла почти четырех метров. «Фока» не меньше получаса рвался из тесных объятий; наконец, одна из «брюнеток», густо заваленная грязным венегретом из всяческого мусора, подалась в сторону. Корабль протиснулся в узкий канальчик, дальше пошел ходом, расталкивая обломки свеже омытых льдин.

В этот вечер «Фока» прошел не больше мили: повстречались крупные ледяные поля, спустился туман, пришлось остановиться. Следующие два дня мы дрейфировали со льдом недалеко от зимовки и едва не попали на камни у мыса Обсерватории. Только 6 сентября подул желанный всток. «Фока» поплыл вместе с потоком льда от матерого берега. Пред закатом солнца всток засвежел; полосы льда одна за другой уходили в море. К темноте и нас

подхватили паруса, вынесли на свободную воду. Выйдя в море между островами Крестовыми и Панкратьевым, мы недолго отсюда плыли по морю, совершенно свободному. Перед рассветом натолкнулись на густые льды, граница их почти на таком же расстоянии от берега, как в предыдущий год. Седов повернул на юг, — он решил на этот раз вступить во льды только на меридиане мыса Флоры. Путь по нему считается самым надежным для достижения Земли Франца-Иосифа. Мы зашли еще на остров Заячий, чтоб устроить в норвежской избушке склад провианта,[51] затем поплыли к югу, чтоб обогнуть льды, тянувшиеся до полуострова Адмиралтейства.[52]

9 сентября. Опять в пловучих льдах. Вступив в лед на пятидесятом меридиане в широте около 75° 20′ с. ш., шли до позднего вечера почти без задержек. Теперь ночуем в полынье. Ясная, освещенная кровавой северной зарею ночь. Полный штиль. Встают у борта иголочки и укрывают воду тончайшей прозрачной сеткой, — ее даже не видно. Нужно, чтоб лед чуть-чуть передвинулся, тогда в местах разрыва проползает по полынье белая ниточка. Выстанет нерпа, — останется белое кольчико.

10 сентября. С утра пробивались довольно успешно, — лед не очень сплочен. Но ясно: дальше на север — все плотней и толще пластины и выше торосы. Легкий морозец; иногда приходится итти каналами, покрытыми плотной коркой молодого льда. В таких местах «Фока» ползет подобно мухе, попавшей в соус. На палубе тогда угрюмое молчанье, его прерывают только сердитые выкрики команд да непрерывные звонки в машину: «назад — вперед — назад».

В самом деле, веселиться не от чего: ледяной пояс только начинается, а топливо уже приходит к концу. Если изрезать на дрова баню, то ее вместе с плавником хватит на трое суток. Мы же, пробыв во льду чуть не двое суток, не достигли еще и прошлогодней широты. Но, как и в прошлом году, отдельные пластины смерзаются в поля, оставляя все меньше каналов. Мы ждем перемены, через подзорную трубу высматриваем с бочки, нет ли лучшего пути, но не видим ничего утешительного. Куда ни взгляни — одна картина. По горизонту — марево белой без-

брежной пустыни, в сеть редких каналов вкраплены лужицы и полыньи. Вблизи — горы изумрудно-белых чудовищ-льдин. Они не знакомы ни с жизнью, ни с теплой водой, капризно вылепленная поверхность чиста: ни следов зверей, ни кусочка грязи. Только после прохода «Фоки» остаются черные следы борта и измочаленные щепы. И в дополнение к картине — «Фока». Он бьется из последних паров, коптя последним мелким углем, вырывается из одного канала, чтобы застрять в конце другого. На мостике несколько черных, ничтожных в великой пустыне фигурок. Они напряженно следят, насколько их путь отклоняется от направления, показываемого магнитной стрелкой, и сколько пройдено за час.

11 сентября. Полуденные наблюдения 77°01′ с. ш. Ясный день. Морозит. С утра встретились мощные льды. Все каналы под толстой коркой. Наше положение таково: до мыса Флоры 157 миль, до южной границы льдов 75 миль. Топлива осталось на двое суток.[53] Если впереди лед такого же характера, — все наши стремления к северу обречены рассеяться с дымом последнего полена под котлом. Двигаясь прежним ходом, мы остановимся немногим далее половины пути, и, если не придумаем особо-чрезвычайных мер, вмерзнем в пловучий лед. Истине нужно смотреть в глаза.

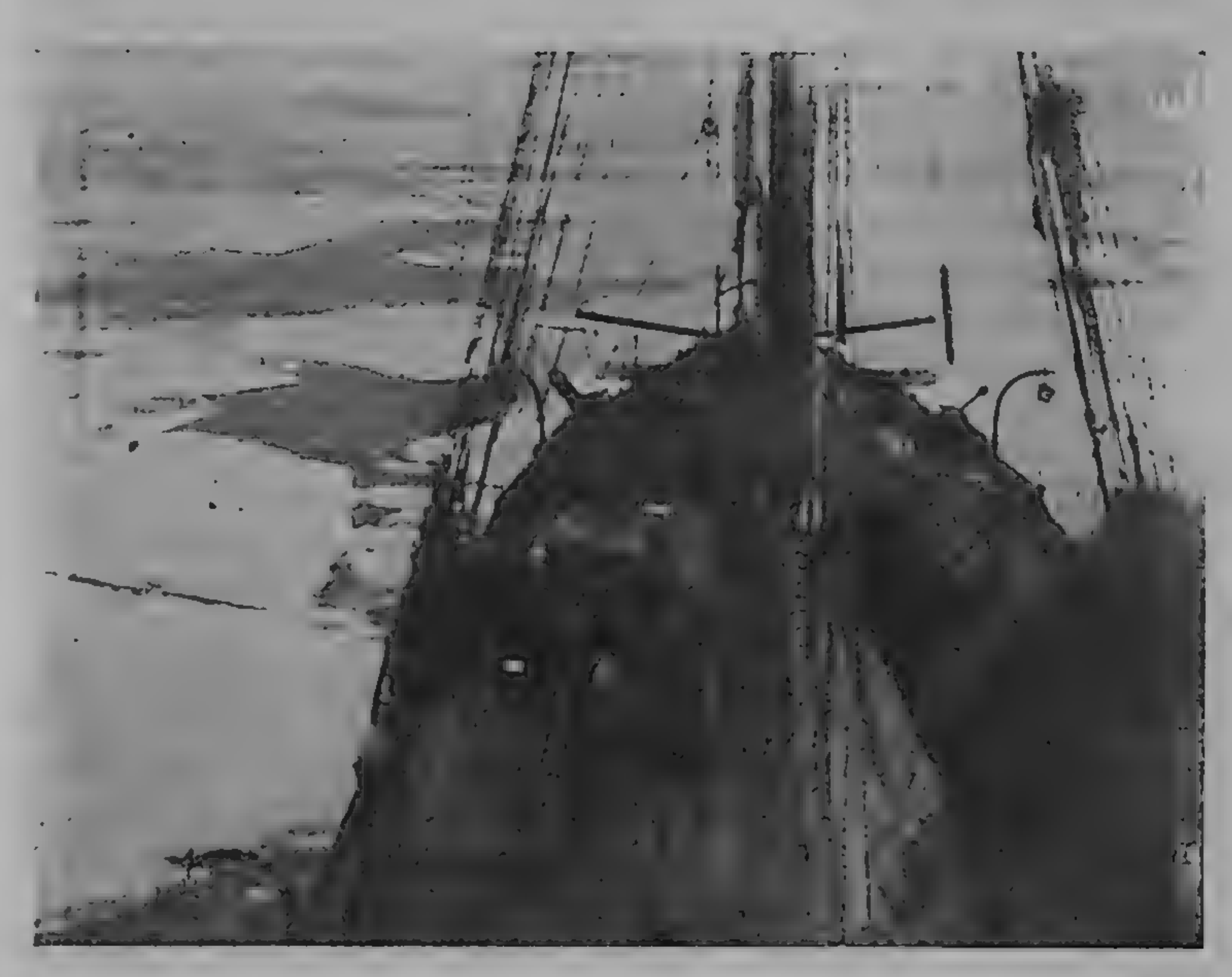
Вел разговор с Седовым о нашем положении. Меня, как дежурного по кораблю и человека, Седову наиболее близкого, остальные члены экспедиции просили передать ему их мнение, что борьба со смерзающимся льдом может окончиться дрейфом во льду, — к нему «Фока» совсем неприспособлен.

Разговор произошел в то время, как «Фока» начал резать лед, образовавшийся за ночь. Кругом простиралась пустыня — жуткая бесконечностью и мертвой, грозящей тишиной. Георгий Яковлевич сказал мне:

— Нам нужна Земля Франца-Иосифа. На мысе Флоры Макаровым сложен уголь; если топлива нехватит — будем жечь судно: что же делать? Итти же назад, пройдя труднейшую половину, — преступление. Да и назад путь не легче, чем вперед. Проклятые льды!

12 сентября. Со вчерашнего вечера — более проходимый фарватер. Подул ветер, слегка расширил каналы,

слабеющей машине помогли паруса. Скажу правду: утром настроение на корабле — царство угнетенности. Чудовища, именуемые топками, сожрали, наконец, и баню. Теперь в ход пошли разные доски и иной горючий хлам; пробуют ворвань медведей и нерп. И ворвань превращается в пар! Если ее смешать с только что выгребенной золой, горит чудесно, — механик не нахвалится. Матросы

В густом льде

тащат последние поленья, доски и всякий мусор. Трудно удержаться от мысли о будущем. Наверное с меньшей жалостью провожает разорившийся богач красивую мебель, любимые вещи, чем мы остатки топлива. Вот на этом бревне можно растопить льду для питья на два добрых дня, а обрубки канатов, смоченных в машинном масле, должны прекрасно накаливать печки.

Да, настроение подавленное. На мостике, по временам, мне кажется, я как глазами вижу, что в груди Седова кипит и пенится... Держит упорно по компасу прямо на

норд, не сворачивая ни на полградуса. Часто по пути небольшие льдинки, — он режет их с наслаждением. «Э-э-э-х! Если суждено пройти, то пройдем!» Я любуюсь им, как образцом воли да и вообще человека. Есть нечто в человеке, заставляющее всех зверей отворачиваться от его пристального взгляда. *Это нечто* в Седове выражено резко, подчеркнуто. Такая подчеркнутость — самое характерное в нем.

Под вечер ветер стал крепчать. Полыньи, очистившись от сала, стали проходимей. Физиономии повеселели. Вплоть до темноты мы шли отлично под парусами. В последний час лот показал семь узлов, — если так будет продолжаться, мы достигнем земли.

13 сентября. Проснулся от возбужденных разговоров в кают-компании. О чем может быть такой горячий разговор,—уж не землю ли увидели, не идем ли открытым морем? Едва я спустил ноги с койки, — сильным толчком меня повалило обратно, посыпались книги, зазвенело рядом в буфете, а в коридоре кто-то раздраженно заворчал: «Вот бьют! Так без головы останешься!» Нет, об открытой воде говорить не приходится, колотим лед по-старому.

Увидели — не больше, не меньше — Землю Франца-Иосифа тотчас же после восхода солнца. До земли не ближе семидесяти миль. Не верилось. Бывшие на мостике горячо доказывали, что прозрачностью воздуха и рефракцией * объясняется столь редкая видимость еще отдаленной земли. Мне-то до сих пор сомнительна эта прозрачность. Но в это утро нельзя было оставаться неверным Фомой.

Однако, нет сомнения, сегодня мы увидим эту белую землю. Главная преграда позади. Во всех направлениях широкие каналы, все больше редеют льды. Попадаются айсберги — предвестники земли.

Вечером. И вот мы уже у Земли Франца-Иосифа. Невольно вспоминаются слова Нансена: «Так вот какая она! Сколько раз представлялась она мне в мечтаниях, и все-таки, когда ее увидел, она оказалась совсем иной». И я ждал увидеть нечто похожее на Новую Землю, но

* Преломление световых лучей в нижних слоях воздуха.

земля явилась не похожей ни на что виденное раньше. Она открылась в тумане-дымке. Мы долго не могли определить: облако ли застыло или высокие пологие горы поднялись за горизонтом над свободной водой. Наконец, выделилось нечто, похожее на белый перевернутый таз, а сзади его — белые же горы с темными полосками у вершин. Так вот она, пятьдесят лет назад еще неведомая страна. Мы более года плывем к ней!

Позднее к вечеру мы опознали очертания берегов по карте.

Мне чудились давно какие-то тяжкие вздохи и всплески под бортом. Мы все наше внимание отдали показавшейся земле, — звуки не доходили до сознания. Но, наконец, сильный всплеск под бортом и какое-то хрюканье заставили посмотреть туда. Из чернильно-зеленого моря высовывались безобразные головы, вооруженные клыками. Большое стадо моржей, окружив корабль, долго сопровождало нас. По временам пасти чудовищ открывались, тогда с брызгами воды и пара вылетало мычание и хрип, похожий на хрюкание. Казалось, моржи, принимая корабль за особо-крупное животное, негодовали на появление дерзкого пришельца в заповедных местах.

— Еще две охапки рубленых канатов под котлы, еще полбочки ворвани!

— Верти, верти, Иван Андреич, догребай до Флоры, — кричит в машинный кап штурман. — Близко, близко!

Спускалась темнота. Бросили два якоря. С горы крепкий ветер; на берег ехать нельзя.

«Было или нет русское судно? Получим ли уголь?»

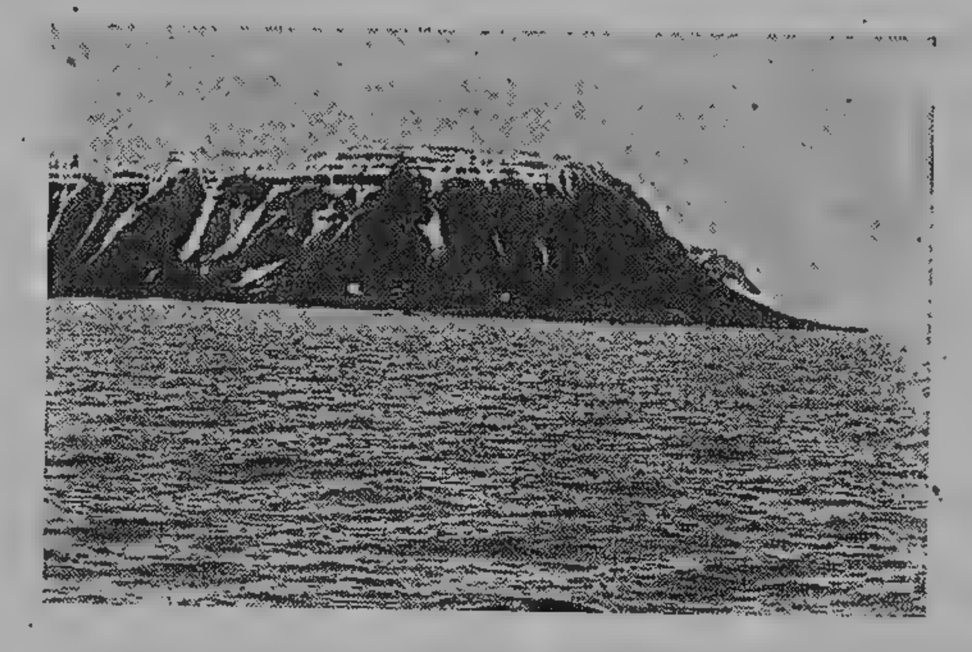
Ночной шторм к утру улегся; четырнадцатого сентября пасмурный, немного мглистый день. За исключением штурмана и очередной вахты мы съехали на берег все.

Никто еще не приставал к этим далеким берегам в такое позднее время: в половине сентября на этих островах уже зима. Еще плещется по припаю дымное море, — там можно увидать одиночек чистиков и стайки запоздавших чаек, — но отойти от берега на сотню шагов — там зима настоящая. Коркой затянуты камни, снег затвердел, появились заструги.

Чувство, близкое к благоговению, охватывает, когда

вступаешь в первый раз на этот замечательный кусочек земли. Скольким отважным людям мыс Флора казался первой ступенью к осуществлению мечты о полюсе! Сколько неожиданных препятствий, бед и разочарований в извечно-фатальной борьбе человека за знание и жизнь!

История мыса Флоры интернациональна, — это история стремлений человечества к полюсу за конец прошедшего века и нынешний. Тут работали представители разных наций. Англичане Ли-Смит и Джексон, [54] американцы Уэлман, [55] Болдуин и Фиала. [56] Тут развалины жалкой избушки Ли-Смита и место замечательной встречи Нансена с Джексоном. Здесь был Макаров с его «Ермаком». [57]

Мыс Флора

По берегу, заваленному базальтовыми обломками, мы поднялись на плоскую равнину, где расположены близ озерка все постройки, возведенные Джексоном в 1894 г. Главный домик смотрит маленькими окнами в холодную даль океана. Когда-то тут был самый крайний уголок цивилизованной жизни, — то было 20 лет назад. Теперь — хаос и разрушение. Мы вошли в первую постройку — жилая изба Джексона. Она сохранилась лучше других, ибо построена из бревен по типу русских изб. Двери ее были открыты, окна повыломаны медведями, внутри — оледенение. Мы изрядно потрудились, протискиваясь в узкий проход оледенелых сеней, и осматривали хижину с высоты слоя льда, лежавшего на полу толщиной около метра.

На фотографиях Джексона и по описаниям Нансена внутренность дома так уютна! Чиста комната, обитая

сукном, по стенам эстампы и фотографии, на полках книги и разнообразные предметы из обихода европейца-исследователя. Если Джексон был бы с нами и увидал свой домик!..

За дверным косяком, зелено-бархатным от плесени, прилеплено гнездышко пуночки. Торчит изо льда проогревшая печка, — труба ее рассыпалась при первом же прикосновении кого-то из наших. Вдоль стен в два яруса нары. На них и к стенам примерзли спальные мешки, посуда, медикаменты и провизия. Мы заключили, что большинство вещей принадлежало экспедиции Фиала, бедствовавшей тут.

И по равнине перед домиком разбросаны и вмерзли в снег самые разнообразные предметы снаряжения: ящики с консервами, обломки мебели, куски одежды и мехов. Недалеко от Джексоновских построек мы заметили возвышение: оно оказалось могилой Мюатта, одного из матросов «Уиндворта». Мы поправили как могли крест, сломанный и поваленный бурями. На восток от становища поставлен обелиск, высеченный из крупнозернистого мрамора. На памятнике надпись («Requiem: F. Querini, H. Stokken, P. Ollier. — «Stella Polare». 1900.»), указывающая, что обелиск поставлен герцогом Абруццким [58] в память трех участников его экспедиции, пропавших без вести во время путешествия к полюсу. Вблизи хижинки, построенной из судовой рубки и двух рядов бамбуковых палок со слоем оленьего мха между ними стоит знак Макарова. На знаке выжжена надпись: «Ermak passed hier 1901»...

Осмотрели подробно весь берег. Ни у хижин ни в другом месте мы не нашли ни склада угля ни следов вспомогательной экспедиции. Наоборот, чувствовалось, что давно не вступала на пустынную землю человеческая нога. Царила торжественная тишина, такая же, как пятьдесят лет назад до первого человека, побывавшего здесь.

Итак, все сожжено. Макаровский уголь весь использован экспедицией Фиала. Плавника здесь нет, — впереди зимовка без топлива. Мы забыты и предоставлены собственной судьбе. Ну что же, знать это лучше, чем лелеять пустые надежды. Трудней борьба, но больше радости в победе, достигнутой своими силами. Беды еще

нет. В стране, где два крепких человека сумели только с ружьем и патронами прожить в землянке без топлива и хлеба целый год, нам — с исправным кораблем и снаряжением—говорить о беде еще не приходится.

Под вечер первого дня Седов, я и штурман пробовали охотиться на моржей. Охота на моржей, плавающих стадами, считается опасной. Если исключить из рассказов о приключениях норвежских промышленников все преувеличения, одна опасность остается несомненной — это постоянная угроза внезапно очутиться в холодной воде среди компании моржей. Удача охоты всецело зависит от искусства гарпунера. Он, бросая гарпун, следит за рулем; когда шлюпка на буксире, прыгая по волнам, несется за раненым моржом, гарпунер смотрит в оба, чтоб охотники сами не запутались в гарпунном лине, командует гребцам то работать во всю мочь, чтоб ослабить натянутый струною линь, то тормозить движения слабеющего зверя.

Мы-то — гарпунеры доморощенные. Правда, у нас не было даже настоящего моржового гарпуна; отправляясь на охоту, мы взяли тюлений, много раз испытанный гарпун. Первое стадо встретилось недалеко от корабля. Направили шлюпку в самую гущу голов. Вся орда, разбрасывая пену, плавала от мыса к мысу, ныряла под нашу небольшую лодочку и с шумом дышала; крошечные глазки блестели зло и недружелюбно. Если шлюпку не слишком швыряют волны, убить одного из стада не трудно, значительно трудней вонзить в добычу гарпун. Я выстрелил в ближайшего моржа почти в упор, — он потонул настолько быстро, что не успели даже замахнуться гарпуном. Со вторым сблизились на два метра; почти в один момент я выпустил заряд, а Седов бросил гарпун. Очевидно, для этих толстокожих обыкновенный железный гарпун совсем не годен, — он, не пробив полудюймовой кожи, погнулся и выпал. Седов три раза бросал свое оружие, оно сгибалось сильней и сильней. Что-то дико-жалобное слышалось в крике моржа, когда гарпун вонзался вторично, — то был крик чудовища, бесконечно уверенного в своей страшной силе, вдруг столкнувшегося с новой и ужасной силой неведомых. После третьего удара морж, казалось, с отчаянием обернулся к шлюпке и, широко

раскрыв безобразную пасть, взревел во всю силу легких. Каскад кровавой пены и брызг хлынул в лицо Седову, как проклятие зверя. В то время как раненый морж рычал и метался по волнам, к нему стали собираться остальные. Животные, окружив шлюпку тесным кольцом, смотрели бессмысленно на раненого и на нас, не обнаруживая впрочем никакого желания вступиться за товарища. Стадо сопровождало нас до борта корабля скорей из любопытства. Мы легко отгоняли чрезмерно назойливых ударами весла.

Утром пятнадцатого сентября матросы съехали на берег собрать жалкие остатки угля, оставшиеся из запаса, некогда выгруженного здесь адмиралом Макаровым; с той же шлюпкой уехал и Седов. Он скоро вернулся: за мысом увидел стада моржей и двух медведей на плавучем айсберге.

Спустили большой баркас; я захватил кинематограф. Конечно, медведи не стали дожидаться конца наших приготовлений к охоте и уплыли. Но моржей мы увидели множество. На припае и ближних льдинах я насчитал более сотни; вдали же повсюду виднелись стада и отдельные туши с подобранными под брюхо ластами. Шагах в тридцати - сорока от одного из стад в 20—25 голов мы пристали к льдине.

— У-у-х! — прошептал наш кормилец Иван, — да ведь в нем в каждом, чать, по тысяче бифштексов будет!

Пока я выгружал кинематограф и приготовился снимать, моржи лежали не шевелясь, как груда сосисок на блюде. Пропустив несколько метров пленки, я попросил Седова выстрелить, чтоб испугать стадо. Один из моржей был убит. К нашему удивлению, смерть товарища не произвела на животных никакого впечатления. Единственно — когда раненый взметнулся предсмертной судорогой и, приподнявшись на ластах, внезапно рухнул, лежавшие рядом недовольно заворочались и захрюкали, а один — посварливей — наградил беспокойного хорошим ударом клыков, а тот уже и голову склонил. Стадо успокоилось быстро. Прилетела чайка, уселась на убитого: картина становилась интересной в своей естественности. К досаде моей в этот момент Кушаков, не совладав с своим охотничьим пылом, выпалил в стадо и угодил пулей так

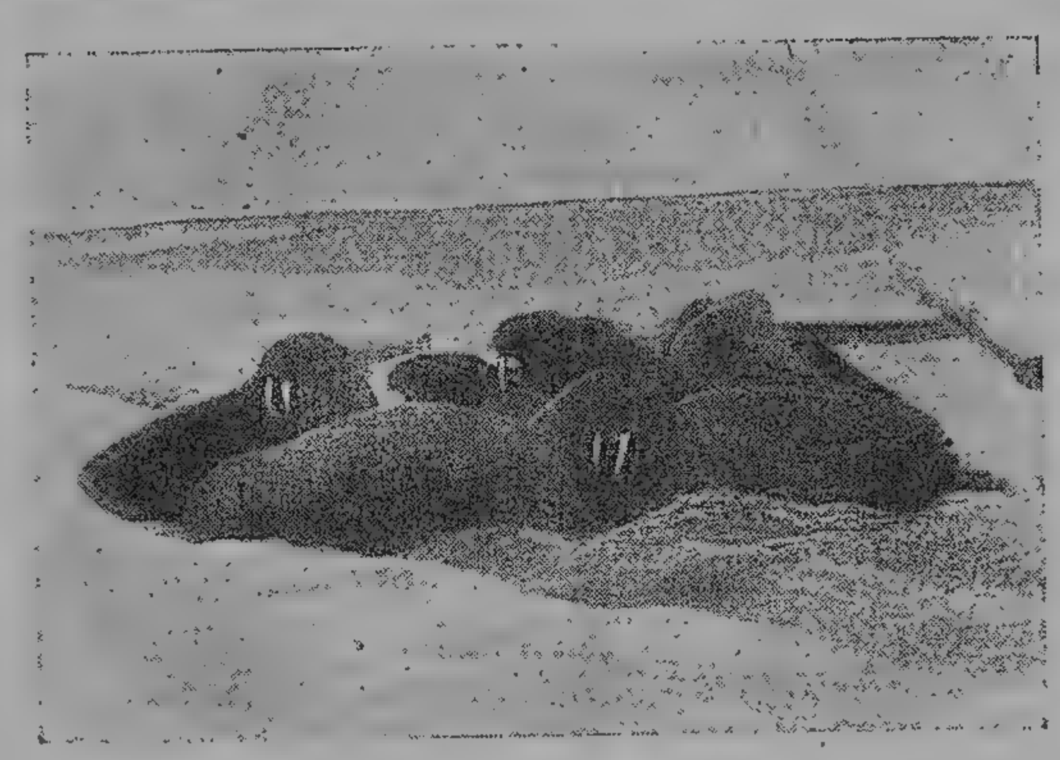
удачно, что клык самого большого самца со звоном разлетелся вдребезги. Осколки задели рядом лежащих, — поднялась суматоха. Два-три шлепнулись в воду, остальные собирались последовать за ними. Мы стали бояться, что моржи уйдут, — тогда для пополнения запасов мяса нам придется искать другое стадо, от «Фоки» более отдаленное. Открыли стрельбу. Первые выстрелы уложили ближайших к воде, остальные — заключенные в кольце убитых — не могли броситься в море иным путем, как только через трупы товарищей, а тут их и настигали пули.

По правде сказать, подобное побоище отвратительно и жестоко; ему никак нельзя присвоить название охоты. Не нужно быть особенно чувствительным, чтоб сразу же потерять всякое желание убивать безобразных, но совсем беззащитных и мирных животных. Охота — опасность, выносливость, настойчивость, охота — добыча, даже просто спорт — имеет свое оправдание. Но такая охота — обыкновенная бойня и, как всякая бойня, противна нормальному, в конец не извращенному человеку.

Мы знали, что обыкновенная свинцовая пуля не пробивает голову моржа, — так толст его череп. Выяснилось, что и никелевые разрывные пули не всегда пробивают. Иногда через минуту после выстрела оглушенные животные оживали и с ужасным воем, истекая кровью, пытались неверными движениями перелезть трупы убитых. Некоторым удавалось столкнуть трупы в воду, — эти упали в море. Обильно окрашивая кровавым следом свой путь, несчастные метались в полубеспамятстве. Скоро побоище закончилось. Мы высадились на льдину, где лежали убитые; еще несколько выстрелов, чтоб прекратить мучения раненых.

Невдалеке лежало другое стадо. Седов полагал, что следует убить еще несколько животных; мы можем без потери времени погрузить на «Фоку» до 25 моржей. Неизвестно, найдем ли мы столь же удобный случай добыть жир для топок и сделать годовой запас пищи для наших собак. Эти моржи лежали на низком береговом льду, незаметно переходившем в ледник. С кинематографом в руках я осторожно подошел к стаду на расстоянии четырех метров и стал устанавливать аппарат. Все стадо сладко дремало. Только один старый самец, приоткрыв ненадолго

глаз, посмотрел, как я вставляю кассеты, и недовольно захрюкал. Впрочем, он тотчас же закрыл глаза и, блаженно почесав за ухом ластом, почавкал, повернулся удобнее и, густо собрав жирные складки у шеи, уснул. Он даже не полюбопытствовал внимательнее рассмотреть живое существо, едва ли виденное раньше. А я-то опасался, что моржи испугаются, и кинематографическая съемка на близком расстоянии не состоится.

Из ленты кинематографа.

Долго стоял я, готовый начать съемку при первом же движении животных. Проходили десятки минут, моржи не двигались. Вся груда живого мяса и жира наперебой пыхтела, сопела на разные лады, но ни один не шелохнулся. За спиной у меня собралась вся команда баркаса:

— Григорий, смотри-ка: у него бородавки-то больше, чем у соборного попа, и волосы такие же рыжие.

— А вон тот — отец; клыки-то больше аршина, сам пудов, чать, триста будет.

— Ну, сказал — триста. И ста не вытянет.

— Ну и житье им, братцы! Наелся и спи, не боятся никого. Медведь-то у всех на глазах обошел стадо, когда начальник поехал на корабль. Кто такому дьяволу страшен!—Я предложил нашим молодцам побросать в моржей снежками, — но и закиданные снежками, моржи даже глаз не открыли. Эти господа умеют сладко спать! Очевидно, нельзя ожидать проявления жизни этих живот-

ных ранее перемены погоды. Мне не хотелось будить стадо выстрелами, я послал Лебедева потревожить их палкой. Лебедев принялся, как цепом, колотить ручкой багра направо и налево, — тоже почти без результата. Наконец, когда, перевернув багор, он сколько было мочи стал колоть моржей его острием, стадо слегка зашевелилось. Получивший первый укол приподнялся и крепко всадил в спину соседа клыки. На концах осталась кровь. Тот приподнялся на ластах, разбудил движением другого и, уставясь на меня заплывшими глазками, долго смотрел. Не сообразив ничего своими маленькими мозгами, он еще раз беспомощно оглянулся и свалился спать. Все движения длились не больше минуты; на том съемка и закончилась. Из этого стада мы убили трех больших самцов, остальных прогнали в море.

На небольшой обмелевшей льдине у самого берега лежали две самки с детьми, небольшими сморщенными и безволосыми уродцами. Спали самки, спали и дети, уткнувшись мордами в материнские сосцы. Самки оказались пугливее, — не подпустили меня и на двадцать шагов, когда я хотел подойти с аппаратом поближе. Один детеныш не успел нырнуть в море за матерью, остался на льдине одиноким. Он жалобно замычал, смешно и бестолково двигая непослушными конечностями. Мать тотчас же закинула ласты на льдину, выбралась и, свирепо хрюкая на меня, — я успел подойти к самому берегу, — принялась трогательно-ласково и настойчиво подталкивать к воде своего нерасторопного детеныша, не забывая и меня лишний раз устрашить мычанием и хрюканьем. У края льдины она подхватила «малютку» ластом и вместе с ним скользнула в родную стихию. Вынырнув с младенцем подмышкой, она кинула еще один сердитый взгляд и скрылась в глубине моря.

Одно стадо расположилось высоко над морем. К месту лежки вела широкая и грязная дорога, протоpенная по пологому подъему ледника, который опускался к морю незаметным скатом снега. Молодцы спали достаточно крепко, — вся дюжина носов дружно сопела. На нас сонные богатыри даже не посмотрели. Не было нужды убивать их, снимать же вторично компанию жирных колбас, чавкающих и пыхтящих во сне, тоже казалось излиш-

ним. Не ленте, запечатлевшей движения моржей в воде и на суше, поодиночке и стадами, оставалось немного свободного места. Я решил использовать его для съемки моржей, ползающих по суше.

Матросы погнали все стадо к морю. Очень не хотелось засоням оставлять покойное ложе, но нападение велось энергично, все стадо покорилось. С трудом приподнимаясь на ластах, моржи поползли. Громадный старый и лысый самец, корявый от рубцов, шишек, морщин и клочков рыжей шерсти, — один не подчинился. Свирепо рассекая воздух полуметровыми клыками, он двинулся на преследующих.

— Вот этот настоящий папаша, защищает семейство. Молодец, старик!

«Папаша» в самом деле как будто прикрывал отступление. В стаде, среди взрослых самцов, были и самки без клыков и молодые моржи с едва показавшимися. Вожак, угрожая бивнями и сотрясая воздух ревом, дал стаду отползти и попятился сам. К моей досаде, кинематографическая пленка подошла к концу как раз к моменту, когда стадо подползло к краю ледника. Стоило посмотреть, как туши в тонну и больше весом стали плюхаться об воду! Очутившись в родной стихии, моржи дали волю негодованию. Поджидая вожака, они бурлили тихое море и ревели хором, как заводские гудки поутру.

С «папашей» же случилось несчастие. Прикрывая отступление, он пятился задом. На пути попалась узкая трещина, которую стадо переползло без затруднений, но старик, очевидно, по привычному ощущению, принял ее за край льда и, спустив туда задние ласты, соскользнул. Он скоро понял ошибку и, глубоко вонзив в лед могучие бивни, пытался освободиться. Но — поздно. Тяжелая туша уже ушла в трещину и заклинилась там. Старый морж в отчаянии ревел и бил клыками в края, осколки льда фонтанами сыпались вокруг. Спасенья не было. Каждое движение только глубже втискивало тело в гладкую расщелину льда. Один из нас пристрелил несчастного.

С большими трудами погрузив одного из моржей на баркас, мы под вечер вернулись на судно.

Глава Тринадцатая

> ... Ее сковали грусть без края
> И синий лед, и белый снег...

На следующий день — только собрались погрузить убитых моржей — поднялся сильный ветер; пришлось положить оба якоря и вытравить побольше цепи. Береговой ветер сразу сменился штормом с южной стороны; на горизонте черкнули белой полоской льды, всегда страшные для корабля, стоящего у открытого берега. Корабль Ли-Смита «Эйра» был раздавлен при подобных обстоятельствах почти в том же месте, где стоял «Фока». Льдину с убитыми моржами береговым штормом унесло в море; из всей добычи осталось девять штук, и этот десяток пришлось убирать, торопливо сваливая в трюм: льды приближались.

Вечером 17 сентября мы подняли последнюю тушу и тотчас же снялись с якоря. Внезапно стих ветер, успокоилась узкая полоска моря, мы плыли по гладко-зеркальной воде. Как-то сразу мы заметили, что тишина сгустилась, что нет больше чаек, улетели на юг последние чистики, даже моржи куда-то исчезли. Когда «Фока» поровнялся с памятником погибшим в экспедиции Абруццкого, Седов приказал всех вызвать наверх.

— На кормовой флаг, — раздалась его команда.

— Есть на кормовом!

— Приспустить кормовой!

— Есть! — донесся голос. Русский флаг приспустился в честь погибших итальянцев, с борта раз за разом понесся пушечный салют. Все стояли с обнаженными головами.

Обогнув западный мысок о. Нортбрука, мы повернули на север. Пролив Мирса был чист.

Что за мертвые земли открылись перед нами!

Нужно войти в проливы, чтоб увидать землю Франца-Иосифа такой, как она есть — без прикрас высоких базальтовых обрывов, венчающих уклоны южного берега. Белая, оледенелая земля. Остров Бруса невысок, но почти весь подо льдом. Земля Александры выше, но и на ней не увидать черного пятна. Правда, что о. Нортбрук и дальше за ним кое-какие земли чуть пестрятся редкими темными пятнышками и черточками, — но так ничтожно малы они на широком горизонте!

Айсберги, постоянно встречающиеся кораблю, и цветом и формой не похожи на плавающие около Новой Земли. Здешние — матовы, пористы, невысоки, в большинстве похожи на стол, накрытый белой скатертью. Среди встретившихся этим вечером мы видели ледяные горы значительной величины. В сумерках мы разошлись с одним — длиной не менее 250 метров. Стоявшие на мостике приняли его сначала за островок, не нанесенный на карту, — только подойдя влотную, заметили, что ледяной островок плывет.

Ночью «Фоке» пришлось остановиться в Британском канале из-за скопления льда и темноты. На рассвете с помощью сильного приливо-отливного течения мы легко одолели ледяное препятствие. С утра до полудня 18 сентября встречался лед, легко проходимый. Сейчас же после полудня мы были севернее мыса Муррея, позднее миновали СВ оконечность Земли Принца Георга. Казалось — еще немного, и 81 градус будет позади, а мы войдем в море Виктории. Увы, как раз в том месте, где мы ожидали окончания затруднений со льдами, «Фока» встретил плотный, вовсе неломанный лед. Путь на север закрыт! Британский канал в этом месте широк, не хотелось верить, что на пространстве двадцати миль не найдется ни одной лазейки на север! Мы повернули по кромке льда на восток. Нет, — кромка неломанного льда, приведя нас к о. Кетлица, решительно завернула на юг. Нашему капитану не хотелось сдаваться. Может быть, другие проливы свободны? Не проникнем ли на север проливом Австрия? При входе в пролив Аллена Юнга нас настигла ночь. Остановились вблизи о. Скотт-Кельти.

Скала Рубини-Рок в б. Тихой

На палубе хлопотали с креплением канатов, началась раздача корма собакам и медведям. Механик Зандер поднялся на мостик и доложил Седову:

— Я подсчитал топливо: его нехватит на весь завтрашний день.

Седов задумался и долго молчал. Потом на мой немой вопрос сказал:

— Будем зимовать где-нибудь поблизости. Что поделаешь. Сто лишних километров до полюса!

Ранним утром девятнадцатого сентября поплыли на поиски спокойного зимовья. Недалеко нашлась бухточка острова Гукера. Подвигая судно у самого берега, Седов нашел подходящую глубину: ему хотелось поставить «Фоку» килем прямо на грунт, чтоб избежать необходимости откачивать воду. Тут же оказался айсберг для питьевой воды и берег, свободный от льда. Седов назвал бухту — «бухтой Тихой».

Клочок земли, близ которого стоял в этом году «Фока», невелик. На верху горы, недалеко от каменного обрыва, венчающего откос, незаметным подъемом начинается лед; в глубину бухты спускается пологий ледник; со стороны

Британского канала тоже ледничок. Лед закрыл весь остров, — свободны только высокие мысы. [59] Даже в местах, где ледников нет, вечный снег слежался под лощинами так плотно, что и они выглядят маленькими ледниками. [60] Если от пристани «Фоки» перевести взгляд на юг, — там громадная скала — полуостров Рубини-Рок (скала Рубини). Его двухсотметровые обрывы, кроме восточной части, неприступны. На западе в трех километрах лежит островок Скотт-Кельти. И он и Рубини-Рок свободны от льда. Свободны и мысы о. Гукера вблизи этой скалы. В мглистый день, когда мы увидели те мысы, они походили на видения художника-фантаста Чурляниса. Впоследствии при съемке б. Тихой эти мысы были названы «горами Чурляниса».

Сравнивая местность первой зимовки и второй, мы были довольны последней во всех отношениях. «Если бы сюда еще десятую долю новоземельских запасов плавника!» — мечтали мы. Впереди зимовка без топлива. При окончательном подсчете оказалось, что мы располагаем двумя-тремя покрытыми салом моржовыми шкурами, сотнями тремя килограммов каменного угля, рассыпавшегося в порошок, да еще остатками порожних ящиков и бочек, — вот и все. Нужно сжаться и хранить тепло. Всякая мелочь, способная тому помочь, для нас решающа. На «Фоке» произошли перемещения. Кубрик * был упразднен. Пришлось потесниться, но в результате всех перемещений каждый матрос получил койку в кормовом помещении, куда собрались все, а разобранное помещение кубрика сразу удвоило запасы топлива. Пред этой зимой мы особенно тщательно закупорили свое жилье: достаточно сказать, — чтоб выйти на волю, в эту зиму приходилось отворять каждый раз три двери, ибо к жилому помещению были пристроены полотняные сени.

Метеорологическую станцию в этот раз поместили на берегу в том месте, где отступавший склон горы не мешал ветрам касаться флюгеров. Тут же воздвигли снежную хижину для магнитных наблюдений, недалеко от нее поставили рейку для измерения приливов.

Быстро наладилась обыкновенная работа. Седов рядом

---

* Кубрик — помещение для матросов в носовой части корабля.

наблюдений определил широту и долготу бухты Тихой: 80°19′ с. ш. и 52° 48′30″ в. д.

Так вышло, что в эту осень мы не пытались совершать далеких экскурсий, да и трудно было предпринять их в то время, как везде по проливам носились еще льды. Спаялись они только во второй половине октября, когда уже спустилась полярная тьма. Но даже если бы лед не препятствовал, мы не решились бы расходовать запасы легкого провианта, сильно сократившиеся после новоземельской зимовки. Около трех тысяч километров изъезжено там на санях и сделана большая работа. Здесь главная задача — путешествие к полюсу. Земли, окружавшие нас, правда, исследованы только в общих чертах, но из-за небольших поправок, которые внесли бы наши картографы в карту земли Франца-Иосифа, мы не могли расходовать ценный провиант. Небольшие однодневные экскурсии мы совершали всякий раз, как позволяла погода. Мы обследовали ледяной покров о. Гукера, ближайшие острова и глетчеры. В одну из экскурсий я нашел гурий — по всем признакам, поставленный Джексоном. С высоких частей островов мы наблюдали состояние льдов. Лед в ближайших проливах смерзся к 8 октября, но в Британском канале мы видели полыньи вплоть до самой темноты. Даже в местах, где лед, казалось, смерзся надежно, он при первой же оттепели настолько разъедался сильными течениями, стремящимися по каналам, что тонкую пленку сгонял малейший ветер. Даже в нашей бухте лед оставался ненадежным. У меня отмечено, что до 19 октября мы не могли посетить острова Скотт-Кельти; я поплатился за одну такую попытку в начале октября. Провалившись на молодом льду, я долго плавал, ломая лед, как ледокол. Неприятность случилась в двух километрах от судна. Стоял порядочный мороз. Я вернулся на корабль твердым, как сосулька. Одежда проледенела, нельзя было сделать сильного движения без того, чтоб не сломать ее.

Уместно отметить одно удивительное обстоятельство: купание в морской воде — 1,8° Ц температуры в продолжение четверти часа, затем получасовое пребывание на 17° морозе с резким ветром не имели решительно никаких последствий, даже насморка. Мы многократно замечали, что подобные приключения в полярных странах сходят

с рук удивительно легко. В самом деле: в царстве холода и резких колебаний температуры мы почти не знали простуд. Можно разгоряченному и потному съесть добрый кусок снега для утоления жажды или высушить пот на резком ветре, мерзнуть неделями — и чувствовать себя более здоровым, чем на юге, где насморки и простуды носятся в малейшем сквозняке. Не будут ли, — говорили мы, — через сотню лет посылать на аэропланах легочных больных в полярные санатории, в страны, где нет бактерий?

С начала зимовки мы долго не видели живых существ, даже песцовых следов не встречали ни разу. Только два медведя посетили нас на новоселье. С первым — старым самцом, большим драчуном, если судить по многочисленным царапинам и шрамам, украшавшим его могучую голову,—повстречался штурман. Сошлись недалеко от зимовки, заметив друг друга в один момент. Старик потянул носом и скорым шагом направился на безоружного Максимыча. Тому осталось одно: поспешней отступать. Наш капитан, сохраняя по возможности свое до-

Гурий Джексона на м. Медвежьем

стоинство, стал пятиться, давая весьма выразительные знаки Павлову на откосе горы: за спиной геолога торчала винтовка. Однако, ученый муж, всецело погруженный в рассматривание горных пород, не оглядывался. Винтовка за спиной кивала Максимычу мирно и приветливо — помощи не было. Тогда Максимыч, оставив свое капитанское достоинство для более подходящих случаев, «дал полный вперед» и большими прыжками влетел на «Фоку».

Седов и я открыли стрельбу, когда медведь был шагах в трехстах. Моя пуля пронзила туловище во всю длину; однако, он, смертельно раненный, собрав силы, сделал еще молодецкий прыжок с крутого берега в воду, покрытую шугой, и даже отплыл, но быстро издох, оставаясь на поверхности.

Второго зверя застрелил Седов в километре от корабля. То была молодая медведица. Собаки загнали ее на самый верх крутого снежного откоса, там ее настигла пуля.

Солнце покинуло бухту Тихую 20 октября. В этот день я писал:

«Вторая ночь подошла. Буду ждать рассвета и думать, что через сто двадцать дней не расстанусь с солнцем на годы. Само солнце не видели неделю из-за туманов и ветров с метелями, — они всегда в дни разлуки стараются удлинить и без того долгую тягучую зиму.

«И моему делу ветры главная помеха. Садясь работать, я только в редких случаях уверен, что доведу начатое до конца. Все же нужно отметить, — здесь работается лучше. Уходит меньше времени на переходы, к морозам я приспособился: теперь мне известен предел, за которым упрямство становится излишним».

22 октября. Сегодня, сделав утром этюд, остаток светлого времени решил использовать для обследования острова Скотт-Кельти, недавно встретившего меня так неприязненно. Тихо, 15° мороза. На этот раз я обошел благополучно все опасные места, — лед в проливе еще изрядно тонок. Остров довольно высок. Крутые осыпи берегов местами увенчаны базальтовыми колоннами; вершина — слабо волнистая равнина.

Подходя к крутому снеговому склону, которым остров спускается к Зунду Мелениуса, я услышал лай, — со мной побежали Разбойник и Пан, — тот особенный лай,

когда собаки тявкают тоненьким голоском, как будто горло перехвачено судорогой злобы и волнения. Я подошел к краю откоса. Собаки, старательно разрывая снег, лаяли на что-то, находящееся под ним. «Наверное, песец спрятался в камнях», — подумал я и подошел к собакам, чтобы помочь раскопать нору лыжной палкой. Неглубокая яма привела к слою оледенелого розоватого снега, не поддававшегося даже железному наконечнику палки. Все это поставило мысли в недоумение и заинтересовало. Если б дело было весной, легко бы предположить присутствие медведя. Но зачем медведю лезть в берлогу теперь, ранней осенью, когда пищи довольно и достаточно света для успешного промысла? Нет, мысль о медведе исключается. Тут или песцовая нора или просто пустота под снегом: много раз, бывало, собаки поднимали лай и, разрыв снег до пустоты, разочарованные, убегали. Подумав так, пытался отозвать собак, чтобы итти по берегу дальше.

Между тем Пан производил какие-то исследования. Обнюхав снег в разных направлениях, он остановился на одном месте и склонил красивую головку с настороженными черными ушками на одну сторону, на другую. Прислушался. Подумал. И вдруг, сильно подскочив, ударил передними лапами в снег, чтоб начать рыть сызнова, но, пробив сразу снег, увязнул лапами по грудь, отскочил, ощетинился и залаял не своим голосом. Разбойник примчался туда же, занял место рядом, и две собаки с поднявшейся на шее шерстью застыли.

Я начал думать, что тут есть что-нибудь живое, и снял с плеча винтовку. Рассмотреть я не мог ничего: как раз в том месте склон снега начинал падать очень круто, — не удержаться на ногах, заметил только пар, слабой струйкой показавшийся из отверстия. Не берлога ли на самом деле?..

В очень неудобном положении я стал раскапывать палкой вход в нору. Оледенелый снег трудно поддавался; однако, минут через пять я расширил отверстие примерно сантиметров до 30. Во время работы я заметил, что собаки не рвутся в пещеру, а, наоборот, отскакивают всякий раз, когда в клубах пара показывается темное пятнышко. Увидев в первый раз пятно, я уже догадался, кто сидит под снегом. Почти в это же время под самыми

ногами раздалось басовое рычание, настоящий медвежий голос.

Сделав шаг назад, я выстрелил по направлению рычания и подождал,—может быть, медведь ранен? Не вылезет ли из берлоги, — тогда с ним легче управиться. Но медведь не покидал логовища. Я постарался расширить отверстие, долго не удавалось в заметной степени подвинуть работу: копать приходилось полулежа, одной рукой. Во время моих усилий я заметил: всякий раз, когда палка проскакивает глубже, медведь приближается к отверстию, чтоб схватить ее. Тогда я принял новый план. Склонившись на одно колено и держа в одной руке палку, я стал дразнить ею зверя, другой рукой держал наготове ружье. Через некотрое время мне удалось выстрелить: я ясно рассмотрел голову с сердито вытянутыми губами. Этот выстрел ранил медведя. Выждав удобную минуту, я просунул винтовку в отверстие и, выпустив еще пулю под лопатку, закончил эту странную охоту. Ни прикладом, ни ногами нельзя было расширить отверстия, я ушел, не рассмотрев как следует своей добычи.

Потратив у берлоги полтора часа, я прошелся еще дальше к западу по краю высокого ровного берега. Уже совсем тухли краски короткого рассвета, когда я начал прокладывать обратный путь через торосы.

Медведя привезли вечером. Это была молодая самка, беременная двумя зародышами величиной с куриное яйцо.[61]

26 октября. Проехались с Г. Я. по еще не обследованной части Скотт-Кельти. Сделали в день километров тридцать. На обратном пути с Седовым случилось неприятное происшествие. В это время нарта катилась низким берегом, незаметно переходившим в небольшой прибережный ледничок-снежник. Седов шел впереди запряжки, я же только что встал, чтоб облегчить подъем саней. Подняв глаза, я увидел на месте, где был перед тем Седов, черную дыру в снегу. Первая промелькнувшая мысль в голове — Седов провалился в медвежью берлогу.

— Сассс... сассс! — бешено кричал я, страясь остановить собак, и тут же заметил, что весь собачий цуг бежит по широкой трещине, едва занесенной, и я сам одной ногой на краю. Собаки остановились. Я заглянул в отверстие, позвал Седова. Спустя секунду из темноты

провала, чуть не в полтора метра шириной, донесся голос: мой спутник висел, увязнув по грудь в снежном мосту на глубине шести с половиной метров. Я начал было подводить нарту и распутывать веревку, но она не понадобилась: Седов сумел, упираясь в неровности льда, выбраться самостоятельно. Он почти не ушибся.

На собаках

2 ноября. Небо на юге розовое, ярко-цветистое. Стылые перистые облака накиданы по нему, как гроздья винограда на деревенской перепелесовой шали. Свет зари не переливчат, а тускло матов, — нет отблесков на горах торосов, едва заметны высветы на выпуклостях льдин и в углублениях волнистой корки снега тени почти не темнеют.

Это — освещение надвигающейся ночи, последние остатки сумеречного дня. Обернись спиной к краскам на юге и посмотри на север. Там ночь. В густо-синем небе и в точках нелучистых звезд, в бронзовом блеске красного месяца — ночь настоящая. Ночь в воздухе густо-прозрачном и чистом, как роса: вот-вот немного еще затвердеет и он превратится в один кристалл, заморозив в себе и зорю, и синее густое небо, мертвые горы и усатую букашку-корабль, и будет тогда страшная ледяная сказка.

Но теперь еще не сказка: мы не хотим покуда такой сказки.

Живых здесь полсотни, тридцать одна собака, семнадцать человек и три медведя. Стоит корабль. Подходишь к нему из пустыни и через туманную поземь-вьюгу видишь—голые мачты чуть-чуть накренились, черкнули по небу стеньгами. Под задней мачтой огонек. Это гнездо жизни в полночной стране.

Сегодня в гнезде несчастие: собаки разорвали Гусара, как две недели назад Весельчака.

Собачьи драки, кончающиеся убийством, обычно очень кратки. Люди, выскочив на палубу, видят кучку взъерошенной псины, слышат слитно-хриплое рычание, предсмертный вой и жалобный лай слабейших. Люди бежат разнимать, колотят палками, раздают пинки и в поле битвы часто находят истерзанный трупик. Драки возникают часто по самому пустому поводу. Например, какой-нибудь пес отойдет подальше от корабля, — достаточный предлог, чтоб скверная дворняжка Аника по глупости бросился с лаем на ушедшего. Лай — боевой сигнал. По сигналу бросаются все, — для целой стаи превратить отделившуюся в труп — дело одной минуты.

Иногда, если ушедшая посильнее, например Фрам, — он, постоянно высматривая зверя, шляется вдали, — дело обходится не так просто. Фрам прекрасно знает, какая пустолайка подняла тревогу. Не дожидаясь, пока его станут «раздевать», он сам кидается на собак и на Анику — первым делом. Фрам прекрасный боец и тактик: воинствующий Аника обращается в позорное бегство, а Фрам, не давая опомниться, вгрызается в кучу остальных. При таком обороте драка кончается чаще всего общей легкой потасовкой. Из нее Фрам выходит или победителем, или в худшем случае отступает с честью.

В большинстве же случаев драка кончается иначе. Фрам своим натиском сбивает с ног одну из слабеньких, или та сама случайно падает в общей свалке, или, наконец, налетевшая со стороны новая собака валит первую попавшуюся, — все равно. Достаточно в общей драке *упасть*. Все остальные с отменным единодушием кидаются терзать зубами упавшего. Если через минуту не прибегут люди, — разрывают без пощады, весело, как на охоте. Итак, падение в драке карается смертью.

Все драки, кончающиеся убийством, протекают при

непременном участии Варнака. Впиваясь в горло мертвой хваткой, он волочит побежденного; в то же время другие рвут на куски. Варнак никогда не набрасывается раньше времени. О, нет. Он стоит, охваченный охотничьей лихорадкой, искря желтыми, звериными глазами, и ждет. Вот, три вцепились в одну, или какой-нибудь воин упал, бросился удирать — Варнак все видит. Влетая желтым смерчем в груду свалки или наперерез беглецу, Варнак бьет широкой грудью, валит с ног — и, когда все кончено, трусливо озираясь на подбегающих людей, с поджатым хвостом отбегает подальше. Оттуда, облизываясь и смакуя кровь, он равнодушно наблюдает, как наказывают собак, и словно не слыша, что его зовут, покойным шагом или рысцой отправляется еще подальше, как будто по своим делам. Лишь изредка тревожно оглянется: не гонятся ли люди.

Картина начала драки бывает несколько иной. Тихий день. Собаки разлеглись кто куда. Вот стоит пес, поглядывая по сторонам, не идет ли Иван с ведром помоев или охапкой консервных жестянок, нет ли драки или иного собачьего развлечения, а то просто глазеет на возню медведей, на работу людей. Почешется, лизнет, счистит зубами лед, настывший между пальцами, понюхает, зевнет с повизгом и потягом, — таково везде времяпрепровождение собачье.

Сибиряк свои досуги заполняет иначе. Его бытие — драка. Если драки нет, он начинает сам. Подбежав к какому-нибудь Пирату, настроенному по случаю хорошей погоды очень благодушно, Сибиряк закручивает хвост тугим крючком и становится рядом с таким расчетом, чтоб зубы оказались на высоте Пиратова затылка. Такая поза сама по себе угроза. А тут еще Сибиряк без всякого повода заводит под ухом соседа ядовитое рычание: «р-р-р-р-р» — без конца. Сибиряка знают: чаще всего просто не обращают внимания, — задира отправляется дальше, опять становится в лихую позицию, опять: «р-р-р-р-р». Часто бедняге так и не удается вызвать драки — рычи хоть целый день. Но случается: бесконечное задиранье начинает выводить из терпения менее благодушных, — погодя раздается тоже сердитое: «р-р-р-р-р» — «уходи, пока цел!»

Сибиряку того и надо. Он от радости даже виляет хвостом и при первом движении противника старается как можно удачней вцепиться в загривок. Этот важный маневр собачьего боя требует большой сноровки, — чаще всего вместо мягкого загривка забияка встречает острые зубы. За этим моментом всегда стояние морда в морду с оскаленными зубами. Иногда Сибиряк пробует атаковать, но неизменно встречает зубы, — раздается лязг. Этот вид драки может длиться часами, пока противники не покусают морд в достаточной степени, не то выйдет Иван с ведром: тогда уж не до драки.

Случается, одному из противников удается схватить другого за шею, чаще Сибиряк сам попадает в такое неловкое положение. Начинается настоящая драка, — достаточный предлог, чтоб вмешаться третьему, четвертый не замедлит козырем влететь в свалку, затем — общая грызня, падение бойца и — кровавый исход. Потом прибегают люди с батогами, или полузагрызенная собака успевает спрятаться. Достойно заметить, что в течение недели, пока подживают раны, ей нельзя попадаться на глаза собачьему обществу. Без всякого повода всей стаей накинутся на битого и загрызут наверняка. Побитый твердо помнит это. Прячась по закоулкам, он голодает и лижет раны, отнюдь не утверждая права на еду законным путем— зубами.

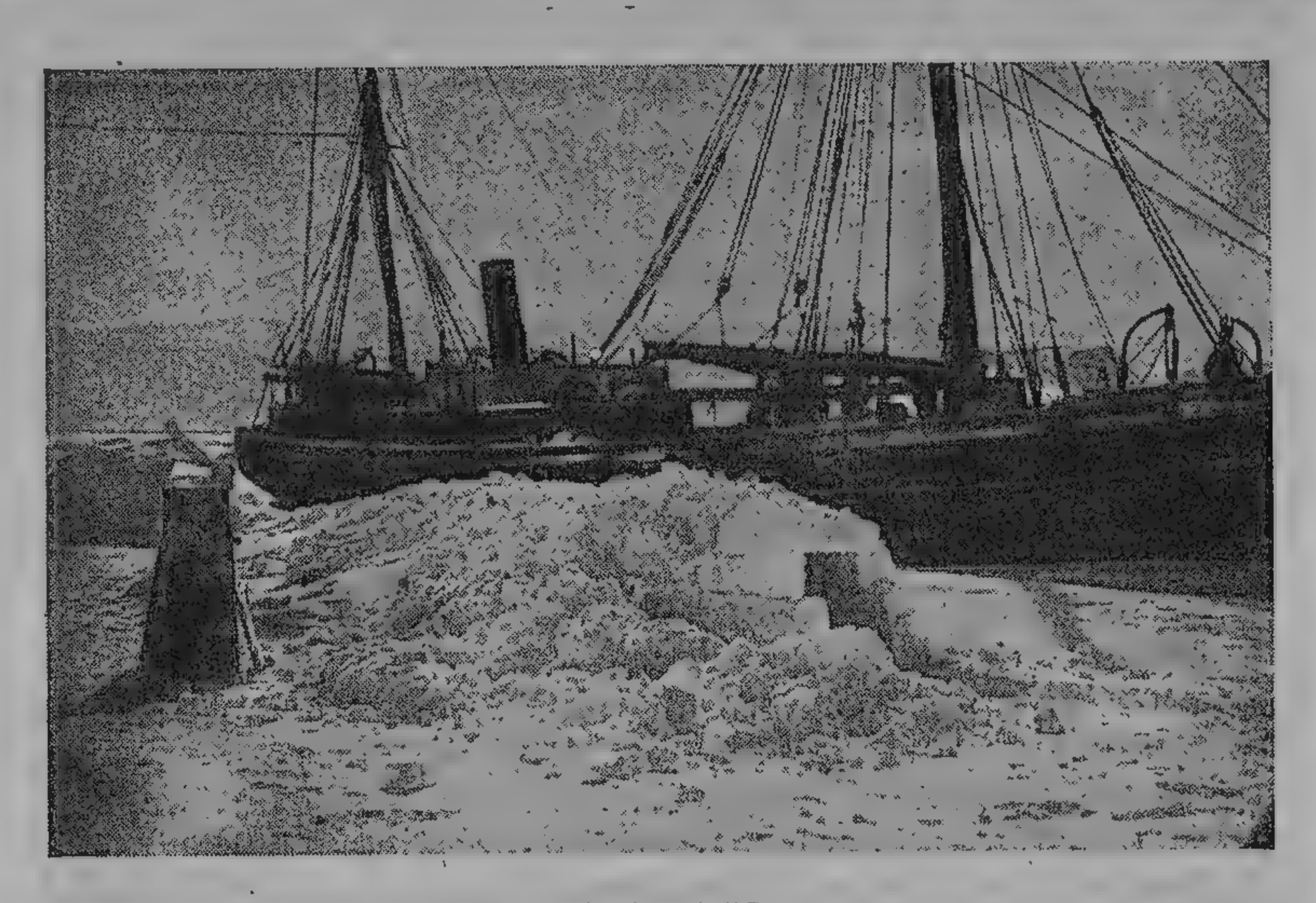
Таковы нравы собачьего общества: падение в драке карается смертью. Не имеющий силы отстоять свой кусок зубами, теряя густоту шерсти, слабеет. Если хочешь быть целым, держи хвост закрученным и зубы оскаленными, но сам драк не заводи.

Глава Четырнадцатая

Блещет алмазной подковой
Полярный венец.

Каждый раз, раскрывая тетрадь дневника, заполненного на Земле Франца-Иосифа, я сызнова переживаю всю тяжелую, длинную зиму, так трагически окончившуюся. Теперь ясно, что исход нашего путешествия мог быть еще несчастней. Два лета кучка людей пробивалась в отдаленную страну, — не просто ли было предположить, что на обратный путь времени потребуется не меньше? Идя вперед, мы имели изобилие припасов, а обратный путь с провиантом меньше, чем на год, и совершенно без топлива, конечно, должен быть значительно труднее. В то время, как писались первые страницы, все было еще впереди. Да, намечались кое-какие способы обратного пути; таких перед людьми, уже побывавшими в крайностях, — всегда несколько на выбор; недаром же мы прожили год в полярной стране, где без всегдашней готовности к решительным действиям, шагу не ступить. Но могу сказать, никто особенно не задумывался над будущим. Почему? Потому ли, что Седов выбрал людей, «не склонных оглядываться назад», или просто человеку свойственно надеяться на лучшее? Мы шли еще вперед, казалось тогда. А думать об отступлении во время атаки как будто стыдно. Так или иначе — написанное в эту закопченную тетрадь мне и теперь не кажется легкомысленным, а скорее удовлетворяет. Год назад больше тревоги отражалось в текущих записях. Вот тогда слепая уверенность в благополучном конце была бы истинным легкомыслием. Теперь я говорю себе: вы научились кое-чему за год.

До захода солнца все чувствовали себя вполне хорошо. Да, — было в каютах прохладней, мешала теснота; но разве можно рассчитывать на особые удобства зимовки на

Лунная ночь

81-м градусе? После захода солнца пронеслось несколько бурь, впрочем, не столь бешеных, как на Новой Земле. Потом нажали морозы. Нахожу запись:

6 ноября. Стоят морозы для такого времени весьма основательные: минимум вчерашней ночи — 33° Ц и в остальное время температура колеблется между 24 — 28°. Здешний климат кажется нам значительно постояннее новоземельского, до сих пор не бывало внезапных оттепелей.

Холода очень некстати. Пока была умеренная погода, жилось сносно; теперь при первых же морозах резко сказываются все неудобства, связанные с отсутствием топлива. Дров нет совсем. Печи разжигаются обломками ящиков и досок. Сверху посыпается немного каменного угля в порошке или бросается кусок моржового сала. И уголь и сало приходят к концу. С холодом примириться можно бы, значительно неприятней полное отсутствие вентиляции. Каждая частица тепла бережется,—нельзя открывать иллюминаторы так часто, как в прошлом году. С утра вместе с запахами кухни распространяются все испарения растапливаемого льда и кипящего супа. Во всех

каютах очень сыро. Нам приходится по нескольку раз в день обтирать полочки и стенки, — иначе влажность, собираясь каплями, струится на пол. Механик выжимаемую из тряпки воду измеряет консервными жестянками. Он называет это занятие: «мерять потовую воду». Позавчера заявил: «Сегодня, знаете, набрал три с половиной банки!»

В последние дни испарения стали осаждаться льдом. Иллюминатор моей каюты погребен слоем больше двух сантиметров. У края матраца, примыкающего к стенке, образовался ледничок; он, спаяв матрац с деревом, плывет длинным языком вниз к умывальнику. Ко всему этому можно приспособиться — лишь бы не было хуже.

Стоит тихая погода. Долго бродишь каждый день, смотря в бесконечное синее небо и полусвет-полутьму. Сегодня моя прогулка не удалась. Очень резкий ветер при — 28° Ц заставил меня искать спасения в снежной хижине магнитных наблюдений. Я шел к ней медленным шагом, снег под ногами хрустел. Вдруг полог, прикрывавший вход, зашевилился, и передо мной предстал Визе:

— Ах, это вы! Заходите, заходите же!

Я, почти растроганный предупредительной встречей:

— Вы всегда так приветливо встречаете гостей?

Визе отчетливо:

— Нет, я имею обыкновение оказывать такую честь только посетителям, подходящим к хижине тяжелой поступью, похожей на медвежью!

Дело в том, что магнитолог не может иметь при себе не только оружия, но и железной пуговицы. По этой причине револьвер Визе лежит в двух шагах от хижины — приветливость наблюдателя объяснилась легко.

13 ноября. Последствия сырости и недостатков в питании начинают сказываться, — штурман жалуется, что десны распухли и зубы шатаются: бедняга может жевать только мягкое. На то же жалуется повар Иван. Сегодня на прием к Кушакову явился механик, просит спирту.

— Для чего?

— Зубы болят.

Кушаков заглянул в рот, а там все десны полопались, от них идет тяжелый запах. Кушаков не думает, что это признаки цынги, как считают некоторые из нас,

уже видавшие настоящую цынгу. Мне хочется отметить, что все воздерживающиеся от солонины, т. е. Визе, я и Павлов, чувствуют вполне себя здоровыми.

14 ноября. Стоят прекрасные лунные ночи. Загадочное светило мягко светит сквозь туманный воздух: не передать словами нежных переливов белых волн на ледяном просторе, ни всей неуловимой музыки лунного освещения!

Сегодня ложная тревога. Собаки открыли на горе берлогу. Когда я поднялся на склон горы с винтовкой в руках «с намерениями самыми кровожадными», из темного отверстия берлоги высунулась голова... что-то уж очень маленькая. Я всмотрелся. — Да это Полышка! Моя воспитанница выглядывала с самым свирепым видом, шипела, ворчала и угрожала лапой. Как истинная собственница, она отчаянно защищала вход, — несколько собак, визжа, отскочили. За Полыньей, ворча, выглядывали остальные. Берлога на славу — просторна, уютна, пар оттуда так и валит. А мы-то ломали голову, где пропадают медведки — сколько раз подолгу искали их. Они же, построив по инстинкту беломраморный дворец, основались на собственной квартире. Столоваться и проказничать приходят на «Фоку». Сегодня медведки доставили много хлопот Лебедеву. Потерялся прекрасный спиртовый термометр, один из разложенных на снегу. Лебедев, допросив всех матросов, осмотрел снег на десять метров кругом, — не ветром ли унесло, не раздавил ли кто ногой, ахал и охал, хлопая рукавицами по бедрам. — «Нет и нет! Ума не приложу!»

Наконец он заметил, что медведи мотаются над ямкой в снегу, как будто что-то зарывая. При приближении Лебедева и понятых проказники удрали. При внимательном осмотре ямы на самом дне ее оказался термометр — к счастию неповрежденный. При докладе о покраже Лебедев настаивал:

— Я не могу отвечать за целость инструментов, пока эти любезнательные господа гуляют на воле!

Бедняги не чувствуют, что на их свободу готовится покушение: при первой же подобной проказе их посадят на цепь.

22 ноября. Вчера по случаю именин Павлова за столом очень аппетитные пирожки. Начинка их подоз-

рительна: не то моржатина, не то собачина. Особенно углубляться в исследования в этот раз никто не стал — мяса давно не ели. Два новых больных с болезнью десен — Кизино и Пищухин. Штурман, отказавшись от солонины, чувствует себя бодрее. Десны его крепнут. Стоят хорошие погоды. Небо ясно, холод умеренный.

25 ноября. Проходят дни и недели, монотонные, темные. Морозные тихие дни чередуются с бурями и небольшими

Лебедев у снежного домика

оттепелями. Были лунные ночи, теперь полная темнота, и столь же монотонной и тягучей кажется жизнь, хотя работы всем по горло. Наш быт усложнился заботами, которых не знали раньше. Нужно следить за экономным расходованием топлива, — теперь жгутся остатки кладовой, принимаемся разбирать грузовую палубу. Одолевает сырость, — нужно держать свое помещение сухим. Пообносилась одежда, — изобретаем способы починки ее и обуви. Коноплев смастерил на-днях веретено и прялку, теперь, очистив куделю, взятую для конопатки, ловко сучит нитки на дратву. Геолог из подкладки, пожертво-

ванной кинооператором от футляра, мастерит новые рукавицы. Кожа пойдет на подошвы. Художник, засучив рукава, мнет тюленью шкуру, предварительно обработав ее щелочами, — опыт выработки шкур для широкого производства обуви. Открыли кузницу, чтоб во-время заготовить побольше кирок: они пригодятся, когда настанет пора освобождать «Фоку». Возводится по проекту архитектора Лебедь-Лебединского роскошный снежный дворец — чудо полярной архитектуры.

5 декабря. После бури вскрылась полынья. Со стороны ее подходил медведь. Пустошный и Шестаков, заслышав лай, выбежали с ружьями. Навстречу охотникам скатились с горы наши медведи, завидевшие своего родича. Звереныши целый день в возбуждении. Становятся на дыбы, лазят на айсберг и тоскливо стонут и охают.

10 декабря. Лунные дни. Отрадно видеть над этой темной землей хоть призрак света. Идешь во мраке... Вдруг замечаешь: небо с одной стороны закраснелось. Новый свет начинает спорить со слабым отблеском сияния, пересиливает, и вдруг за гранью ледяного покрова блеснет искорка народившегося месяца. Все переменится. Все озарится розовым светом. Очертятся края заструг и ледяной коры на камнях. Все станет жизненней, приемлемей.

Опять тишина, и ею рожденные продуманные мысли.

Итак, наше гнездо здесь противопоставлено природе. Словно много поколений назад, мы боремся с ней небольшою семьей. С нашей стороны — победы предыдуших поколений, с ее — сугубая жестокость, ее собачьи, голые законы и непобедимое равнодушие. Мы так далеки от краев, где непосредственная борьба с природой переложена на орудия и машины, где эта борьба почти не чувствуется! Здесь каждую минуту помнишь о могуществе врага, ценишь всякое ничтожное орудие, радуешься малейшей победе и учишься в поражениях.

Да, пред нами обнаженная жизнь почти первобытных людей. Мы еще сохранили многое из орудий, которые дали нам предыдущие поколения людские, но, может случиться, останемся с голыми руками. Мы ездим на собаках, но главная надежда на собственные ноги. Едим запасы, добытые чужими руками, но если хотим верной победы в борьбе за

жизнь, пищу нужно уметь при нужде добыть голыми руками. И даже в наши стремления грубо вторгается первобытная жизнь. Она говорит: мне не нужны твои стремления, а нужен ты, живой. Я веду тебя к нужным *мне* целям.

И вот во многом мы боремся уже по-первобытному. Мы стараемся не забыть целей, поставленных раньше. Однако нужно сильно обманывать себя, чтоб здесь, пред лицом тишины и звезд, не поставить себе одного вопроса: не призрачны ли в самом деле *наши личные* цели, не случайны ли они, как сочетание кристаллов льда, сложившихся в подобие реального предмета? Люди, собаки, медведи, все гнездо жизни — здесь только проталина в пустыне, мельчайший осколочек жизни. Но *та* жизнь, пышная и расточительная настолько, что в струях ее, сталкивающихся между собой, не чувствуется общего течения,— вся жизнь мира — куда стремится она? Здесь мы имеем пред глазами малый осколочек, слабую струйку. Сущность ее ясна, не запутана... и тем яснее встает вопрос: *куда*?

Сегодня вышел прогуляться. У судна бродил механик Зандер.

— Куда вы? — спрашивает.

— Думаю до глетчера прогуляться.

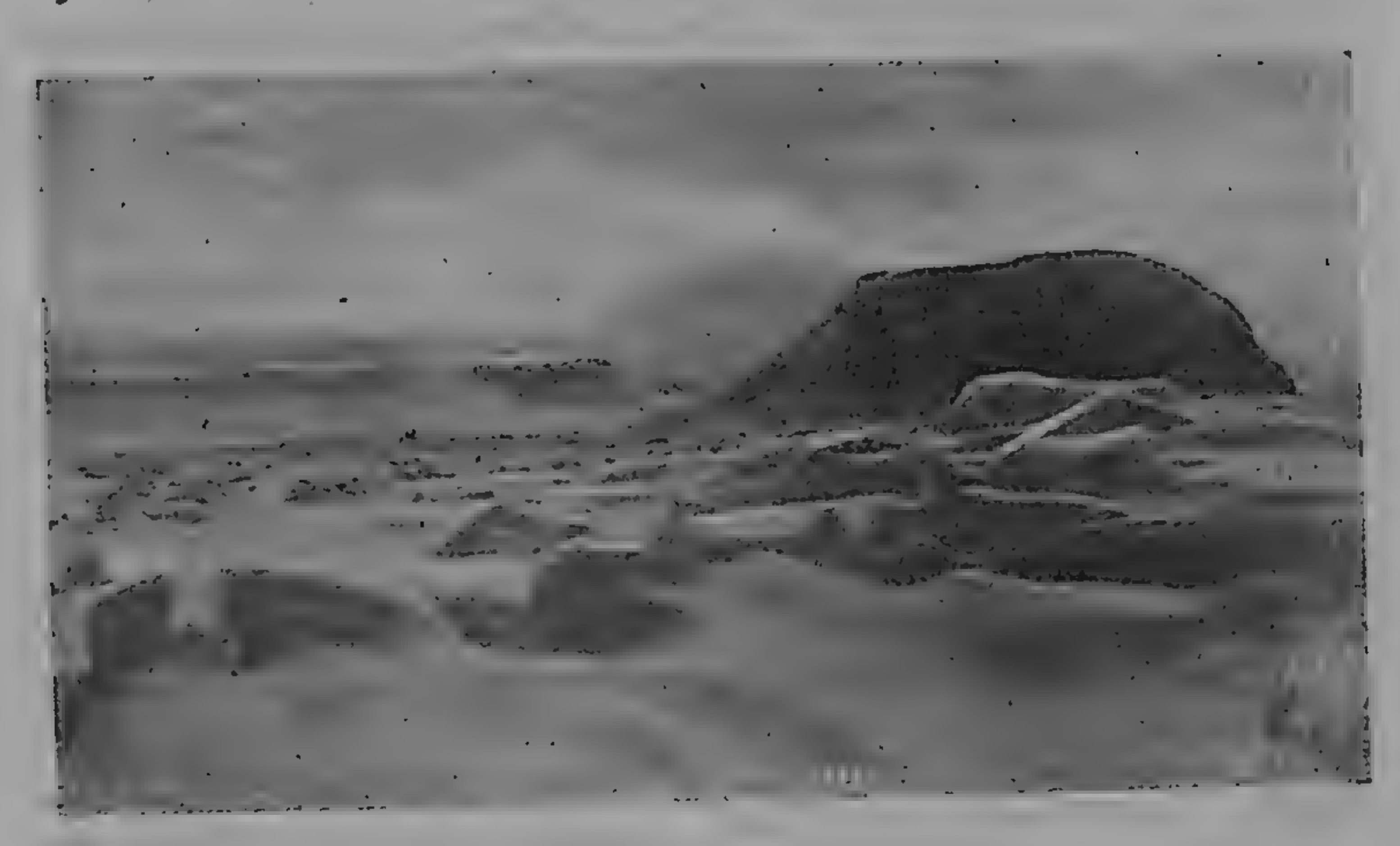
Мы пошли вместе. Мой спутник жаловался, что болезнь сильно беспокоит его. После прогулок он чувствует облегчение, но ходить-то не легко: мешает боль в колене. К тому же, совсем не умея стрелять, он чувствует себя во тьме особенно беспомощным: «кабы михулька не поймал».

5 декабря. По настоянию Седова питание улучшено: едим бульон и винегреты из сушеных овощей. За несколько дней такое питание оказало благотворное действие. Только Инютин плох. Сегодня снаряжал его гулять. Вид больного не хорош: опухшее лицо, багрово-синие мешки под глазами, полураскрытые губы обнажают клочки кровавых десен и почерневшие зубы. Изо рта тяжелый трупный запах. Это настоящая цынга.

— Расскажи мне, Пан, почему ты всегда весел? Ты не силач, но хвост твой всегда завернут тугим крючком.

Если скучно, ты тявкаешь, гоняясь за собственным хвостом. После голода, побоев или мороза быстро забываешь о беде. Беззаботность твоя изумительна. Наверное ты большой мудрец; расскажи-ка мне о собачьем веселом законе.

Пан повертывает живую головку, перестает улыбаться и вслушивается. Черные ушки с отметинками настораживаются. Пан показывает розовый белок у темного глаза и ждет конца речи, потом тявкает и неожиданно ловко целует меня в самые усы.

Полярный покой

Сидеть, сложа руки, когда на судне несколько больных, нельзя. Нужно что-нибудь предпринять, — иначе все дело развалится. Единственное средство от цынги, особенно в первой стадии ее, — свежее мясо. В трюме лежали горы моржового мяса, но мы не могли поручиться, что оно свежо: при торопливом отходе с мыса Флоры, — в то время как приближались льды, — моржей свалили в теплый трюм. В промежуток времени, пока мы плыли до бухты Тихой, мясо тронулось гниением. Оно было еще хорошо для собак и медведей, но для цынготных такое мясо не лучше солонины.

Нельзя ли промыслить медведя? Из описаний зимовавших на этой земле мы знали, что медведи всю зиму бродят

у открытой воды. Нет ли поблизости свободного моря? Нужно добыть хотя бы одного медведя, — тогда мы захватим болезнь в самом начале.

Посоветовавшись, Седов и я решили сделать попытку дойти до открытого моря или полыньи и поискать берлог на южном берегу острова Гукера.

Утром 15 декабря мы вышли к югу. Стояла хорошая погода с морозцем градусов в 20. Полная луна часто выходила из облаков, помогая находить правильный путь. Луна спряталась, когда мы огибали южный мыс о. Гукера. Потом тучи рассеялись, и мы увидали большие полыньи в проливе Де-Броине. Южная сторона горизонта даже при луне казалась более темной: можно было предположить, что полынья соединяется с большим пространством открытой воды на юге. Пройдя еще километров пять, недалеко от полыньи мы заметили след большого медведя, настолько свежий, что бороздки, проведенные волосками лапы, еще не стерлись. На некотором расстоянии встретились еще два следа, более старых. Мы решили расположиться лагерем на медвежьей тропе и подождать, не подойдет ли медведь к палатке.

Прошло около суток. Медведей не было. Оставив в палатке Пустошного с ружьем и собаками, Седов и я отправились на южный берег Гукера искать берлог. По правде сказать, мы сами мало верили в возможность найти берлогу в это время года, тем более, что специалист по берлогам, Разбойник, отстал в начале пути. Мы дошли до мыса Сесиль Хармсворт, — оттуда берег заворачивает на север, достигли какого-то откоса горы, последнего перед бесконечной ледяной стеной, уходившей на север. Ни тут, ни в других свободных от льда местах берлог не нашли. После полусуточного блужданья мы вернулись к палатке обескураженные и голодные. Отдохнув, мы внимательно обследовали края полыньи, насколько позволял лед, очень тонкий вблизи ее. Новых следов не было. Решили в ночь на пятое начать обратный путь: мы были километрах в сорока от «Фоки». Как на зло к этому времени небо заволоклось тучами, поднялся сильный ветер и вьюга. Не хотелось ставить сызнова палатку, — мы вышли.

Напряженность ночного путешествия по неизвестной

стране передать словами невозможно. Как назвать это скитание с завязанными глазами? Как описать ощущение мрака и угрозы, осевших на душу? Чувство полной отданности року не отпускает. Часто не знаешь, где идешь: по земле, по льду или же по ледяному покрову, — под ногами мутно. Вспыхнет спичка, осветит компас, видишь: стрелка отклонилась от взятого курса. Верить компасу? Ведь вблизи базальтовых стен склонение стрелки меняется часто на двадцать-тридцать градусов. Но если ты отклонишься даже на 15 градусов от принятого курса, наверняка не заметишь во тьме места, к которому стремишься; и вместо достижения цели уйдешь в незнакомый пролив. Там можешь бродить хоть месяц среди неизвестных тебе берегов, нанесенных на карту только приблизительно.

Мы шли очень медленно. Сильный ветер ежеминутно гасил фонарь. Сильно ущербленная луна изредка светила сквозь мчащиеся облака. Так было сначала. Потом тучи закрыли ее совсем, — тогда, кроме неясных очертаний саней, все скрывалось в густой мгле, тихо звенящей кристаллами в затишье и воющей в порыв. Вот это-то ощущение слепоты непередаваемо. Падать приходится ежеминутно: то взойдешь на покатую поверхность тороса, то провалишься в расщелину другого. Иногда видишь, луна спряталась совсем; припишешь это усилившейся вьюге, и вдруг пред тобою стена. Что это, айсберг, обрыв? Как слепец, ощупываешь палкой и рукой. Да, обрыв ледника. Как мы свернули к берегу, того не заметя?

Проблуждав часов пять, мы вышли на землю. Очевидно, нет торосов, — слабый подъем. Решили, что пересекаем выдающийся мыс, но скоро заметили ошибку, — подъем продолжался, мы входим на ледяной покров о. Гукера. Дальше к северо-востоку обрыв берегового льда становится выше и выше — до семидесяти-ста метров, — мы это знали. Оказаться сразу на краю его в эту тьму?..

Мы свернули налево. Стали попадаться камни. Остановив нарту, осветили карту и обсудили свое положение. Да, вероятней всего, находимся на мысе Дэнди-Пойнт: идя вперед при луне, мы видели в этом месте такой же низкий берег с камнями.

Мы стояли у смутно черневшей нарты и чертили на снегу

линии берега, виденного при луне. Сошлись на предположении: ледяной покров сошел на-нет, еще несколько десятков метров, и мы по пологому берегу сойдем в пролив.

Для меня так и осталось загадкой, что за полоска земли встретилась нам, как и вообще местность, по которой бродили. Мы двинулись дальше. Я шел впереди, показывая путь собакам. Шагал довольно медленно, но без особых предосторожностей, принимаемых при ходьбе по ледникам. Я ждал ежеминутно, что встречу первые торосы пролива.

Вдруг я почувствовал, что под ногами что-то подломилось, и я лечу в пропасть. Помнится, особого испуга или растерянности не было. Наоборот, мелькнуло несколько мыслей чисто делового характера: куда я лечу — в трещину?.. Почему же ни за что не задеваю и не ощущается свиста в ушах, как рассказывал Павлов? Чем все это кончится?..

Эти отрывки мыслей прервались жестоким, глухим ударом в левый бок, — полет прекратился, я где-то внизу и кажется цел. Не успел я простонать, новый тяжкий удар обрушился на плечо и голову: глыба снега придавила меня. С трудом освободившись от снега, я не увидел впереди стены льда и понял все: я не в трещине, а свалился с обрыва. Целы ли товарищи?

Подняв голову, я увидел стену ледника и на верхней части его — еле различимой — заметил повисшую упряжку. Шесть собак болтались на цепочках, прикрепленных к ошейникам и, задыхаясь, хрипели; все остальное скрывалось во тьме и движении вьюги. Я стал кричать:

— Отстегните ошейники, собаки задохнутся!

Долгое время никто не отзывался на мои вопли, наконец донесся голос Пустошного, — он лежал на животе, выглядывая из-за края обрыва. Я приказал ему немедленно обрезать постромки. Через минуту на меня упала кучка полузадохшихся собак. Все были еще живы. Бедняги отнюдь не понимали, что с ними происходит. Лежа несчастной, перепутанной ремнями кучкой, они тихонько повизгивали.

Сверху спустили на веревке груз, двух оставшихся собак и нарту, побросали мелочь. Оставалось спуститься

самим. Прыгнули и люди. Седов свалился с лавиной, которая не выдержала его тяжести.

Все кончилось счастливо. Пока мы распутывали собак и приводили в порядок нарту, вьюга разыгралась. Ветер, скатываясь с ледяного покрова, шипел, свистел, забрасывал нас тучами снега. Все было готово, — мы тронулись в путь. И сразу попали в торосы. Не прошли за час и сотни метров, и то не по верному направлению, — поднялась буря. Решили поставить палатку. Усталые от напряжения и приключений, мы улеглись спать.

Нам этот сон не дал отдыха. Палатка, поставленная наспех, колотила в бок, как злая нянька. Иногда я забывался дремотой, начинало казаться, что кто-то будит, — я просыпался. Буря разыгрывалась. Так лежали мы в спальных мешках более двенадцати часов. Стало как будто утихать: стенки палатки больше не колебались, но сдавливались снегом: мы тесней прижимались друг к другу. Скоро поняли: палатку заносило снегом. Еще час, и голоса бури исчезли, — мы были в глубине сугроба. Я уснул. Только что пережитые часы стерлись в мозгу и сменились образами совсем иными, чуждыми напряженности ночного скитания. Мне снилось, — я сижу в мягком кресле среди веселого общества прекрасных женщин и, смеясь, рассказываю о нравах японцев, о грациозной Окикуна-Сан — девушке-цветке, об экзотическом приключении, случившемся, когда я шел по блестящему бамбуковому лесу близ Оура с процессией Коня...

Какое-то неудобство разбудило. Я не сразу понял, что подо мной не мягкое кресло. Странно, — ощущение сырости. Оттаял снег? Желая устроиться поудобнее, я повернулся на другой бок и почувствовал, что лег в ледяную воду. Брезент уже погрузился в нее, когда, просунув руку под мешок, я стал исследовать причину сырости: палатка опускалась в воду. Молодой лед, не выдержав тяжести сугроба и людей, прогнулся и с каждой минутой оседал все больше. Я поспешно вылез из мешка и разбудил товарищей. Наша одежда и рукавицы, сложенные в изголовьи вместо подушек, успели вымокнуть.

Мы барахтались во мраке тесной палатки, выбирались, расстегивали, обрывая, застежки у входа и разгребали руками лаз через сугроб. Нужно торопиться. Когда

мы подняли спальные мешки, вода была уже по щиколку, — все вещи плавали. Раскопав выход, принялись выбрасывать вещи, — не трудно вообразить, с какой поспешностью все это делалось! Палатку вытаскивали из-под снега, стоя почти по колено в воде.

Свирепствовала попрежнему буря. О, какими несчастными казались мы себе! В самом деле: мы не могли даже спрятаться от этой ужасной бури. Конечно, можно поставить палатку в другом месте. Но спальные мешки — ведь они промокли насквозь, вся одежда на нас тоже не в лучшем состоянии! Отсырела последняя коробка спичек, вода проникла даже в бензиновое огниво, — мы не могли развести огня, чтоб подсушить хоть немного одежду; лежать же в эту вьюгу мокрыми насквозь значит обратиться в ледяную сосульку. Волей-неволей нужно итти: на ходу не замерзнем.

Началось новое блуждание во тьме. Мы брели в обледенелых одеждах со снежной маской на лицах, — остановиться нельзя, пока не просохнет на ветру одежда. Луна ушла за горизонт, шли больше наугад: было так темно, что глаз не видел компасной стрелки. Через девять часов мы набрели на какой-то высокий мыс. Предположив, что пред нами мыс в проливе Мелениуса, мы должны были, держа прямо на восток, выйти к Рубини-Року. Направились по этому курсу, готовые вернуться к исходной точке... в случае, если б по этому направлению Рубини-Рока не оказалось. Через два часа увидали, как привидение в тумане, грозные скалы Рока. Еще полчаса, и утром 16 декабря измученные собаки остановились у борта «Фоки».

Когда наши молодцы стали спрашивать: где же медведь, Пустошный пробурчал, глядя в сторону:

— Ладно, хоть свои-то шкуры принесли.

Вместо медвежьего мяса нас покормили в праздник остатками Гусара.

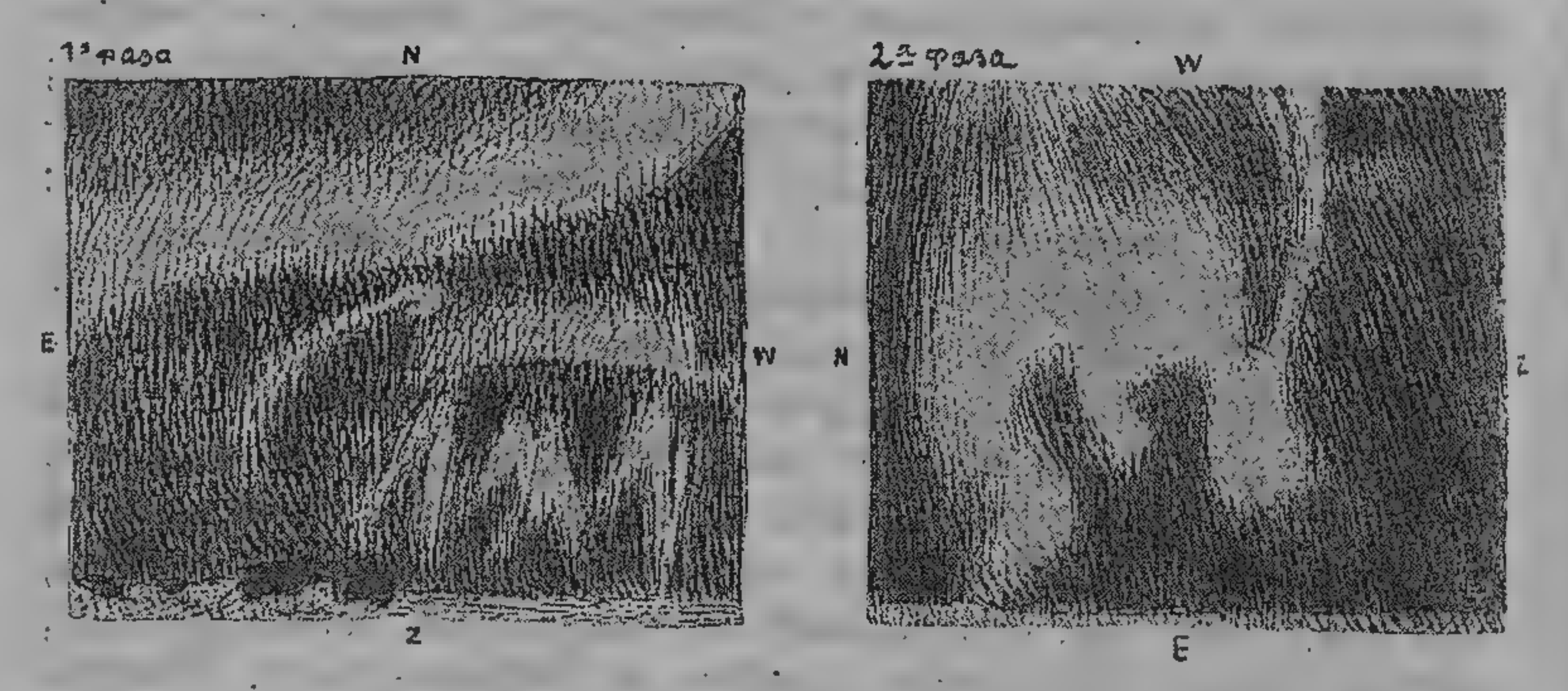
25 декабря. Монотонность и тьма. На Новой Земле даже в самые дни солнцеворота слегка светало. Здесь рассвета нет. При ясном небе на юге в полдень слегка сереет. Но это не заря; серый оттенок не освещает, ночь темна попрежнему.

В жилище нашем уныние. Здоровье всех, за малыми ис-

ключениями, пошатнулось. Седов еще до экскурсии жаловался на слабость десен; в эти дни они сильно распухли. Признак цынги у такого крепкого человека тревожит всех.

27 декабря. Тихий день — 24° Ц. После обеда вышел прогуляться. Поднявшийся ветерок пронизывал заслуженную куртку, — малица пригоднее для таких температур. Я навестил медвежат и побрел в свою каюту.

Медвежата сейчас на привязи. На-днях они снова начали производить метеорологические наблюдения и сломали один из лучших термометров. Седов приказал по-

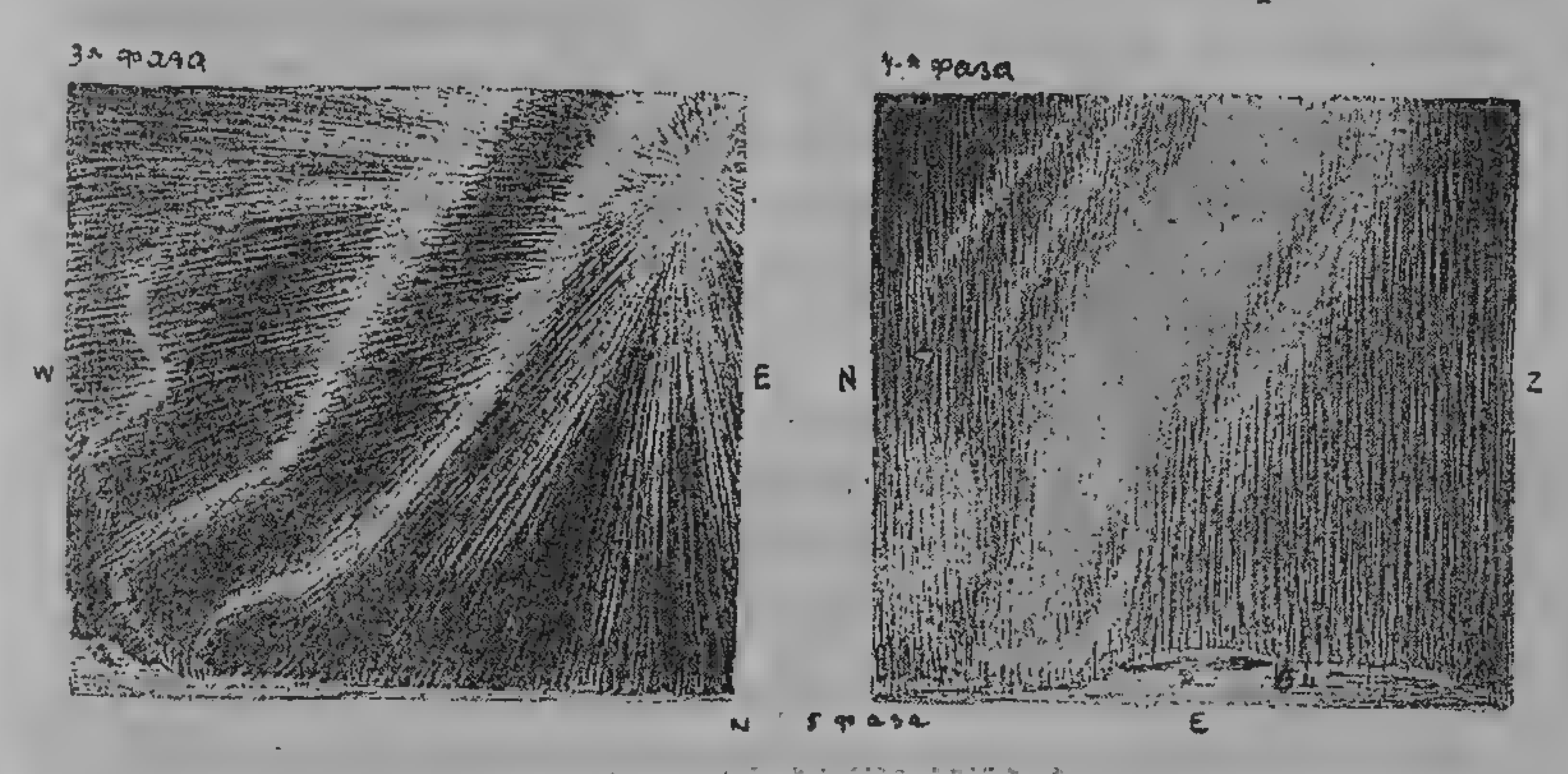
Северное сияние 27 декабря.

садить проказников на цепь. Узники привыкли к тому, что я выношу им каждый день сладенький кусочек. При моем приближении они издают веселое ворчание, становятся на задние лапы, чтоб рассмотреть, что у меня припасено, шарят по карманам, забираются лапой за пазуху и тщательно обнюхивают: не спрятан ли где-нибудь сахар или монпансье. Я люблю чувствовать на руке их теплые мягкие губы, — как будто любимая лошадь берет трепещущими губами кусок соленого хлеба. Иногда мы боремся, — только не с Васькой: его характер слишком сумрачен для игр. Кормим медведей теперь только раз в неделю, — но до медвежьего отвала.

Вечером роскошное северное сияние. Ни на Новой Земле ни здесь не достигало оно подобной силы игры и красоты.

Началось полосой света. Такие полосы — обычный тип

сияния на Земле Франца-Иосифа. На этот раз вслед за полосой вспыхнуло еще несколько лент. Эти ленты продержались недолго, только одна — вблизи зенита—осталась неподвижной на всем протяжении с востока, северовостока на ЗЮЗ. Эта полоса иногда расширялась, иногда суживалась, становилась мутнее, по временам в ней проявлялась слабая игра, — тогда лента походила на гигантский занавес, протянутый через все небо. Он колыхался, как бы от дуновения ветра, мутнел, разгорался и опять превращался в мутную реку света. От нее отделялись рукава, превращавшиеся в занавесы. Кроме глав-

Северное сияние 27 декабря

ной полосы, в разных местах неба вспыхивали причудливые туманности и световые фигуры. Сияние в этот период было сильным. Седов, Павлов, Сахаров и Визе вышли полюбоваться. В это время могучая полоса усилила игру, но ничего особенно красивого не было, исключая разве короны, очертившейся слабым намеком. Подождав с четверть часа, зрители ушли; остались я и Визе. Мы не раскаялись.

Вскоре корона потянула к себе многочисленные ленты, они превратились как бы в продолжение ее лучей. Все это было красиво, но скорей по формам, чем краскам: свет гигантской звезды, раскинувшейся по всему небу, оставался тем же обыкновенным светом бледно-голубого газа. И вдруг, как по сигналу, все изменилось.

Корона разлила яркие лучи до горизонта. Они сверкнули и, как бы перевернувшись по оси, превратились в яркоцветистые ленты. А в центре короны началось неизобразимое ни словами ни красками — волшебный фейерверк.

Вспыхивали и гасли лучи самых разнообразных цветов. На этом пестром фоне извивались по временам какие-то странные змейки, их сменяли снопы огня, — пятно в середине короны казалось тогда кратером светового вулкана. Кратер извергал то снопы, то полосы зеленого огня, то разворачивавшиеся ленты.

Я и Визе, забыв про легкое одеяние, не замечая дрожи, смотрели на игру цветов и форм в состоянии, близком к экстазу. Праздник света длился недолго. Огни стали гаснуть, как потухающий фейерверк. Центральная лента прояснилась, а закрывавшие ее лучи рассыпались по всему небу, как будто корона разметала их.

31 декабря. Вчера и сегодня опять сильное сияние.

Я многократно пробовал фотографировать это явление, но не имел успеха; очевидно, химическая сила лучей его ничтожна. Короткие выдержки дают на пластинке только намек, при более продолжительных — получается размазанное пятно. Только один раз удалось получить довольно ясный отпечаток на кино-пленке.

1 января 1914 года. Болезни на «Фоке» усиливаются. Утром Зандер почувствовал, что ему плохо — температура прыгнула на 40°. Слег Коноплев. Десны Седова кровоточат; распухли ноги, одышка, сонливость и слабость. Вполне здоровых на судне только семь человек: я, Визе, Павлов, Сахаров, Лебедев, Пустошный и Линник. У Кушакова тоже распухли десны. Кушаков убежден, что все больны «пятнистым ревматизмом» (очень редкая и мало исследованная болезнь). Оставшиеся здоровыми — на подбор, все воздерживающиеся от солонины — относятся к определению нашего ветеринара и всей его врачебной деятельности с большим недоверием. Беда в том, что лечение цынги и пятнистого ревматизма противоположны. Наши больные вместо свежего воздуха и подходящего питания получают огромные порции салицилового натра.

Мы, здоровые, пока духом не падаем. Распределив работу, лежавшую на больных, подбадриваем друг друга.

Струн спускать не хотим. Готовится большой номер нашего журнала. Ежедневно для сохранения здоровья гуляем не меньше двух часов.

4 января. Инютин, Кизино и Пищухин поправляются. Продолжительные прогулки по воздуху оказывают хорошее действие. Седову тоже лучше. После обеда он высунулся из каюты и спросил меня, в исправности ли моя винтовка: собаки что-то подозрительно воют. Минуты через три вернулся с прогулки Инютин и сказал, что несколько собак, отбежав к айсбергу, подняли сильный лай. Я и Седов, захватив ружья, вышли посмотреть, в чем дело. Нас скоро догнал штурман с фонарем. Седов шел медленно и задыхался.

Около айсберга, в полкилометре от судна темными пятнышками копошились собаки. Подойдя шагов на тридцать, мы начали различать кроме собак еще какой-то предмет, — он столь же походил на медведя, как и на кусок снега или торос в снегу. Собаки держались полукругом, примыкавшим к ледяной стене. Нам казалось странным, что белые Ободрыш и Разбойник рядом с медведем в темноте выглядели почти черными. Шагах в двадцати Седов выстрелил, я тотчас же — за ним. Медведь взревел и бросился бежать с быстротой оленя, — мы не видели еще такого быстроногого. Когда собаки вцепились в него на-ходу, медведь стал вертеться и прыгать, как рассерженная кошка. Я дал по нему выстрел наугад, не видя мушки, — конечно не попал, ибо медведь бросился бежать еще резвей, чем после первых выстрелов. Следовало бы сохранять осторожность в борьбе с таким зверем, но в темноте как убить его иначе, как в упор? Седов бросился вслед, я же побежал отрезать дорогу с противоположной стены айсберга, крича в то же время идущим от корабля зрителям, что зверь идет на них. Мишка, завидев ряд фонарей, предпочел повернуть и взобраться на айсберг в том месте, где был он пониже, около двух метров обрыва, а дальше наклонная плоскость. Нельзя было не залюбоваться молодецким прыжком: это не медведь, а тигр! Спустя секунду по неровностям льда взобрались на айсберг несколько собак. Начался бой на ледяной наклонной и скользкой плоскости. В несколько секунд медведь подмял собаку, другая с визгом скатилась с обрыва. Седов

выстрелил. Медведь спрыгнул с обрыва, но, встретив внизу новых собак, опять взлетел на айсберг и снова смял собаку. Я подошел к самому обрыву и выстрелил два раза, последний выстрел оказался удачным, — штурман осветил фонарем медведя, — я разобрал на дуле очертания мушки. Зверь взревел, сделал огромный прыжок, еще подпрыгнул и, облепленный собаками, покатился по откосу и рухнул с обрыва. За ним, как пушинки, — собаки. Из шести выпущенных пуль медведя задели только три: одна оцарапала шкуру, другая пробила ногу, последний выстрел разорвал сонную артерию. Убитый медведь — пушистый самец с серебряной шерстью необыкновенной красоты.

Этот день так не похож на остальные монотонно-тоскливые дни последнего месяца. Не было ярких красок в этой жизни. Нет их ни в рассказах, повторяющихся по десять раз незаметно для рассказчика, ни в однообразном стуке шахмат о протертую доску, ни в стоянии молчаливым кружком у печи во время топки ее, ни в унылом пении «трубадуров», заканчивающем каждый день. И теперь не хочется касаться всех этих оттенков серого. Но жизнь течет и меняется. Быть может, впереди перед нами большие переживания, за их напряжением забудется серая нитка, которая нудно тянулась из клубка этой бесконечной ночи? Теперь наше бытие далеко от культурной жизни. Как далеко — мог бы заметить только посторонний человек. Любопытно было бы посмотреть со стороны на дикую напряженность охоты во тьме, потом на кровавое пиршество у убитого медведя. И здоровые, и больные пили горячую медвежью кровь. До этого дня я не был кровопийцем, но сегодня горячо расхваливал эту жидкость, не подавая вида, что она мне противна: я знал, что в нашем положении кровь лучшее средство от цынги. Им одним спасаются самоеды и русские на всем побережьи Ледовитого океана. Большинство вняли моим увещаниям. К сожалению, два более слабых «ревматика», Зандер и Коршунов, не поверили похвалам напитку и отказались наотрез. Седов попробовал, но не мог пить. Его стошнило.

Конечно, картина сегодняшнего дня необычна даже для нас. Но сторонний наблюдатель заметил бы, как обтрепалась одежда, далекая от заботливого женского взгляда, насколько люди привыкли ходить грязными и небритыми.

Полярная ночь прекрасна. Вокруг чудеса. В небе роскошное празднество. А на земле...

5 января. Прекрасное северное сияние. Наблюдали его я и Визе. Сначала над горизонтом поднялись столбы, слабо окрашенные внизу оранжевым цветом. Через десять минут столбы соединились лентой вроде дуги. Южный конец ленты, разделяясь на три луча, стал подниматься. Когда сияние достигло средины небесного купола, верхняя лента вдруг закружилась вихрем. Мы ясно видели, как она разделилась на отдельные ленты, поворачивавшиеся в зените огненным колесом, кидавшим снопы бриллиантов. То же повторилось при прохождении второй ленты. Третья лента стянула к себе все огни неба. В то время как столбы и лучи всех цветов радуги, подтянувшись к одной точке, заиграли острыми блестками, — в средине неба, залитого белым светом, происходила бешеная игра: свертки лент один за другим развертывались и выбрасывали вниз блестящие полосы, а вдогонку им бежала волна пурпурного света. Все это непередаваемо словами. Жалки пред небесным светом хитрые потешные огни — изделие человеческих рук.

Бедняге Коноплеву хуже. Ноги его под коленями распухли, уже не может ходить. Больной очень крепкий человек, но вынужденная неподвижность лишает его свежего воздуха.

В небе прекрасное зрелище. На земле у нас — страдание и уныние. Прекрасна ли ночь? Ее гнет чувствуют все живущие здесь. Каждодневность быта тяжела. Где же истинное лицо полярной ночи, — в тишине ли ее, умеряющей все страсти, в красоте ли неба, усеянного звездами, и в зрелищах, роскошь которых, не видев, невозможно представить? Или же во вчерашней земной картине, когда под занесенным такелажем собрались небритые люди с черными зубами на распухших деснах и со странно блестящими глазами? При свете фонаря эти люди, не отличавшиеся от своих собратьев, удалых сибирских охотников на ошкуя, — погружали кружки в жидкость, казавшуюся черной, зачерпывая ее из брюшной полости только что убитого медведя, и пили. И над ними сияло чудесами небо.

Глава Пятнадцатая

... Все другое попрежнему длится —
Звезды сияют, ветры вздыхают и веют...

Новый 1914 год встретили, как прошлый—празднеством и пушечной стрельбой. В этот праздник все мы, оставшиеся здоровыми, изо всех сил старались организовать праздничное веселье. Украшение и иллюминация кают, богатый ужин и обед, номер журнала, — все как в прошлом году. Казалось по временам, что удалось отогнать тяжелые мысли больных. Но веселья не было.

И Седов перед обедом произнес речь. Голос его слабо звучал в этот раз. Призыв соединиться в тесную семью и слова ободрения больным потеряли *что-то*, раньше убеждавшее и подвинчивавшее.

Тяжел долг начальника экспедиции. Больше всех в ободрении и поддержке нуждается сам Седов. Но он не может высказать своего уныния, как ни худо на его душе: ведь все ждут слова вождя. За исключением нескольких самостоятельных людей, все привыкли иметь впереди вожака, а Седов истинный вождь. До сих пор за ним идут слепо: он образец смелости, широкой рассчетливости, образцовый капитан, — матросы в него влюблены.

Кто знает, что теперь на душе Седова? Планы его давно пошатнулись, а болезнь, если она продлится еще две-три недели, безжалостно разобьет все мечты о полюсе. Но то, что на сердце, начальник экспедиции ни в каком случае не может вынести наружу. Ни колебаний, ни сомнений, ни слабости тела не может показать сильный дух; таким духом обладает Седов, срезать его может только смерть.

13 января. Стоят упорные холода с резкими ветрами. Позавчера был сильный шторм при — 38° Ц. И сего-

дня я гулял свои два часа при ветре в 16 метров в секунду с той же температурой. Даже малицу пронизывает ветер. Ходим с отмороженными щеками и подбородками. Моя каюта во льду. Оледенение дошло до самого пола. Поверх льда на стенах и на потолке по утрам вижу слой инея, — это влага моего дыхания за ночь. Могучий ледник на койке достиг вышины полуметра при толщине около двадцати сантиметров.

Удивительна привычка. По ночам я не особенно зябну, хотя покрываюсь теми же двумя одеялами, что и дома. Приходится, впрочем, на ночь надевать лишнюю фуфайку, а лед в ногах закрывать листом резины. Кроме меня раздевается на ночь только Визе, остальные, по выражению Павлова, «давно опустились на дно». Температура в каютах по ночам опускается до — 6°, бывает и ниже. Днем в кают-компании от 1° до 9° выше нуля; чаще всего — градусов пять. В каютах холоднее.

Когда в каютах от 0 до 5 градусов, мы мерзнем, хочется надеть меховую куртку. Я удерживаюсь, — тренируюсь на холод, к тому же и куртка одна. Слабое место всех — ноги: они вечно мерзнут. Обувь поизносилась, а хорошую пару все берегут про запас. В коридоре же на полу постоянная влажность, ноги у всех мокры. Чтоб согреть их, необходимо высушивать валенки в то время как топится печь.

Как только затопится печь в коридоре, а это отрадное событие случается два-три раза в день, вокруг источника тепла собирается все население «Фоки». Тридцать или сорок минут, пока горит огонь, печи не видно: она закрыта обувью. За первым слоем — второй: ее держат в руках люди, толпящиеся вокруг. Они стоят на одной ноге, подобно аистам, другая — босая — протянута к печке. Случаются легкие ссоры из-за несправедливого распределения мест:

— Вчера в первом ряду был и сегодня туда же. Ловка-а-й! Нет, брат!

Попробую описать день на «Фоке».

Я уже с шести часов не сплю и слышу все звуки нашего обиталища. Первый — покашливание штурмана в его каюте; по старой морской привычке он просыпается раньше всех. Потом слышу на кухне возню: встал Лебе-

дев, — теперь он боцман. В 7 часов Лебедев идет по матросским каютам, доносится его иронически-вежливый голос:

— Господа, доброе утро. Каково почивали? Извините, что побеспокоил. Милостивые государи, позвольте попросить вас встать!

Буфет (Н. Кизино)

В ответ раздаются не столь утонченно-вежливые слова и звуки. Как бы то ни было, люди начинают шевелиться и, лязгая зубами, поругиваясь, вылезают из-под одеял. Одеваться не нужно: все спят одетыми. Тотчас после любезного приглашения вставшие идут на кухню за кипятком.

День начался. Рассказывают сны. Рядом в буфете Кизино стучит посудой, потом затапливает в кают-компании печь. Спустя полчаса температура поднимается, тепло

через открытую дверь доходит до меня, размаривает. В восемь часов Кизино обходит каюты членов экспедиции, неизменно повторяя изо дня в день все одни и те же слова: «пожалуйте кофе пить». Доходит очередь до меня. Я совсем не расположен вставать: уловка Кизино давно известна, кофе не готово и будет подано не раньше девяти. Я вылезаю из-под одеяла в начале десятого и сажусь за кофе с черным хлебом. У своей лампы в коридоре уже сидит Инютин за шитьем сапог из нерпичьей шкуры, бегает в машинное отделение Кузнецов, вспарывает консервные жестянки Пищухин. Из клубов пара, распространившихся от кухни по всему коридору, доносится голос Линника, — он чинит шлейки и разъясняет Пустошному нечто из мудрого опыта, как управлять собаками.

Умываюсь, убираю свое ложе. В кают-компании Павлов, иногда Максимыч. Павлову скучно до тоски. Он берется за ту, за другую книгу — все перечитано. Ставит микроскоп — все шлифы заучены. Седов лежит в своей каюте.

В помещениях больных горят лампы, там теплее — около десяти градусов. Посмотришь в щелку двери Коноплева, он не спит, тоскливо невидящим взглядом уставился куда-то.

— О чем думаешь, сердяга?

Пред обедом затапливается печь и кают-компании — у нее места не найти. Пообедав, команда ложится спать. Просыпается в это время Визе (он делает метеорологические наблюдения до четырех часов ночи), берет английскую грамматику (я и он изучаем по самоучителю английский язык) или садится за вычисления. После двухчасовой прогулки я опять принимаюсь за работу. Редко удается работа, требующая сильного умственного напряжения: холод мешает сосредоточиться. В чисто механической области наш труд значительно продуктивней, — если надо переделать рукавицы, заштопать одежду, сшить ножны, вычистить инструменты или помочь снаряжению экскурсий. Увы, это так!

В шесть часов подается ужин — остатки обеда, а обед — суп из сушеной трески или мясных консервов, изредка заменяемый бульонами из сушеного мяса; на второе — макароны или каша. Однообразные блюда надоели всем

до отвращения. Есть не хочется. Пересиливаешь себя. Через три часа волчий голод: организм протестует, получая мало азотистых веществ, особенно нужных ему в суровых условиях.

Я записываю в дневник, что чувствую, но спрашиваю себя: не сетуешь ли ты? Каково было другим исследователям, не имевшим и того? У нас есть сахар, печется раз в неделю свежий хлеб, три раза в неделю какао. По праздникам — роскошь: консервированные фрукты и даже конфекты. Многие позавидовали бы таким запасам! А красоты угрюмого севера даром не даются. Еще не забудь: *все кончается.*

До ужина каждый продолжает свою работу, — в вахтенном журнале отмечается: «команда занималась приготовлениями к полюсному путешествию». В девять часов некоторые матросы сразу забираются в койки, другие играют в карты, в кают-компании несколько человек просиживают за картами часов до двенадцати. А потом дружный храп или ворочанье с боку на бок.

Действительно, не легко уснуть в этом чертовском холоде. Живущие там, на юге, не додумываются—какое ценное приобретение культуры простая теплая постель с чистым бельем, даже обыкновенные русские полати. Они не родились вместе с человеком, а приобретены упорнейшей тысячелетней борьбой. Какое счастье сон, не прерываемый падением капель на лицо, замерзанием высунувшейся конечности или носа до такой степени, что приходится отогревать рукой и дыханием. Сон всех неспокоен.

Перед сном зажигаю свечу в своей каюте и долго сижу перед раскрытым дневником. На белом, густо заиндевевшем потолке от тепла свечи протаивает темный кружок. Падает капля.

20 января. С Нового года усиленно готовится снаряжение для путешествия к полюсу. Уйдет ли Седов, хватит ли сил? Здоровье его как будто лучше. Сегодня он вышел из каюты, но, просидев около часа, сильно устал и снова лег в постель. Мясное питание помогло. Мясо медведя, убитого недавно, тратилось, как лекарство. Мы, здоровые, попробовали его только в Рождество и Новый год. Штурман, Кизино и Кушаков поправились совсем. Инютин и Пищухин на ногах.

26 января. Упорны холода, столбик термометра не поднимается выше — 33°Ц. Ветры постоянны — преимущественно с северной стороны.

Когда все люди станут, наконец, солидарными, а миллиарды золота, ежегодно бросаемые теперь на поддержку тунеядцев и на изготовление орудий разрушения, будут направлены вместе с трудовыми армиями на расширение культурных участков земли, на оживление пустынь, — может быть, тогда дойдет черед и до здешних холодных земель? В том нет ничего невозможного. Разве грезилось некогда обитателям цветущей Греции, что страна на север от нее — ужасная «страна гиперборейцев», где на полгода земля белеет и все замерзает, населится впоследствии могучим народом, а их, гордых эллинов, потомки будут воровато торговать по мелочам в великой северной стране? Ведь достаточно было найти на Аляске золото, чтоб эта страна ожила от векового сна. Выросли города. Может быть и на здешних пустынных островах вырастут поселения? Живя в тепле и удобствах, питаясь провизией, быть может, доставленной по воздуху, станут ли жители полночной страны вспоминать о затруднениях первых посетителей? Они-то жили, как стайка рыб, из устья реки отбитая ветром в море. — Так думалось сегодня на прогулке.

29 января. За ходом болезни Седова следят, как за болезнью ближайшего родственника. Судьба экспедиции будет иметь разные исходы в зависимости от того, поправится ли больной к началу февраля. Сегодня лица веселей. Седов целый день на ногах.

Светает. В полдень слабая заря. Скоро, скоро конец длинной ночи! Радует предчувствие, что за этим рассветом — родина, друзья, весь мир полноты жизни. За зарей видения лесов, зеленых долин, простых сердцем людей, — да, да — перенестись в глушь родной губернии и посидеть в гостях у углекопа Демы и у приятеля Никиты!

Пока же только сны отражают эти желания. Просыпаясь от капли, щелкнувшей по носу, я смеюсь и над каплей и над нелепой смесью полярных образов с идиллией родных картин.

31 января. В тишине ночи под темным небом, когда

слышен один скрип под ногами, разговоры двух ушедших на прогулку становятся особенно значительными. На корабле каждое слово взвешивается: оно достояние всех и не должно задеть никого. Сегодня — продолжительный разговор с Седовым.

Он просил меня отправиться на мыс Флоры: необходимо оставить записки на южном берегу на случай, если какой-нибудь корабль придет раньше, чем вскроется бухта Тихая. Мы подробно обсудили план путешествия: придется итти с двумя матросами, без собак. Разговор перешел на полюсное путешествие. Георгий Яковлевич подробно развил план, которого он хочет держаться при нынешних обстоятельствах. Возьмет всех (28) собак, провизии для собак на два с половиной месяца, для людей — на пять месяцев. Он считает возможным сохранить часть собак до самого полюса в том случае, если ему удастся пополнить запасы из склада Абруццкого в Теплиц-Бай на З. Рудольфа. Седов просил меня проводить полюсную партию до этого места. Если бы склад оказался попорченным или использованным, Седов будет иметь возможность пополнить израсходованное провиантом, оставшимся мне на обратную дорогу. Я ответил согласием на оба предложения: в самом деле, провизия нужна мне только до половины марта, — после этого срока возможно пропитаться одними птицами.

При уходе Седов предполагает возложить на Визе руководство научной работой, оставив Кушакова попрежнему заведывать хозяйством и передать ему же власть начальника экспедиции: «он старше всех по возрасту и имеет способность командовать». Когда я попросил Седова не торопиться с путешествием: «поправившись и окрепнув, вам будет легче делать большие переходы», Г. Я. ответил: «Болезнь моя — пустяки. Кушаков определил легкий бронхит и острый ревматизм. Разве такое недомогание оправдало бы задержку?» Когда я намекнул, что «ошибки в распознаваниях болезней свойственны даже лучшим профессорам», Седов перебил меня: «Цынга? Тем более, она страшна при неподвижности зимовки, при упадке духа. Нет, нет, мне нужно не поддаваться болезни, а бороться с ней!»

4 февраля. Уход Седова назначен на 15 февраля. Про-

должаются сильные холода, вот уже около месяца температура не выше — 33° Ц. Климат Земли Франца-Иосифа резко отличен от новоземельского. Нет столь резких колебаний. Свирепы бури, но ураганов, подобных прошлогодним, не наблюдалось. Но здесь обыкновенны морозы при сильном ветре. Ветры чаще всего с северных румбов. Жизнь в палатке при таком климате должна быть особенно тягостна. Представляется, какой невыносимо-тяжелой должна была она казаться путешественникам к полюсу, не имевшим до того долгой полярной тренировки. Мы достаточно закалены и вооружены мелочами палаточного обихода, делающими жизнь на льду терпимой, а главное—знаем предел выносливости, за которым должна начаться болезнь. Тем яснее представляем, что грозит путешественнику, не соразмерившему сил и условия.

Здоровье Седова попрежнему плохо. Почти неделю он был на ногах, эти сутки провел опять в каюте.

9 февраля. Между 10 и 2 часами светло. Седов ездил проминать собак. Собаки в прекрасном состоянии: начиная с лета, они питались мясом. Шерсть их густа и пушиста, — некоторые псы круглы, как шерстяной мячик. Совершился естественный отбор — остались крепыши. С такими собаками можно на полюс. Продолжаются сборы. Мы все принимаем участие, вкладывая все старание и свой опыт. Каяки будут поставлены на сани, вся провизия — внутри каяков. На случай, если бы сани провалились и вода попала бы и в каяки, все предметы, боящиеся сырости, упакованы в непроницаемые резиновые мешки. Выдающиеся места каяков, которым грозит опасность порчи острыми краями льдин, защищены оленьим мехом. Мехом обшиты даже веревки в местах касаний с каяками. Провизия распределена так, что не нужно затрачивать время на отыскивание: по номеру мешка всегда видно, сколько остается запасов. Спальный мешок один на троих во всю ширину палатки. Окончательно выяснено, что Седова сопровождают Пустошный и Линник.

Попытка Седова безумна. Пройти в пять с половиной месяцев почти 2000 километров без промежуточных складов, с провиантом, рассчитанным на пять месяцев для людей и на два с половиной для собак?

Однако, будь Седов здоров, как в прошлом году, — с

такими молодцами, как Линник и Пустошный, на испытанных собаках он мог бы достичь большой широты. Седов фанатик достижений, настойчив беспримерно. Но в нем есть жизненная черта: умение приспособляться и находить дорогу там, где другому положение представляется безвыходным. Мы не беспокоились бы особенно за участь вождя, будь он вполне здоров. Планы его всегда рассчитаны на подвиг: для подвига же нужны силы, — теперь же сам Седов не знает точной меры их. До похода пять дней, а больной то встает, то опять в постели. Все участвуют в последних сборах, но большинство не может не видеть, какого исхода можно ожидать. Предстоит борьба не с малым — с беспощадой природой, она ломала не такие организмы. И Нансен и Каньи повернули с 86 градусов, а отправились они от точек, лежащих к полюсу значительно ближе, чем наша зимовка. Но в решение Седова начать борьбу никто не может вмешаться. Существует *нечто*, организовавшее наше предприятие; *это нечто — воля Седова.* Противопоставить ей можно только восстание.

Но для восстания нужно прежде всего единодушие хотя бы в одном: в мнении о сущности болезни нашего вождя. Но такого единодушия нет. Кушаков, исправляющий обязанности официального врача экспедиции, утверждает, что Седов здоров. Когда очередь вести вахтенный журнал доходит до Кушакова, он неизменно отмечает, что *Седов поправляется от недомогания.* Каждый из членов экспедиции имеет свои выводы из наблюдений над здоровьем Седова, и эти выводы совсем не согласуются с Кушаковскими официальными бюллетенями, ни с его подбадриванием сборов к полюсу. Но никто из нас, профанов в медицине, не имеет достаточного авторитета для противопоставления истины документальным записям честолюбивого ветеринара, которому нужно отправить Седова подальше, к полюсу, а самому встать во главе экспедиции. Седов оптимист. Он в мечтах уже на полюсе. Он верит сладким нашептываниям Кушакова и не поверит никому, кто будет говорить о горькой истине — о невозможности для больного человека длительного путешествия к полюсу. К сожалению, на «Фоке» имеются всего три-четыре человека, которые понимают, что пред нашими

глазами происходит сложная и преступная игра. Это игра на жизнь Седова. Вмешательство в эту игру ни к чему не приведет: мы не имеем настоящего врача, который сказал бы четыре веских слова: больному на полюс нельзя.

Сегодня во время прогулки к Рубини-Року я несколько раз начинал разговор о предстоящем походе и о возможности отложить его на две, на три недели. Седов каждый раз менял направление разговора, как будто бы такой оборот его был ему неприятен. Под конец прогулки мы подошли к теме вплотную. Седов слушал мои доводы, не перебивая. Потом долго думал и произнес:

— *Все это так, но я верю в свою звезду.*

11 февраля. Сегодня я нашел лес из кристаллов: крошечные снежные деревца выросли на льду. Они образовались из испарений льда на недавно затянувшейся полынье. Я долго, дивясь, рассматривал их нежное строение. Кустики в 4—5 сантиметров высотой. В некоторых местах, где лед был толще, кустики закрывали его сплошь. Несколько дней стоял полный штиль, — за время его и выросли чудные деревца: испарения, не поднимаясь вверх, замерзли на месте. К сожалению, я заметил тот лес во время сумерек — для фотографирования было слишком мало света.

12 февраля. Ясный день, цветистая заря. Мои волшебные деревья снесло первым же движением налетевшего ветерка. Когда я пришел с аппаратом, на месте кристального леса был ровный лед, как будто виденное вчера было только сном.

Вспомогательная партия не может выйти — нет здоровых людей. Со мной должны были итти Шестаков и Пищухин. Пищухин все время прихварывал, а в эти дни еле ходит на опухших ногах, — такой спутник для путешествия не помощь, а помеха. Шестаков слег в койку. Из оставшихся матросов здоров вполне один Кизино. Все складывается враждебно походу.

13 февраля. Весь вчерашний день — последние спешные сборы. Сегодня у борта три нарты цугом с разложенными шлейками. Остается только запрячь собак. 25 градусов мороза, жестокая буря с юго-востока. Сила ветра до сорока метров в секунду.

Седов целый день в каюте. Вчера его ноги опять распухли. Кушаков успокаивает Седова, находя, что болезненное состояние не что иное, как обострение ревматизма в сильный шторм. Некоторые думают об ухудшении здоровья проще, припоминая, что несколько дней назад, по распоряжению Кушакова, была сварена солонина, и Седов опять поел ее. Бесполезно спорить: усиление ли цынги или ревматизма свалило с ног нашего вождя, — не одинаково ли погибельно начинать двухтысячекилометровое путешествие с цынгой или ревматизмом?

Но отъезд не откладывается. Под вечер шторм утихает. Седов просил меня фотографировать его. Нарочно встал с постели и оделся.

Глава Шестнадцатая

... Без промедлений, без торопливости
Мне шепнуло сквозь ночь, и явственно
перед рассветом
Пролепетало мне тихое слово пленительное — смерть.

Уот Уитмен

Пятнадцатого февраля пасмурный рассвет. Буря окончательно стихла, от нее остался слабый ветерок. — 23° Ц. Светать начало только к десяти часам. Седов с утра ушел на разведку, в половине одиннадцатого вернулся. Дорога тяжела. Вчерашняя буря намела большие сугробы, снег не успел еще затвердеть. С лицом бледным, более чем обыкновенно, задыхаясь, Седов поднялся на корабль. Он жаловался на боль в ногах и одышку.

Перечитывая свой дневник, я вижу, что все записанное в этот день проникнуто тяжелым предчувствием. Все воспринималось не так, как было на самом деле, а сквозь тяжесть предчувствия. Так пред грозой вы смотрите только на темную тучу, на застывшую стеклом воду реки и на набегающий мрак. Все кажется грозным, — вы уже не видите ни ярких отблесков солнца, ни зелени, ни ослепительных лучей тут же у ваших ног, ни ясного еще неба над головой. Восстанавливая теперь в памяти этот день, я убеждаюсь, что взгляд мой, прикованный к тяжелой туче, не видел многого: только теперь, смотря на последнюю фотографию Седова, снятую за несколько минут до отправления, я припоминаю, как прекрасно было его бледное вдохновенное лицо с далеким взглядом. Что общего у этого лика, с обыкновенным, переполненным жизнью, которое все знали раньше — румяное, скуластое, с огромным лбом и всегда смеющимися глазами, глубоко всаженными в орбитах? Неистощимый рассказчик, вы-

Последний портрет Седова

думщик анекдотов и смешных историй, кумир команды, бесстрашный охотник, всегда насыщенно-бодрый, даже к работе подступавший не иначе как с шуткой, Седов в этот день явился иным: сосредоточенно-решительным, как будто бы какая-то мысль завладела им до перевоплощения.

Возвратившись с разведки, Седов прошел в каюту, — перед тем я передал ему своё письмо.[62] Георгий Яковлевич пробыл в каюте около получаса, вышел с написанным приказом, в котором он передавал руководство научными работами Визе, а власть начальника — Кушакову. Визе прочитал приказ вслух. Не расходились. Не уходил и Седов. Он несколько минут стоял с закрытыми веками, как бы собираясь с мыслями, чтоб сказать прощальное слово. Все ждали. Но вместо слов вырвался едва заметный стон, и в углах сомкнутых глаз сверкнули слезы. Седов с усилием овладел собой, открыл глаза и начал говорить, сначала отрывочно, потом спокойнее, плавнее, — голос затвердел:

— Я получил сегодня дружеское письмо. Один из товарищей предупреждает меня относительно моего здоровья. Это правда: я выступаю в путь не таким крепким, как нужно и каким хотелось бы быть в этот важнейший момент. Пришло время: сейчас мы начнем первую попытку русских достичь северного полюса. Трудами русских в историю исследований севера записаны важнейшие страницы, — Россия может гордиться ими. Теперь на нас лежит ответственность оказаться достойными преемниками наших исследователей Севера. Но я прошу, не беспокойтесь о нашей участи. Если я слаб, спутники мои крепки, если я не вполне здоров, то посмотрите на товарищей, уходящих со мной, — они так и пышут здоровьем. Даром полярной природе мы не дадимся.—Седов помолчал.

— Совсем не состояние здоровья беспокоит меня больше всего, а другое: выступление без тех средств, на какие я рассчитывал. Сегодня для нас и для России великий день. Разве с таким снаряжением нужно итти к полюсу? Разве с таким снаряжением рассчитывал я достичь его? Вместо 80 собак у нас только 20, одежда износилась, провиант ослаблен работами на Новой Земле, и сами мы не так крепки здоровьем, как нужно.

«Все это, конечно, не помешает исполнить свой долг. Долг мы исполним. Наша цель — достижение полюса, — все возможное для осуществления ее будет сделано».

В заключение Седов старался ободрить больных:

— Жизнь теперь тяжела, стоит еще самая суровая пора, но время идет. С восходом солнца исчезнут все ваши болезни. Полюсная партия вернется благополучно, и мы тесной семьей, счастливые сознанием исполненного долга, вернемся на родину! Мне хочется сказать вам не «прощайте», а «до свидания».

Выступление к полюсу

Все стояли в глубоком молчании. Я видел, как у многих навертывались слезы. Пожелали счастливого пути. Как-то особенно просто и задушевно сказал несколько слов Лебедев.

После завтрака Седов встал первым.

— Нужно итти!

Через несколько минут все были на воздухе. Еще небольшая задержка у аппарата, и все, способные двигаться,

под лай и завывание рвущихся собак пошли на север. В мглистом воздухе глухо стучали пушки, чуть развевались флаги. Крики «ура» тонули в белых проливах. У северного мыса о. Гукера, километрах в семи от зимовки, мы остановились, пожали руки уходящим, расцеловались. «Так до свидания, а не прощайте!» — Несколько торопливых фраз, и две кучки людей разошлись: одна на север, другая на юг. Еще несколько салютов из моего револьвера, и темная полоска трех нарт стала таять в сгущающейся темноте великого ледяного простора.

Я долго стоял на торосе, вглядываясь в темноту. Отблеск тусклой зари, величавые белые горы с бледнозелеными ледниками, груды торосов, — все было особенно тускло. Новую полоску следов уже запорашивал ветер. Стемнело. Быстро скользя лыжами, я побежал догонять горстку людей.

Суровое время наступило в начале февраля. Температура не поднималась, усилились ветры. Метеорологической станцией отмечены штормы 16 февраля при — 27°, девятнадцатого, двадцатого и двадцать первого при — 35 градусах Ц. На корабле после такой погоды все замерзло. 22 февраля в дневнике отмечено:

«Ветер затих. Я привел в порядок каюту, оледеневшую как камень на горе. Пришлось долго скалывать лед: вынес семь умывальных тазов. Более половины осталось под матрацем: его нельзя выколоть не испортив материи».

24 февраля. Сегодня, по вычислениям, должно было показаться солнце. Хороший безоблачный день — 39° Ц. В полдень горел яркий отблеск на юге. Я и Павлов, поднявшись на ближайший откос берега, с высоты 100 метров увидели самое солнышко.

25 февраля. Празднество в честь солнца. Живое солнышко, замечаем, не любит официальностей, — с утра на небе тучи. Праздник вышел по другому поводу: Лебедев нашел завалившуюся четверку махорки и распределил между «некурящими». Запасы табаку окончились в конце декабря: в прошлом году матросы под горячую руку выбросили в море два ящика слегка подмоченного. Ныне только Визе владеет «неоцененными сокровищами», — не то две, не то три четверти настоящего Стамболи. Вла-

дение сокровищами всегда связано с некоторыми неудобствами. Нужно сторожить. Нужно отклонять самые выгодные предложения, когда за половину папиросы предлагают променять пару новых рукавиц, за хорошую щепотку — ночное дежурство или новые брюки. Когда Визе курит... о, сколько влажно-завистливых взглядов следит за сизыми струйками, сколько досадливых покашливаний!

6 марта. День рождения Визе, на столе четверка табаку. Готовлюсь к экскурсии на мыс Флоры, — предполагаю итти вдвоем с Инютиным. Приходится снаряжаться особенно легко. Весьма вероятно, что мне придется итти одному с примусом, спальным мешком и записками: Инютин очень слаб и ненадежен. Пищухин еле бродит с распухшими коленками. Из матросов вполне здоровых только двое — Кузнецов и Кизино.

9 марта. Стоит ясная погода. С 4-го полная тишина, ясные солнечные дни с ровной температурой в — 30 — 35° Ц.

Сегодня поднялись с Павловым на вершину о. Гукера. День на редкость ясен, — казалось, что и воздух застыл. Южные острова четки во всех подробностях, а Британский канал с горы — как перед летящей птицей.

Прекрасные дни не доставляют полного удовольствия, — гнетет мысль об ушедших и забота о больных. Прекрасны безгранично-широкие просторы. Но мозг, отказываясь воспринимать всю красоту замерзших земель, упорно возвращается к жизни — к жизненным мыслям о том, что на пространстве в полтораста километров ни трещинки во льду. Такое состояние льдов напоминает: медведей нет поблизости, нет спасения больным. Зандер, когда-то крепкий мужчина, теперь похудел и совсем ослаб. Одна надежда на птиц: они прилетают к этим берегам почти с восходом солнца.

10 марта. Как упорны и злы морозы! Ртуть почти не оттаивает. Мы жмемся друг к другу, как холодом застигнутые птицы. Все каюты, за исключением одного лазарета, покинуты. Больные из другого переведены в каюту Седова. И я, устав бороться со льдом, переселился в кают-компанию.

Сегодня Иван, переставляя ящики, нашел в трюме гнездо крыс. Туда, очевидно, собралось все крысиное на-

селение «Фоки». Крысы натаскали в щель обшивки всякого хлама: обрывков бумаги, соломы, пеньки, нагрызенных канатов и, зарывшись, лежали друг на друге тесным комком. Более пятидесяти, но в живых осталось две-три, но и те не шевелились, не испугались света фонаря.

Зандер совсем плох. Сегодня, войдя в каюту навестить его, я сразу заметил, что больной сильно осунулся, обозначились скулы, запали глаза. Он не предложил как обыкновенно, — «несколько градусов своей температуры для тепла», а, прерывисто дыша, сказал мне тихо:

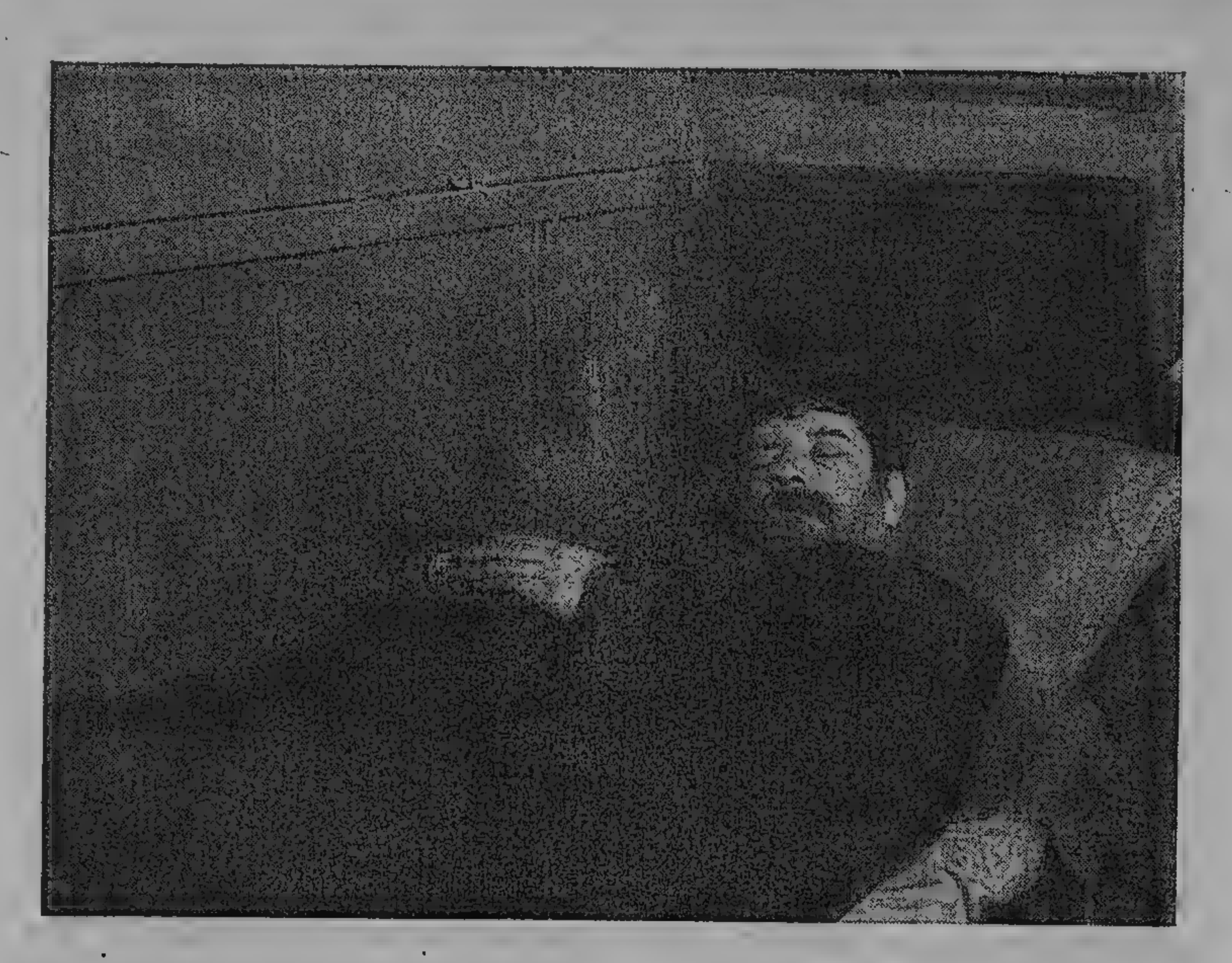
— Видно, мне от своих градусов не избавиться; одна просьба — найдите несколько досок на гроб.

Я ответил шуткой. Она успеха не имела. Больной ответил голосом слабым и серьезным:

— Плохо мне.

13 марта. Прилетели птицы. Утром стайка маленьких люриков (Alle alle) покружилась над обрывом, словно осматривала местность, и села где-то на камнях. После обеда я взял ружье, — не удастся ли добыть несколько птиц для больных. Едва я вышел на палубу, меня догнал Кушаков и сказал: «Иван Андреевич кончается». Я вернулся и открыл дверь в его каюту. Зандер был еще жив. Когда дверь скрипнула, он пошевелился и испустил хрип, — это был последний вздох. Бледный, неподвижный лежал Зандер на левом боку, закрыв глаза и подложив под щеку руку. Казалось, он спал. Бедный, сколько страданий за эти последние месяцы! Узкая койка в тесной каюте, слабый свет полярного дня, еле светящего через оледенелый иллюминатор, серые закопченные стены, — вот обстановка последних дней жизни и одинокой смерти без утешения и помощи родных и близких. Над койкой Зандера лежал вверху Коноплев.

— Минут за десять разговаривал со мной. У меня и в мыслях не было, что он так плох, — рассказывал Платон. — А потом вдруг слышу задохся и слова не сказал. Вот, сердечный, — добавил Коноплев, — дочка ведь у него осталась, хорошая барышня, я видел ее; ждет теперь, поминает — к лету папа приедет. А папа-то вон где скончался, вот где лежать будет!

И. А. Зандер

Все здоровые — нас шесть человек — отправились копать могилу вблизи астрономического пункта. Работали до полной темноты. Почва смерзлась до такой степени, что даже ломами невозможно выкопать глубокую яму. Могила получилась глубиной всего в аршин.

14 марта. Похоронили Ивана Андреевича. Зашив тело в мешок из брезента (на «Фоке» не нашлось и шести досок, годных для гроба), мы вынесли Зандера на палубу и на нарте довезли до могилы. Выла вьюга. Ветер трепетал одежды впрягшихся в сани, шуршал по камням. Тело опустили в могилу и устроили нечто подобное склепу, — свод его заменила дверь от каюты. Засыпали слоем земли в десяток сантиметров, а сверху наложили большую груду камней. Вот она, полярная могила, первая на этом острове.

Мы потеряли мужественного и нужного человека. Всю жизнь Иван Андреевич провел на море, изъездил все океаны. В самые опасные минуты плавания «Фоки» покойный был бодр и спокоен. Морская жизнь учит бесстрашию. Четыре темных месяца на койке, одиночество, страдания

ужаснейшей болезни, — можно бы упасть духом. Но Зандер терпел, никто не слышал жалоб от него иначе как в шутливой форме. И даже умереть умел терпеливо, незаметно. Крепким духом — славная смерть.

Похороны Зандера

16 марта. Вчера я писал о смерти, она была тут перед глазами, заслоняла собою все. Злобный ветер с севера пел ее торжествующую песнь. А сегодня — лишь успел я распахнуть выходную дверь — блеснуло в глаза нестерпимо яркое солнце, и откуда-то сверху, как будто с самого голубого неба, понеслись веселые, задорно звенящие крики, бодрящий гомон беззаботной жизни. Птицы прилетели.

Гуще всего крики со стороны Рубини-Рока. Птиц не видно, — они на самой вершине двухсотметрового обрыва. Я убил всего девять люриков. После каждого выстрела со скал срывались тучи из белых, быстро мелькающих крылышек, — дрожащие живые тучи. Возвращаясь, я встретил Павлова, всего обвешенного птицами: он набрел на полынью, чуть не сплошь усеянную люриками.

18 марта. Прилетают все новые стаи люриков. Миллионы резвых крылышек прорезают воздух тонким свистом. Не нужно ходить к Рубини-Року: птицы поселились везде, где земля свободна от льда. У самого «Фоки» летают стайки, срываются одна за другой с заснеженных камней, садятся поблизости, перепархивают и опять куда-то уносятся. Веселые, жизнерадостные птички. Природа, совершенно

Люрики на скалах

не считаясь со склепным молчанием белых пустынь, наделила их задорными, звонкими голосами и полным неумением молчать, — хохочущие крики несутся непрерывным дрожанием воздуха. Эти веселые пичужки совсем не боятся людей. Когда подходишь к стайке, важно рассевшейся по камням, немного замолкают; если не делать резких движений, подпускают к себе на несколько шагов. Сядь и сиди неподвижно: настороженные головки скоро придут в обычное положение, затем главный болтун раздует зоб и выпустит беззаботную песню: «кга, га-га-га-кга!»

В погоне за мелкими рачками на полынье они сбираются — себе на погибель — густыми стаями. Вчера и сегодня на полынье охота всерьез; нужно запасаться мясом, пока представляется удобный случай. Только я убил 119 люриков и 16 чистиков. Всего за три дня добыто 230 птиц. Охотимся рассчетливо, дожидаясь, когда птицы сплывутся густо, — воды не видать. Бывает — после выстрела на месте остается до двадцати штук; вся стая поднимается, кружится недолго, потом опять садится, часто ближе, чем до выстрела.

Вчера штурман убил нерпу. Зверь не потонул, — жирный, плавал по воде, как пробка. Мы привезли лодочку и достали добычу. За три дня все заметно поправились — отъедаются птицами больные и здоровые; все чувствуют себя помолодевшими. Мы дождались лучших дней. Как тяжелы ушедшие — напоминает горка камней на мысе Зандера.

Полынья в бухте Тихой

Восемнадцатого марта после утреннего кофе мы собрались — как во все последние дни — стрелять люриков на полынье, но, заспорив о чем-то, немного задержались. Штурман махнул рукой на спорщиков, закинул за спину винтовку и вышел. Минут через пять он вбежал с искаженным лицом:

— Да что же это такое! Георгий Яковлевич возвращается. Не знаю... Нарта с севера идет.

Выбежав в чем были, у пригорка метеорологической станции остановились. Из-за мыса показалась нарта.

Случилось несчастье? Седов тяжко заболел? Очевидность неудачи? Просто — открытое море впереди, как встречалось Джексону?.. Беда? — Никто из нас не бежал, как всегда, поскорее встретить, узнать.

Нарта миновала мыс. Только *одна нарта* и около нее только *два человека*. Возвращающиеся не могли уже не видеть нас, но шли без радостных криков привета, молча.— Беда?

Несколько мгновений спустя, когда глаза привыкли к свету, я разобрал, кто идет: впереди собак Линник, а сзади, поддерживая нарту с каяком, Пустошный. — *Седова нет.*

Через минуту мы окружили вернувшихся.

— Где начальник?

— Скончался от болезни, не доходя до Теплиц-Бай. Похоронили на том же острову.

Стояли в молчании. Только собаки, ласкаясь, радостно визжали. Так вот чем кончается экспедиция, вот куда привела Седова вера в звезду!.. Как обманывают нас звезды!

Линник и Пустошный — с черными обмороженными лицами без улыбки, изможденные, исхудавшие, — откинув назад капюшоны, начали рассказывать.

Под вечер один из нас записал со слов матросов всю недолгую историю путешествия к полюсу. Тогда же прочитали для сопоставления с рассказом путевой дневник Седова. Дневник кончался на первом дне марта. Под этим числом отмечено появление солнца. Запись кончается обращением к нему: «Посвети, солнышко, там на родине, как тяжело нам здесь на льде».

Седов в начале путешествия скрывал от спутников свое тяжелое положение; по дневнику ход болезни яснее. Первые три дня она не особенно беспокоила. Опухоль ног и одышка уменьшились. Но только три дня. С каждым новым — появлялись новые болезненные ощущения, и тело слабело. В эти же дни ударили невыносимые холода со страшными встречными штормами при 35° мороза. Да и почти во все время путешествия ветры упорно дули навстречу. Больной должен был вдыхать жгучий холодный воздух, бороться с условиями, губительными и для крепчайшего организма.

После стоянки вблизи острова Еразмус Омманей Седов ослабел, — он не мог двигаться на ногах. Больной сел на нарту и больше не сходил с нее. Но каждое утро запрягались собаки, и караван двигался вперед, тянулись к северу три нарты. С этой поры для матросов начались страдные дни. Давило беспокойство за вождя, били морозы, томила тяжкая работа. На остановках за больным ухаживали, как за отцом. Но... какая зашедшая далеко болезнь может исцелиться в палатке на снегу при ветре с тридцатью градусами мороза?

За островом Марии-Елизаветы начинается море Виктории. Наши путешественники двигались по льдам его,

постоянно видя слева открытую воду. На одной из стоянок к лагерю подошел медведь. Седов, еле держась на ногах и качаясь, вышел из палатки на охоту: он и тут не хотел пренебречь запасом пищи для собак. Собаки загнали зверя в продушину километрах в двух от палатки. Добыча казалась верной, собаки не выпускали зверя из западни, — подойти и выстрелить в упор. Но вышло не так. Что-то случилось с затвором ружья: курок не разбивал пистона. Взбешенный неудачей, Седов направился к палатке за финским ножом, чтоб им заколоть медведя. По дороге охотник упал от слабости и больше подняться не мог. Спустилась темнота и туман. Линник один добрался до палатки. Больного привезли к лагерю на нарте.

С этой стоянки началась страшная борьба беспощадной полярной природы с больным, слабым человеком, вооруженным лишь волей да верой в свою звезду. Вплоть до времени, когда карандаш выпал из ослабевшей руки, дневник Седова повествует, как ежедневно проходилось то или другое количество километров — все к северу, к северу, — какие заботы волновали ведущего записки, какие встречались затруднения. Есть на страницах заметки по географии пустынных островов, что тянулись по сторонам пути, есть обыкновенные мысли рабочего дня. Но в записках трудно найти что-нибудь похожее на страх перед будущим или необходимость отказаться от своих задач.

Между тем после случая на охоте матросы начали понимать ясно, чем может кончиться поход. Они пробовали сначала намекать Седову, потом стали просить открыто — нужно вернуться на судно. Разве можно поколебать Седова? — «Улыбнется, — рассказывал Линник, — махнет рукой.—Нет, оставь это, — скажет, — брось и думать о судне. Я в Теплиц-Бай за пять дней поправлюсь».

А сам иногда — особенно часто в последние дни — повторял в забытьи:

— Все пропало, все пропало!

Морозы не сдавали, не прекращались ветры. 28 февраля в дневнике записано: «Навалился густой туман, кругом полыньи, слева открытое море. Недалеко от земли Карла-Александра нарта провалилась на молодом льду. Ее вытащили довольно легко. Двигаться дальше — не-

возможно. Решили подождать, пока лед окрепнет; к тому же разразилась буря». В этом лагере Седов и умер.

Последние переходы Седова жутки даже в рассказе матросов.

Дорога по тонкому молодому льду сменялась непроходимыми торосами. Режущий ветер сжег дочерна лица. Матросы еле справлялись с тремя нартами. Седов лежал на средней одетым в эскимосский костюм, в спальном мешке, крепко привязанном сверху качающейся нарты. Больной часто впадал в забытье, как неживая, склонялась голова, а тело безвольно следовало движениям нарты и толчкам по торосам. Очнувшись, Седов первым делом сверял курс с компасом и не выпускал его во все время сознания. Матросы замечали: больной подолгу осматривался, словно стараясь опознать острова, лежащие на пути. Спутникам иногда казалось, что Седова мучила мысль, как бы они самовольно или обманом не повернули, не увезли на судно, не сменили бы северного курса.

Три последние дня в палатке — умирание когда-то крепкого организма. Седов лежал в спальном мешке. По временам жаловался на нестерпимый холод — в один из припадков озноба он приказал обложить палатку снегом доверху и держать примус зажженным на обе горелки.

— Только зажжешь примус, — рассказывал Линник,— кидает в жар.—«Туши примус». Проходит четверть часа — так задрожит, что иней с палатки сыплется. — «Зажег примус?.. Нет, не нужно, надо беречь керосин. Впрочем, *все равно*».

Так, то ложась рядом в мешок, чтоб согреть вождя, то растирая холодные опухшие ноги, покрытые синими пятнами, — маялись матросы четыре дня и четыре ночи без сна. В последние дни Седов не ел и не пил. В дневнике несколько раз встречается запись: «Надо бороться с болезнью». Передавали и матросы, Седов часто говорил: «Я не сдамся, нужно пересилить себя и есть». Но есть не мог. Пустошный предложил как-то любимых консервов — мясной суп с горохом, взятых для праздников. — «Да, да, консервов!» Пустошный вышел из палатки отыскать нужные жестянки на дне каяка.

Ревела буря. Пустошный вдруг ослаб, закружилась голова, хлынула из горла и носа кровь. Бессонные ночи,

еда кое-как, тревога сломили и цветущую молодость Пустошного. Бедняга приполз к палатке без консервов. Пришлось пойти Линнику. Когда консервы были, наконец, сварены, Седов не мог проглотить ни ложки супа, — приступ лихорадки и боль в груди отняли сознание.

Матросы не видели ни дня ни ночи. В темной палатке трепыхался синий огонь примуса. Седов метался. Дыхание его все учащалось и становилось затрудненным. Иногда спутники держали больного в полусидячем положении: так легче становилось дышать.

Пятого марта во втором часу дня Седов стал внезапно задыхаться: «Боже мой, боже мой... Линник, поддержи!..»

И задрожал смертельной дрожью.

Живые долго сидели, как скованные, не смея пошевелиться ни вымолвить слова. Наконец, один пришел в себя, закрыл глаза покойного и прикрыл лицо чистым носовым платком. Примус потух. Буря стихала; как будто оторвав мятежный дух, занесший сюда недвижимое теперь тело, она успокоилась.

Пустошный рассказывал, — охватило отчаяние и ужас. В темноте тесной палатки, пригнетенной сугробом, трудно было двинуться, не задев спального мешка с телом покойника, — смерть не давала забыть о себе ни минуты. Совсем не приходило мыслей о будущем, обо всем, что ждет еще впереди, что делать с телом, куда итти, как спастись самим, — матросы сознавали одно: вот здесь, на льду, среди земель, им неизвестных, они остались одинокими в страшной пустыне, без вождя — как выводок без матери, уставшие и больные, лицом к лицу с враждебной природой, а на руках — мертвое тело, тело, еще недавно воплощавшее волю, которой они привыкли верить слепо, до конца.

Пробудил холод. Надо что-нибудь делать. Посоветовавшись, решили дойти до Теплиц-Бай, отыскать склады Абруццкого, запастись керосином, — оставался один баллон менее четырех литров, — и, бросив все лишнее, привезти тело Седова на «Фоку». 9 марта, оставив лагерь на произвол судьбы, пересекли пролив и, подойдя — как думают — к Земле Рудольфа, пошли вдоль западного берега ее. Шли недолго: встретили открытую воду, море

касалось самой береговой стены ледника. Матросы не решились двигаться по ледяному покрову без приметных точек. И по морскому льду они шли крайне медленно из-за неуверенности и постоянных споров о правильном направлении. Выходило — Седова не довезти. Решили похоронить тут же.

На клочке земли, черневшей поблизости, матросы выбрали подходящее место и принялись за последнюю работу для своего вождя. Тело его, завернутое в два брезентовых мешка, поместили в углубление, вырытое киркой; рядом — предназначавшийся для полюса флаг. Сверху наложили высокую груду камней, в нее вставили крестом связанные лыжи. Около могилы осталась кирка.

С обнаженными головами произнесли: «вечная память». Немного постояли. Когда мокрые от пота волосы смерзлись, надвинули капюшоны и, подняв с могилы по камню для себя и для жены покойного, вернулись к лагерю, — собираться в обратную дорогу.

Где могила Седова?

Линник и Пустошный плохо читали карту с непонятными им английскими надписями. Со слов вернувшихся можно предположить: на мысе Бророк Земли Кронпринца Рудольфа, у подножия обрывистого берега, на высоте от моря метров десять, в том месте, где кончается восточная часть ледника и начинается каменистый берег.

До «Фоки» матросы добрались с трудом. Шли две недели, споря у каждого острова, какой держать курс. Когда удавалось попасть на старый след, делали большие переходы. Несколько раз терялось всякое представление, куда итти. Уже недалеко от бухты Тихой, попав в пролив Аллена Юнга, заблудились совсем, и ушли бы скитаться среди мелких островов южной части Земли Франца-Иосифа, если бы не заметили аркообразный айсберг у острова Кетлица, памятный тем, что Седов фотографировал эту игру природы. Матросы не ели горячего четыре дня: вышел керосин. На остановках без горячей пищи спальный мешок не грел настывших тел. Часть собак осталась у брошенного лагеря.

Глава Семнадцатая

...Смотрю на тающую глыбу.

В книге перевернута страница, открылась новая глава. В предыдущей — стремления, страсти, борьба, смерть. Мы с тобой, читатель, читаем смешные и трагические истории, следя за ними с любопытством; прочитав, открываем следующую страницу, почти забыв, что герой женился, забыт, мертв или осмеян. Беремся за новую главу. Потом, захлопнув книгу писанную, принимаемся за интереснейшую неписанную — книгу собственной жизни. Будем смеяться собственным смехом, свое-то горе оценим по-настоящему! А про смерть сам Соломон написал: живая собака лучше мертвого льва.

В клеенчатом переплете — стопка бумаги, исписанной быстрым почерком; в середине ее заметка:

21 марта. Налаживается что-то. Своя забота долит, рук опускать нельзя — беда.

Возобновил приготовления к экскурсии на южный берег. Расчеты и главное сделано давно, но теперь все изменилось. Пойдем не в упряжи, а с запряжкой собак.

Было совещание, по какому руслу направить жизнь экспедиции. Решено, исследовав до лета ближайшие острова, готовиться к возвращению. Все научные наблюдения продолжать в полном объеме. Линник и Пустошный больны: кашель и одышка. Пустошный по временам харкает кровью.

25 марта. Вчера сильный шторм с северо-востока, туман. Сегодня хорошая погода — 25°, слабый западный ветерок. Вышли на юг я и Инютин. Я — в полном здоровьи, про Инютина того нельзя сказать. Цынга еще не прошла, десны кровоточат. Во время усиленной работы у мыса Дэнди-Пойнт, когда нарта плясала по торосам и

кувыркалась, спутник мой плевал кровью и жаловался на боль в пояснице. Что же делать, — со мной пошел наиболее здоровый из команды. Впрочем, он идет с охотой. Мы оба надеемся, что в экскурсии на воздухе он поправится скорее, чем в сырой каюте.

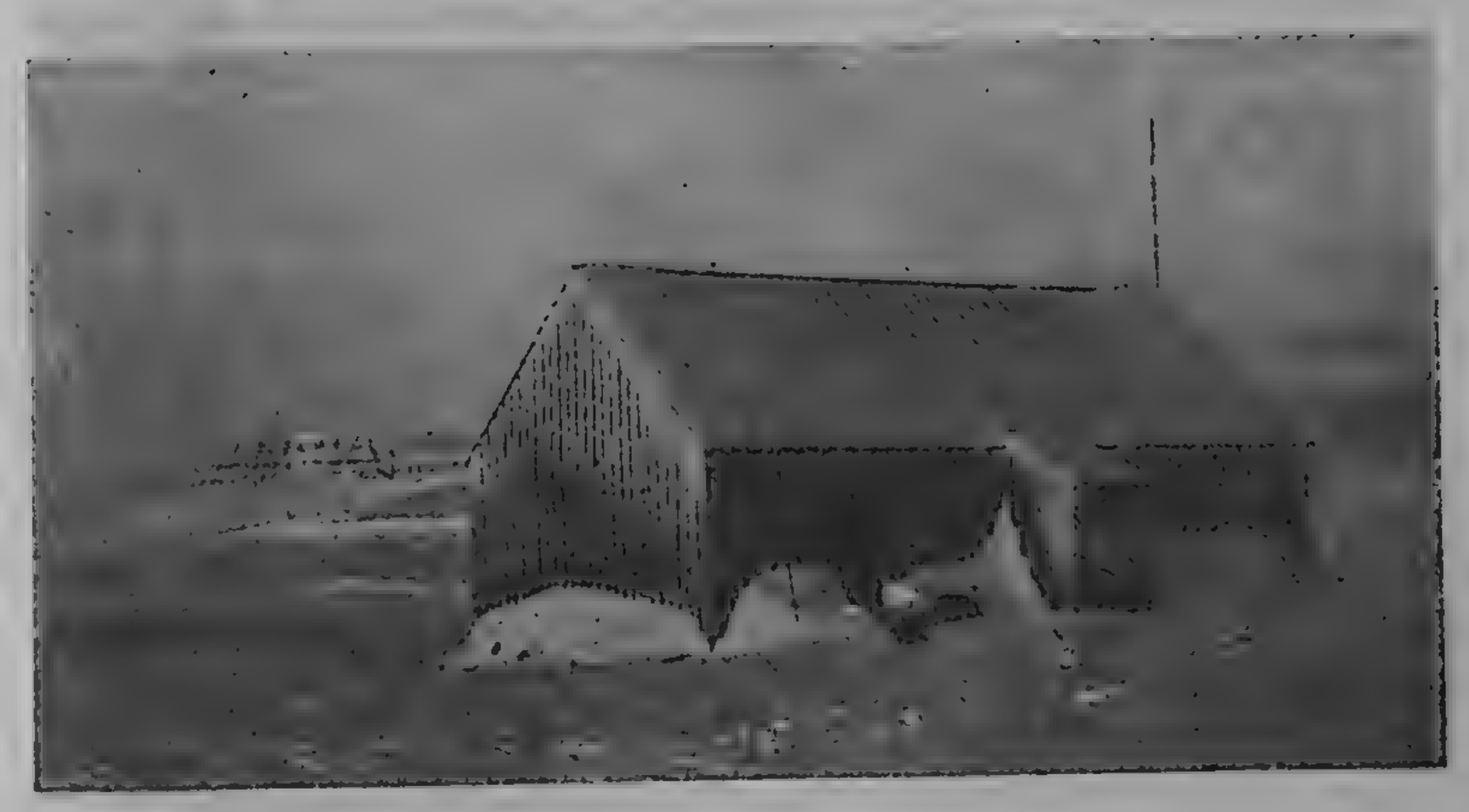

К южному берегу

На мыс Флоры мы пришли вечером 27 марта. Приведя в жилой вид бамбуковую хижину и прикрепив на видном месте записку, я отправился 31 марта на запад, к острову Белль. Посетил «дом Ейры», построенный Ли-Смитом [63] 40 лет назад. Дом отыскать не легко: помещен он в лощине низкого берега, снизу виден один флагшток. Постройка прекрасно сохранилась, доски сохранили еще желтоватый цвет; казалось, дом выстроен два-три года назад. Одно окно без рамы. Внутри пусто. В углу небольшая кучка консервов в жестянках, в другом — остатки угля. На стенах несколько записок — ценные документы. Одна — наскоро написана на заглавном листе какого-то английского романа: обращение Джексона к экипажу нансеновского «Фрама»; на стене против окон в жестяной коробочке

собственноручное письмо Ли-Смита о гибели «Ейры» и о намерении его плыть на Новую Землю в лодках. На стене много надписей карандашом: они сделаны участниками экспедиции «Ейры», Джексоном и Уэлманом.

Мы ночевали в этом доме. На другое утро, поместив рядом с запиской Ли-Смита свою — о положении экспедиции, — я покинул дом. С 2 по 5 апреля мы пробыли на мысе Флоры, отыскивая в окрестностях плавник, чиня хижину и пережидая налетевший шторм. У меня была еще задача: по поручению фокинских табакуров дол-

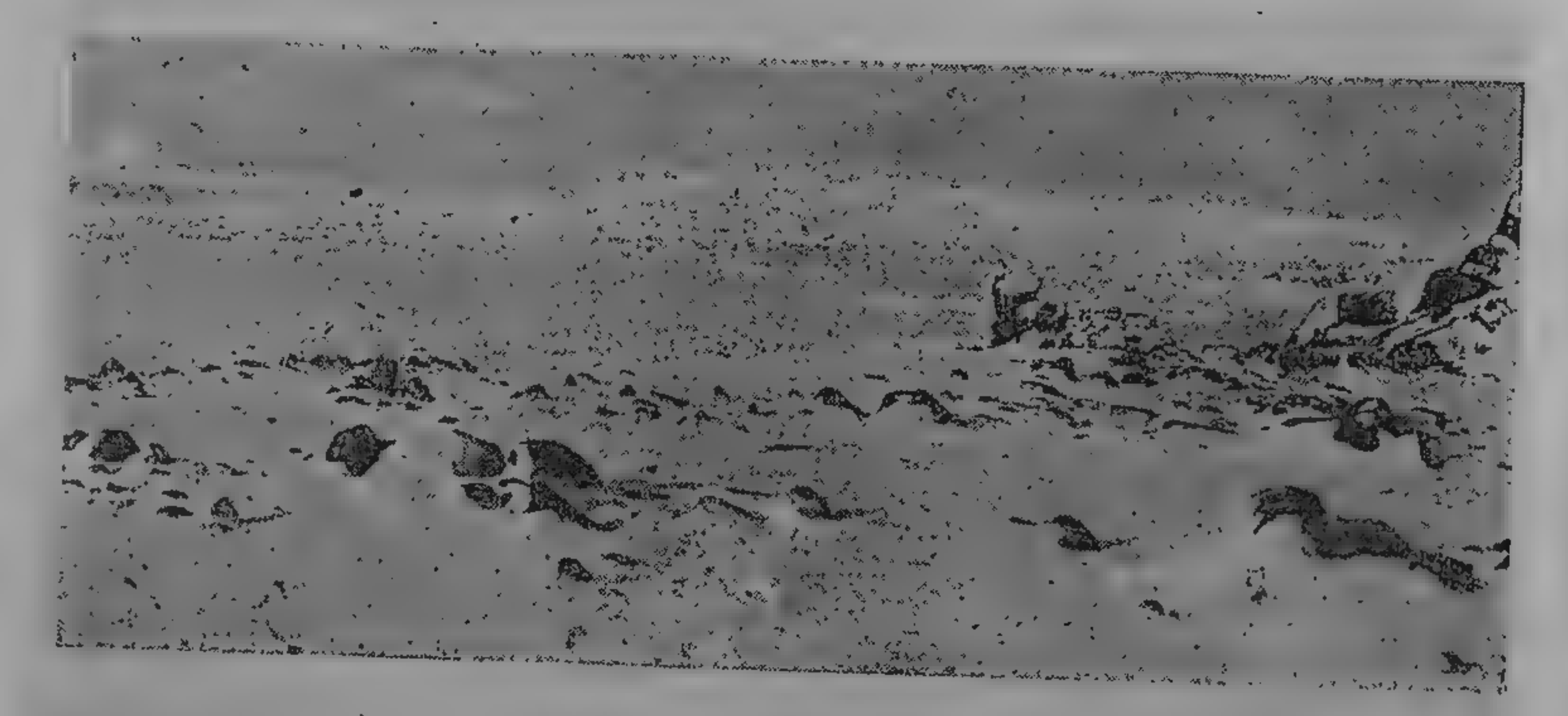

Дом Эйры

жен был поискать как следует в хижинах, не осталось ли там табачку. Я перерыл весь мусор в постройках, но нашел немного: одну жестянку американского трубочного табаку, сильно подмоченного. Во время поисков мне попала в руки стопка бумаги — дневник одного из матросов экспедиции Циглер-Фиала, злободневное стихотворение и история той же экспедиции в ряде карикатур. В дневнике я прочитал подробности крушения «Америки» в Теплиц-Бай, описание тяжелой зимовки на земле Рудольфа и переселение к югу в спасительные избушки Джексона. Дневник обрывается внезапно. На койке, где я нашел тетрадь, беспорядочно разбросаны одежда и всякие принадлежности полярного обихода; видно, обитатель койки

не долго собирался, когда пришел корабль. Еще верней предположить, что, не взглянув на опостылевшее ложе, он оставил там все как было.

Шестого апреля я был на «Фоке». Во время тринадцатидневного путешествия я и Инютин получили полное представление об условиях путешествия в эту суровую пору. В первый же день морозный ветер сжег наши лица. Когда температура опускалась ниже тридцати градусов и поднимался ветер, мы зябли при малейшей остановке, — на ходу мороз нас не страшил; только один раз при крепком ветре с 32-градусным морозом мы принуждены были оста-

Вид на о. Белль с м. Флоры

новиться и спрятаться в спальный мешок: наши члены стали терять чувствительность. По ночам в такую погоду мы не могли согреться в мешке часа два. Потом, когда мешок оттаивал и наполнялся теплом наших тел, крепко засыпали. Инютин вернулся совершенно здоровым, десны перестали кровоточить, исчез тяжелый запах изо рта. Я приписываю наше хорошее самочувствие исключительно правильному питанию.

Моя суточная порция весила вместе с керосином 975 граммов. В нее входили:

Сухари	300 г
Мясной порошок или сушеное мясо	150 г
Масло и сало	100 г
Сахар	100 г

Шоколад	100	г
Какао	35	г
Чай и клюквенный экстракт	5	г
Сухое молоко	55	г
Сушеный картофель	30	г
Сушеная зелень для супа, чеснок, лук и перец	10	г
Соль	5	г
Керосин	85	г

В дни тяжелой работы наш паек расходовался целиком, а в дни, проведенные в палатке, — оставался даже излишек. Меню однообразно. Утром мы приготовляли наскоро какао и мясной порошок с маслом и сушеным картофелем; в полдень — в дни переходов — плитка шоколада на ходу или во время краткого отдыха собак. Вечером, раскинув лагерь, мы варили обыкновенно бульон из сухого мяса и ели его с сухарями. Пред самым сном выпивали 2 — 3 кружки чая, иногда кипяток, в котором размешана ложка молочного порошка. И чай и бульон мы пили горячими, насколько можно вынести, почти обжигаясь, чтоб сразу же, нырнув в «мешочек», поскорее согреться. Для большего разнообразия я брал с собой несколько порций мясного консерва — гороховый суп; им и рюмочкой спирта мы отмечали праздники.

На «Фоке» за время нашего отсутствия перемены к лучшему: в постели только Коршунов и Коноплев, остальные больные поправились. Все новости — охотничьи: появились медведи. Рано утром 29 марта один подошел к самому борту. Лебедев, заслышав отчаянный лай Пирата, выбежал на палубу и застал интересную сцену. Привязанный Пират, забыв про цепочку, в охотничьем азарте прыгнул за борт и повис. С другой стороны, привязанные же медвежата на дыбах, в страшном волнении, стонущие, плачущие. А посредине у борта — виновник переполоха тоже на дыбах в очевидной нерешительности, как буриданов осел между двумя стогами сена, раздумывает, за кого ему раньше приняться — за собаку или за родичей?

Лебедев вернулся в кают-компанию за охотниками. Кушаков поспешно выбежал и выпалил в медведя почти

в упор. Не понять по рассказам, как это случилось, Кушаков в медведя не попал, но перепугал несчастного мишку до крайности. Оставляя за собой желтую дорожку, медведь во весь дух понесся в гору. Штурман видел всю сцену, но не мог сразу остановить медведя: закапризничал ружейный затвор, выстрел раздался в то время, как зверь уже успел отбежать шагов на 50. Раненый в ногу пошел медленнее. Винтовка штурмана не дальнобойна, Кушаков же был «в ударе» и продолжал палить с прежним успехом. Выбежали остальные. Без собак задержать зверя не так-то просто; он быстро скрылся.

В один из следующих дней Визе повстречался с медведем один-на-один. В этот день географ работал с теодолитом на съемке противоположного берега. Визе взошел на холмик морены и сосредоточил все внимание на смеси горных пород, из которых она образована. Подняв голову, исследователь увидел в нескольких десятках шагов медведя. Мишка был занят своим делом — обнюхивал снег. Могло статься, медведь не обратил бы внимания на коллегу по исследованию бухты Тихой, если б тот сидел спокойно. Но географу показалось: медведь неминуемо должен почуять. После некоторых размышлений Визе решил встать в угрожающую позу и закричать посвирепее. Он читал где-то, что внезапным криком можно испугать медведя.

Визе был без винтовки, его единственное оружие — малокалиберный револьвер. И вот, вынув оружие, географ принялся махать руками и закричал как мог страшнее. Медведь сразу оглянулся, повел шеей и начал набирать носом воздух. Запах, видимо, понравился, — немедленно резвым галопом зверь побежал прямо на Визе, вопящего на самых высоких нотах. У подножья холмика медведь приостановился взглянуть, с кем дело имеет. Визе прицелился и выстрелил — больше для устрашения. Медвежьи нервы оказались крепче, чем предполагал географ, — как будто выстрела и ожидал противник. Как кошка полез он на крутой склон. Намерения мишки, — рассказывал Визе, — выявлялись слишком очевидно. Несчастный явственно видел, как из сладострастно раскрытой пасти тянутся медвежьи слюнки, а фиолетовый язык нежно подбирает их.

Визе не опомнился— медведь оказался шагах в трех: клубы дыхания почти достигали лица. Быстро оставив угрожающую позу и прекратив «свирепый» крик, Визе принялся выпускать под ряд заряды из револьвера. Медведь с ревом скатился с откоса и, ворча, медленно побрел прочь. Он, очевидно, был ранен. Преследовать медведя, имея один патрон в обойме, Визе не решился.

В. Ю. Визе

31 марта Визе посетил о. Скотт-Кельти. Бывший с ним Пират загнал на высокий откос медведицу с медвежонком, бродивших по острову. Лай Пирата услышал Кушаков. На этот раз наш страстный охотник вернулся с первой добычей. В день моего прихода Визе убил медведицу в берлоге.

Теперь на корабле два новых питомца — медвежата Нансен и Джексон.

Описывая жизнь ничтожного кусочка вселенной, где человек еще случайный посетитель, хотелось бы нарисовать точную картину и правдивую, насколько наблюдения живого человека могут приближаться к существую-

щему в действительности. Я не отступлю от правды, сказав, что до момента, когда надежда скоро вернуться домой вспыхнула слишком ярко, все старались работать попрежнему, в некоторых же случаях даже напряженней, — хотелось округлить наблюдения: ведь скоро им конец. Я пишу: «старались», желая напомнить, что восход солнца, так подбодривший всех, в сущности не изменил условий работы: от солнечных лучей они не стали лучше. Помещения наши оставались такими же сырыми и холодными, теснота и неудобства даже увеличились с тех пор, как мы покинули каюты в коридоре. В дневнике я нахожу иллюстрацию, как приходилось приспособляться даже к самой пустяковой работе.

9 апреля. Войдя в лабораторию, я ахнул: там стен не видно! За время моей отлучки все оледенело. Работал до поздней ночи: сняв полки, отламывал кусками лед и осторожно выколол бутылки. Оттаяв их на кухне, вылил содержимое, вымыл, вернулся в лабораторию, сколол весь лед — 10 больших умывальных тазов, оттаял фонарь, переменил красную бумагу на нем, высушил все помещение примусом, растопил воду, составил проявители. Началось проявление. В лаборатории — 2° Ц. Под красным абажуром на столе спиртовая лампочка. Нагревая на ней раствор до 18°, начинаю проявлять. Не успевает изображение показаться, раствор охлаждается, — проявление остановилось. Кладу пластинку в ванну с чистой водой, плотно закрываю красной материей и книгой, снова подогреваю проявитель и проявляю в течение 2—3 минут, пока проявитель сохраняет теплоту; когда он охлаждается — новое подогревание. Каждая пластинка отнимает больше часа...

Утром 11 апреля матросы заметили у полыньи медведя. Приблизившись к месту, где собаки атаковали медведицу с взрослым медвежонком, и заметив, что они вдвоем сильно портят собак, я решил прикончить мамашу поскорей. Шагах в тридцати лег на снег и, держа голову зверя на прицеле, стал выжидать удобной минуты. Скоро медведица присела и, сильно нагнув голову, приготовилась к прыжку. Собаки разбежались. После моего выстрела медведица прыгнула, упала, но скоро поднялась и побе-

жала. В том месте, откуда она сделала прыжок, лежал Ободрыш, одна из лучших собак: пуля, пронзившая шею медведицы, задела его. Я не мог видеть несчастного, — во время выстрела он находился за медведицей. Добив раненую, я направился в Ободрышу, — он был мертв.

Медвежонка, отбивавшегося не хуже взрослого, мы взяли живьем. В тот же день я убил еще медведицу, замеченную Визе во время съемки. Ее медвежонка загрыз кровожадный Варнак.

С начала второй декады апреля погоды резко изменились. После пяти месяцев стужи с постоянными северными ветрами вдруг потянуло теплом с юго-запада. Мы готовы были поклясться, что температура не ниже нуля, — так резка была перемена. На самом деле оказалось —13° Ц. 6 апреля оттепель дошла до — 4° Ц.

Наконец, настало время оттаять и моим художественным склонностям. Уходя на работу, я каждый день видел, как оживала палуба «Фоки». Больные, поправляясь, принимались за легкую работу, сгребали с палубы снег, бродили к полынье или играли с медвежатами, — их в это время было шесть: Полынья, Торос, Васька, Нансен, Джексон и Балда. Последний — годовалый медвежонок,— свое неблагозвучное имя получил от матросов, — они сомневались в умственных способностях Балды: при поимке Инютин хватил его доской по лбу, «чтоб оглушить». Этот, настоящий зверь, сидит на толстой цепи. Собаки к нему не подходят, а люди — только с крепкой палкой.

После нескольких недель тепла полынья в бухте Тихой сильно расширилась. В начале апреля мы впервые застрелили нескольких кайр (Uria lomvia lomvia L). [64] Эти важные птицы прилетели еще в конце марта, но не удавалось убить ни одной: они держались на высоких уступах Рубини-Рока. Тогда же показались слоновокостные чайки (Pagophilia eburnea), а неделю спустя мы увидали глупышей.

С конца аперля до половины мая Визе делал подробную съемку о. Гукера и островов к северо-востоку от него. Он нашел много неправильностей в расположении этих островов на карте, — расхождение тем более удивительное, что экспедиция Болдуин-Циглера, описывавшая острова, зимовала поблизости; эти острова — окрестности ее зимов-

ки. Визе нашел даже на о. Альджер становище экспедиции. Все три досчатых дома сохранились вполне хорошо. Наш географ не мог проникнуть внутрь построек: они наполнены снегом почти доверха. Во время путешествия Визе убил медведя. »

Кайра (Uria lomvia lomvia L.)

В начале мая бухта Тихая подверглась нашествию медведей.

Первый появился 4 мая. Я писал этюд у полыньи в километре от корабля. Этот не походил на труса! Гоня перед собой Пирата с Разбойником и не удостоивая их взглядом, этот бродяга держал прямо на меня. Не доходя шагов двести, он остановился и стал тщательно принюхиваться. В подтверждение старой фокинской при-

-меты со мной не оказалось винтовки, чтоб сразу же отбить охоту мешать художникам, — уходя с корабля, я взял дробовое ружье для стрельбы по кайрам, летавшим с полыньи к Рубини-Року. В патронташе лежали две пули для гладкоствольного ружья. Я попробовал выстрелить, но очевидно расстояние было слишком велико для круглой пули. Медведь, не удостоив взглядом фонтанчика, взброшенного ею, побрел к полынье и бросился в воду. Считая, что противник сыт и меня оставит в покое, я принялся за работу и скоро забыл о случившейся помехе.

Прошло с полчаса. Заканчивая этюд, я случайно оглянулся и увидел того же медведя на старом месте. Снова выстрелил в него и снова пуля не долетела; но на этот раз медведь не ушел, а стал приближаться, осторожно заходя на ветер.

Я понял: работы мне не кончить. Художник осаждаем по всем правилам медвежьей стратегии. Около «Фоки» копошились люди. Сначала никто не обращал внимания ни на выстрелы, ни на самого меня. Однако, когда медведь, совершая обходное движение, вышел на темный фон Рубини-Рока, на «Фоке» закопошились. Через полчаса подбежал Павлов. Впопыхах он захватил вместо моей винтовку Седова, которую я ни разу не держал в руках. Медведь, завидя людей, повернул к полынье и поплыл на ледяное поле в середине ее. Мы рассмотрели в бинокль, что зверь на редкость велик.

Охота началась в шесть часов вечера. Только во втором часу, когда я был мокр с ног до головы, а Павлова и до крайности продрогшего Пустошного сменил Инютин, собаки загнали медведя на вершину стометрового откоса на острове Скотт-Кельти. Под конец охота приобрела опасный характер. Матерый, хладнокровно разгонявший собак, зверь залег под лавиной вверху откоса и лениво шипел. Взобраться на крутой откос, не имея хороших когтей, — сложное дело. Около часа мы рыли ступеньку за ступенькой в оледенелом снегу. Прочно утвердившись шагах в тридцати от медведя, я выстрелил в голову. Потом оказалось: пуля, пробив скулу, не задела мозга. После выстрела подумалось: «с чужим ружьем плохая охота!» Положение было таково: на крутом и скользком склоне два охотника с одним ружьем, над головой у них легко ра-

ненный медведь приготовился к прыжку. В обойме ружья последний патрон, а — хуже всего — выстреленная гильза застряла. Выручили собаки. Разбойник тотчас после выстрела вцепился в шею. Медведь отряхнулся, Разбойник полетел вниз кувырком, но прыжок был задержан. Мы поняли: останься мы тут же, медведь неминуемо сбросит нас вниз, даже в случае, если следующий выстрел будет смертельным. Отошли в сторону на несколько метров и встали за низкой скалой, высунувшейся из снега. Оттуда я послал последнюю пулю. Попал удачно — в ухо. Зверь стремительно полетел вниз, ударился сразмаху о скалу, за которой мы прятались, взметнул тучу снега и, крутясь, как ком снега, рухнул дальше без задержки. Мы спустились. Медведь был жив; бессознательными движениями он задевал собак. Охоту пришлось окончить при помощи ножа.

Добыча стоила восьмичасовой погони, — огромнейший самец: от носа до хвоста 2 метра 60 сантиметров.

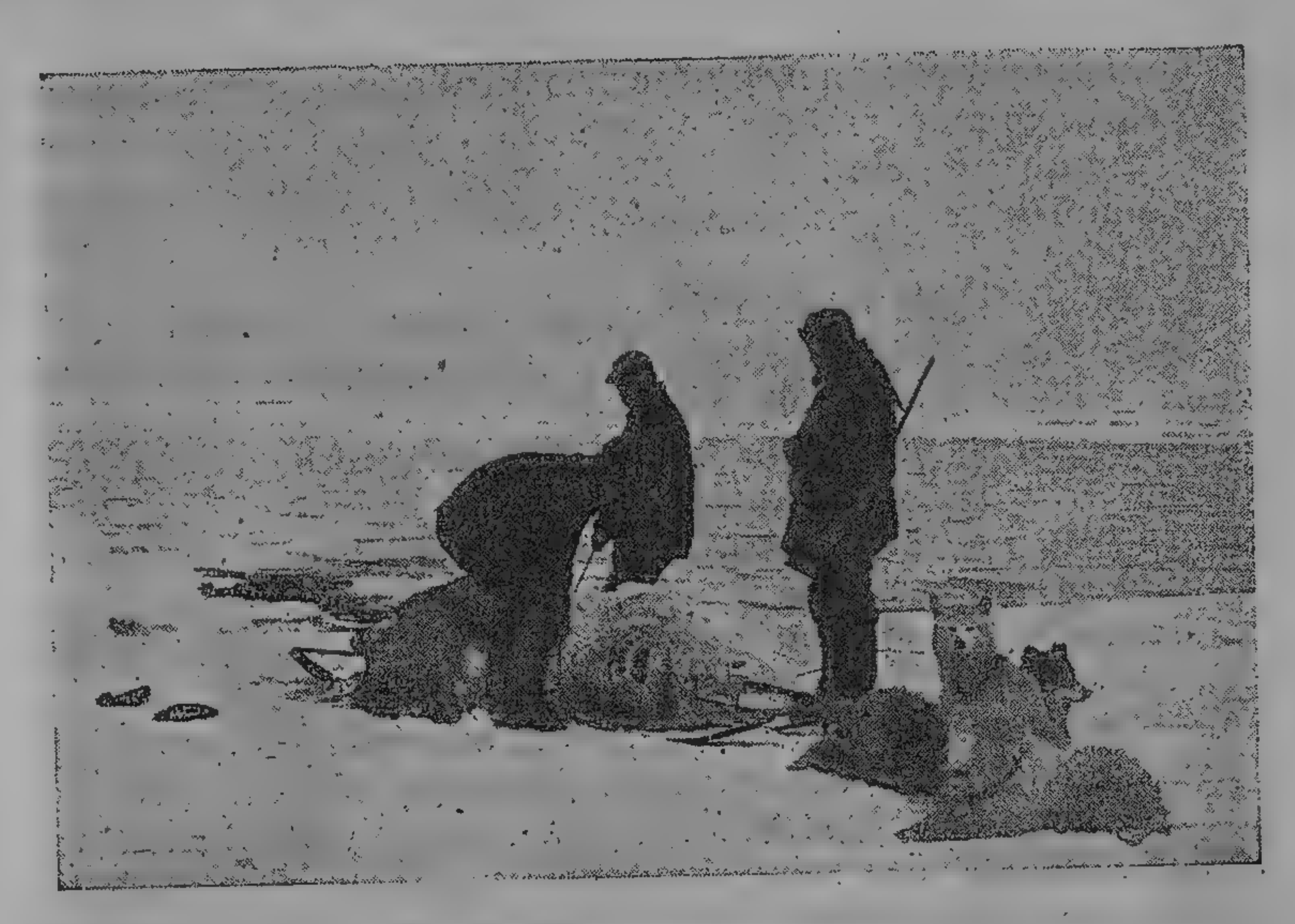
Следующий медведь подошел к самому судну ранним утром через день. Лебедев сильно ранил его. Выбежав в одном белье, я одним выстрелом прикончил посетителя. В то же время другой бродил у полыньи. Пока я одевался, за ним погнался Кушаков. Этот — спасся в полынье.

Восьмого мая, только что закончив свою работу, я заметил у полыньи медведицу с взрослым медвежонком. Приблизившись шагов на полтораста, я лег на лед и стал наблюдать. Медведица учила медвежонка нырянию. На бегу она оглядывалась, звала детеныша, скрывалась в туче радужных брызг, вылезала и подталкивала непонятливого ученика. В разгар упражнений мамаша заметила меня и повела питомца в сторону проливов. Я отпустил семейство без выстрела. Мяса у нас достаточно.

День был солнечный, с тишиной и миром. Павлов видел с горы всю сцену и потом за обедом разглагольствовал:

— Прелестный день, солнышко греет, блестит вода и видать, как скотинка пасется.

В ночь на 11 мая во втором часу я вышел на палубу и не сразу заметил, что меня пристально рассматривает

Медведь, убитый 13 мая

Михайло Иванович, розовый от низких солнечных лучей. Я тихонько попятился и скользнул за дверь, торопливо накинул пиджак и, натянув сапоги, вышел с ружьем. Медведя уже спугнул Пират. Вскоре медведь устыдился своей трусости и стал гоняться за Пиратом. Я прервал эту охоту выстрелом. Мне казалось, я сделал промах, — медведь продолжал гнаться за собакой. Пробежав десятка четыре метров, он вдруг свалился, как подрезанный, не пошевельнув ни одним членом. Пуля пробила сердце. Через полчаса увидали еще двух медведей, плававших на льдине. Шагах в пятистах мы открыли стрельбу и тяжело ранили обоих. Кушаков с Пустошным добили одного, другой уплыл на льдину, окруженную со всех сторон шугой, и там издох.

Через день среди ночи всех поднял на ноги огромный зверь. Я убил его у края полыньи. Катаясь в предсмертных судорогах, медведь свалился в воду. Сильный ветер быстро понес его от берега. Пока сбегали на судно и доставили шлюпку, туша исчезла.

Тринадцатого мая я сидел с этюдным ящиком у полыньи. Опять случилась помеха — медведь. Этот без колебаний шел прямо на меня. Но и я был с винтовкой. Подпустив незванного гостя поближе, я убил его двумя выстрелами.

Этюд я все же сделал. Я зарисовывал Бродягу.

Бродягой мы окрестили большой айсберг, вечно скитавшийся по бухте. Свое название он получил еще с осени; весной мы собирались переименовать его Ледоколом Ермаком. Вся полынья — работа Бродяги. Айсберг иногда по неделе стоял неподвижно, потом внезапно приходил в движение и, касаясь краев полыньи, принимался крошить лед. Особенно красиво движение айсберга, когда он, проплыв полынью из края в край, врезается в берега ее, — размолотый лед тогда пеной опоясывает бока Бродяги, а следом протягивается длинный канал. Странно видеть, как шестидесятиметровая глыба, похожая на голубой корабль без мачт, начинает дробить лед, двигаясь против сильного ветра. На первый взгляд такое движение кажется совсем непонятным. Нужно вспомнить, что пресный лед сидит в морской воде на $^{7}/_{8}$ своей толщины, — по этой причине всякое давление на подводную часть айсберга должно давать эффект, во много раз больший, чем такое же давление на часть надводную. [66]

Резко оборвавшиеся холода больше не возвращались. С удивлением мы замечали, что климат ранней весны Земли Франца-Иосифа мягче новоземельского. Ранее началось таяние снегов. По льду проливов Новой Земли мы беззаботно ходили до половины августа, — здесь лед, разъеденный сильными течениями, рано ослабел. Во время моей экскурсии на южный берег о. Гукера совместно с Павловым во второй половине мая мы принуждены были возвратиться раньше срока. В одном месте Де-Броинезунда я внезапно провалился в воду и только тогда заметил, что некоторое время шел совсем не по льду, а по толстому слою плотно слежавшегося снега, висевшего над водой. Лед под ним разъеден без остатка. Предполагалось обойти весь берег Гукера. Мы вышли слишком поздно: лед у юго-восточной оконечности был очень слаб и для путешествия на санях непригоден. Возвращаясь, мы говорили: «неужели весна?»

Да, начиналась настоящая весна. Вытаивали камни, медленно, очень медленно, но обнажались склоны гор и в оттаявших местах уже вязла нога. Ветры умерили свое дыхание, между горою и нами повис тонкий пар. Стал часто набегать туман. Когда показывалось солнце, слегка пригревало.

Задорно и весело щебечут в эту пору снежные жаворонки, резво перепархивают по проталинам и проливают трели, взмывая кверху. А на проталинах — первые точечки-травинки.

Лагерь на южном берегу о. Гукера

«Взъерошенными, с трепетом тонких крылышек, токуют серые комочки — кулички-песочники — и пляшут около самок. «Плью-плью-плью, тлюпнь — кликк, кликк» — с таким боевым криком вступают в бой с соперниками, таким же и прельщают. Страстно стонут в пресной луже белобрюхие самцы гаг, а серые самки кокетливо-безразлично охорашивают перышки и приоткрывают крылья. Стайка гусей в вышине вливает свои крики в хор у нашего становища.

«А хор велик и многоголосен. Выше прибрежной равнины

Ледник со смещенными годовыми слоями (южный берег о. Гукера)

и склона горы — грозная стена базальтов. На ней день и ночь журчит беспрерывным, неразборчивым шумом неустанное гоготание маленьких люриков. Мы привыкли, почти не слышим ни его ни дальнего курлыканья кайр, не замечаем и шороха льдин на полынье. Ведь все это так же беспрерывно и монотонно, как тикание маятника или городской шум. Только заслышав отдаленный крик моржа, густой и гулкий, прислушаешься и разберешься в отдельных голосах полярного весеннего шума.

«Прелестны первые весенние дни, кипуча жизнь и манящa. Но... что же нужно человеку! Что насытит?

«Вот здесь пред нами осуществленная мечта, — мы цари это белой страны. Но мысли людей не царственны. Радуемся солнцу и теплу с тоской, — все мысли там, на далекой, бесконечно далекой родине, той самой, от которой ушли. Она зовет к себе гусиным гоготаньем, щебетаньем пташек, живым шумом ручьев под толщей снега и синью горизонтов...»

Так я писал 2 июня.

Этот день отмечен у меня очень странным концом охоты. Медведь шел к «Фоке» от Рубини-Рока. Ветер дул прямо

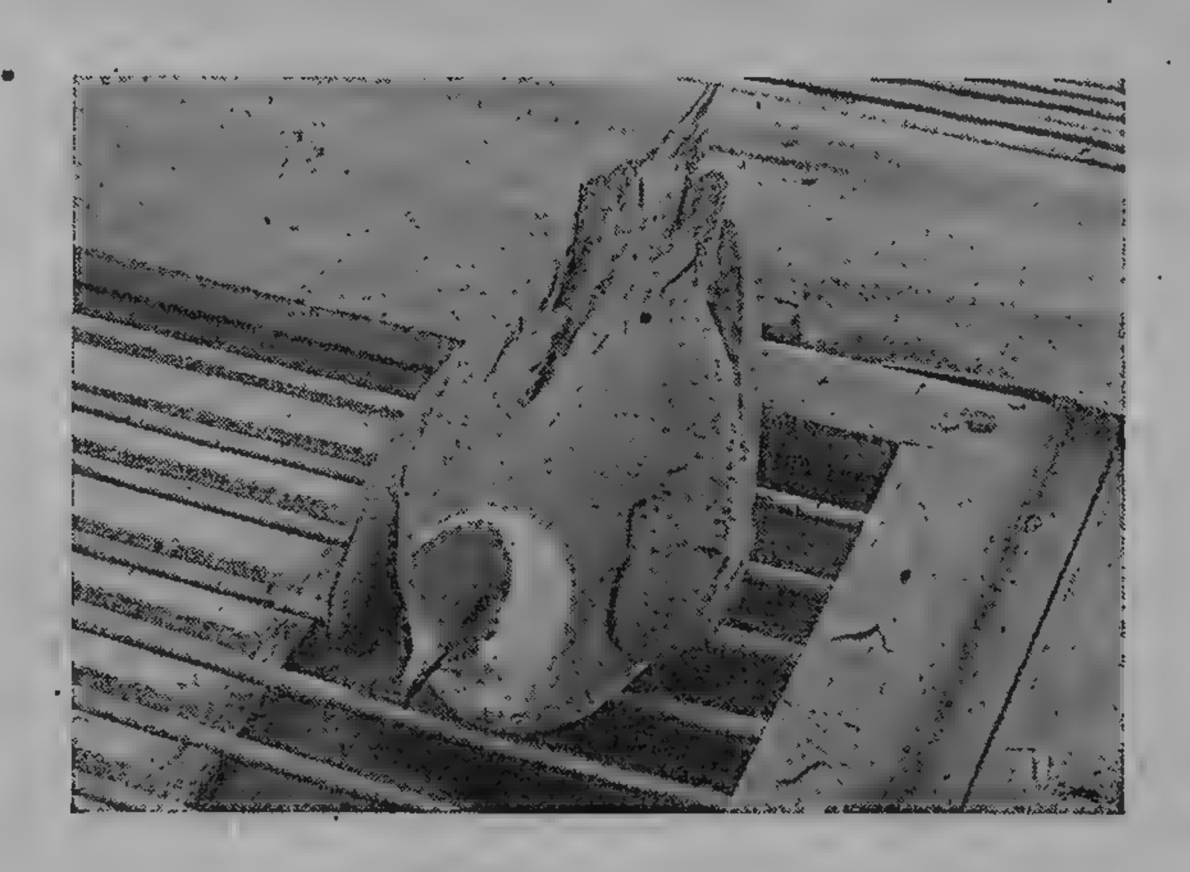
на гостя, все запахи «Фоки», конечно, были слышны. Мишка бежал неуклюжей рысцой, а когда залаяли собаки, наддал до галопа. Вероятно, легкомысленный медведь скоро пал бы жертвой любопытства, если бы не накинулись две собаки, сорвавшиеся с привязи. Медведь повернул, отбежал к Рубини-Року и спрятался в полынье, потом нырнул в канал и, одурачив таким образом собак, вылез на лед. Только долгое время спустя Разбойник отыскал медведя и погнал на меня. Стая псов окружила его. Спасаясь от собак, мишка взобрался на глетчер Юрия. Я поднимался на глетчер без торопливости: путь к полынье отрезан. Вдруг медведь исчез, как растаял в воздухе. По леднику бегали стайкой собаки, растерянно осматривались по сторонам и тявкали. Подойдя, я понял, что медведь провалился в широкую трещину: следы доходили до темной ямы в снегу. Я заглянул в провал — в глубине ни звука. Повидимому, медведь убился на смерть.

3 июня. Прекрасный тихий день. Вылезли на солнце больные, их трое: Коршунов, Коноплев и Шестаков. Все они на вид вполне здоровы, но не могут ходить, — ноги сведены — последствие цынги. Шестаков ходит с палкой, остальные передвигаются, опираясь руками наподобие человекообразных обезьян.

В эту весну моя работа значительно успешней. Погода сравнительно мягка. Приспособившись к холоду, я подолгу пишу, не отрываясь, и забываю все. Только изредка отведя глаза, слежу, как из-за обрыва горы белым привидением показывается бургомистр, большая хищная чайка. Веселый крик люриков тогда смолкает: вся мелочь прячется в расщелины скал или, взлетая резвыми стайками, забирает высоту. Чайка находит жертву, поднимается ужасный крик. Стайки, улетевшие в небо, быстро спускаются и стараются отбить своего. Но крепок клюв хищницы, она спокойно летит терзать добычу. Птичий крик унимается: все уже забыли попавшую в когти. И снова опускается ровный занавес птичьего говора, на котором тявканье собаки, стук топора и крик человека так резки и чужды. Сижу часами. Пролетают мимо загадочно-молчаливые буревестники-глупыши, косят на меня водянистый глаз. Потом садится рядом резвый люрик и, прочистив лапкой клюв, весело смеется надо мной.

17 июня. Целый день работал у Рубини-Рока. Фотографировал птиц. Там крики их оглушают. Перешеек весь вытаял. Я поймал себя на занятии, для взрослого совсем неподходящем: задумавшись, бродил взад и вперед, размешивал ногами жидкую грязь перешейка.

19 июня. 13 июня свирепствовал сильный шторм. Он сильно расширил полынью. В проливе Миерса и в Британском канале вскрылись значительные пространства воды.

Поморник (Stercorarius parasiticus)

20 июня. Моя работа и здесь протекает главным образом в ночное время. Неподвижно сижу часами и слушаю все голоса. Часам к 11 слегка затихает птичий гомон, — нырочки неподолгу дремлют, тогда яснее курлыканье важных кайр на каменных стенах. По ночам много птиц слетает кормиться на полынью. Прилетают ненадолго чайки. Появились новые птицы. Сегодня видел красногорлого нырка. Штурман убил двух черных гусей-казарок (Branta bernicla glaueogaster Brehm), я ранил сероголовую чайку-поморника (Stercorarius parasiticus).

После ночной работы прогулялся к Рубини-Року собрать ложечной травы «к завтрашнему гусю». Несколько дней назад я принес целый ворох ее для больных (траве приписываются противоцынготные свойства). Салат из травы имел успех не только у больных, — в самом деле,

он чрезвычайно вкусен. Павлов клялся честью предков, что «лучшего салата не найти и у О'Гурме».

21 июня. Сегодня дневная работа. После работы устроил прогулку на санях и каяке вдоль берега Гукера. Там, где можно плыть, я грузил сани на каяк, а встретив лед, ставил каяк на сани. За четыре часа сделал 16 километров. Я плыл мимо айсбергов с черно-синими выступами на громадной глубине, проходил под прозрачными арками других, где с хрустального свода падали звонкие капли, взбирался на плоские льдины с яркозеленой подошвой и плыл близ самого ледника под его нависшими стенами.

Близ Долины Молчания — мелкое море со дном, покрытым галькой. Как бедно здесь море! Ехал по небольшой глубине километра полтора и за все время видел только два вида водорослей, пару морских звезд, морского ежа да бесчисленные стаи крошечных рачков-капшаков. По дороге застрелил трех кайр, шесть чистиков [67] и двух люриков, занимавшихся охотой за рачками. Любо смотреть, как птицы гоняются за стайками, машут в воде крыльями мягко и сильно, летая в жидкой сфере, как по воздуху.

25 июня. Сегодня, погнавшись за серым гусем (Anserbrachyrhynehus), подстреленным Максимычем, доехал на каяке до Долины Молчания. Свое мрачное название долина получила от меня зимой. Теперь там птичьи крики и говор ручьев. По пестрому от остатков снега уклону поднялся на гору. Между скал я нашел первые яйца маленьких люриков. День тих и тепел. Тонкие слои тумана.

29 июня. Туманные, тихие дни. Температура достигла 0° и даже держится немного выше. Когда солнце проглядывает или шлет лучи сквозь тонкий газ тумана, становится жарко.

Теперь питаемся почти исключительно птицами. Число застреленных уже перевалило за 4000. Наши гастрономы предпочитают чистиков и кайр даже медвежатине. Мясо здешних птиц, особенно чистиков, действительно вкусно. Главные охотники на птиц Пустошный, Кизино и Кушаков; Максимыч специалист «по гусям». Часто от края полыньи отваливает каяк и тонет в туманной мгле. Сегодня и я выбрал время пострелять на полынье. Кайры на воде совсем не пугливы. Часто подплывают к каяку рассмотреть его подробнее. Другой раз, занятые погоней

[illegible]

за какой-нибудь особенно увертливой креветкой, ныряют под каяк, не обращая внимания ни на него, ни на человека. Ныряя, часто уходят на большие глубины, теряются из глаз. Следя за птицами, я мало-помалу доехал до о. Скотт-Кельти — полынья касается его.

Вытаивает остров, пестрит обнажившимися буграми. Везде лужи и ручьи, мокрый мох хлюпает, словно в болоте. Будятся забытые ощущения, иной раз почудится, что тут совсем такие же проталины, как там, на родине. Потом натолкнешься на медвежий след. Нет, ты не дома, он далек. Когда увидишь его?—лишь в мечтах близки расстояния! «Мечтай, мечтай о доме, о красоте, о сладких днях свидания».

В душе борются две силы. Одна, — жадная к неведомому — душа пустынножителя; ее все новое радует: каждая струйка воды, пробивающаяся по проталине вязкой и парной, новая свернутая былинка, еще не сошедшую пленочку снега буравящая, устрашающий крик пичужки-люрика, топорщащего перья у гнезда, или жалкий комочек самки куличка, от снесенных яиц отводящей. И тихое безлюдье, где нет и призрака межчеловеческой борьбы, превращающей землю в мир страданий, горя и слез, отнимающей от миллионов живущих подлинную радость жизни, какую здесь имеешь ты и каждая былинка, пичужка. И свобода.

Другая сила — тянет к гнезду, которого здесь не найти, как не найти его птице, заблудившейся в море. Манит призраками вечного искусства и простого человеческого счастья, напряженной борьбы за него.

4 июля. Нужно отметить постоянство климата Земли Франца-Иосифа. Температура поднимается очень медленно, но равномерно. Теперь она держится на + 1° Ц. Это температура воздуха, на земле значительно теплей, а зачерненный термометр на сухом мху показывает до + 20° Ц. Черные предметы — камни и скалы,—нагреваясь на солнце, вытягиваются из-под снега, распространяют тепло; быстро растут проталины, — и вот все это медленное превращение дает иллюзию будущего расцвета лета. Все бродят целыми днями по клочку земли, пощаженной льдом, и тут на малом пространстве ее находят новое и новое. Мы многого лишены, но и нашли не больше ли? Какая отрада ставить ногу

на теплый камень. А лечь на мягкий мох животом и следить за жизнью трех-четырех видов букашек, бестолково толкущихся в солнечном луче! Приподнять плоский камень и, найдя там личинку, наблюдать ее превращения, смотреть, как у тебя на глазах распускается крохотный цветок, поймавший луч не уходящего на ночь солнышка.

11 июля. Воздух насыщен парами. Редко, совсем редко, рассеивается туман, освещение мутно и однообразно. Но когда пробивается солнце — как радостны краски! Один такой час застал меня на Рубини-Роке. Южный скат его — весь под бархатным ковром ложечной травы, лютиков и камнеломок. Под черными скалами сухо и тепло, нет ни кусочка снега. Вверху многомиллионный птичий город.

В каменистых россыпях гнезда люриков на каждом шагу. Часто между обломками камней виднеются перышки: тут лаз наседок. Некоторых, просунув руку в щель, я брал руками, потом опять садил на гнездо. Повыше, в трещинах обрыва, гнездятся чистики, еще повыше, на базальтовых ступенях, — семейства кайр, а выше всех на неприступной высоте — гнезда громадных чаек-бургомистров. Один раз, когда я взобрался на высокую скалу, такой чайке показалось, что гнездо ее в опасности. С угрожающим криком бургомистр пал на меня, как будто бы ему хотелось пробить мой череп могучим желтым клювом. Скользнул над самой головой: я слышал звук дрожания перьев на крылах и ощутил на лице дуновение. Бургомистр несколько раз атаковал меня, я должен был держать над головой треножник аппарата, чтобы защитнику гнезда не вздумалось выклевать мои глаза.

В этот день я долго лазил по склонам и россыпям, перебредал пресное озерко на перешейке, фотографировал гнездо веселой пуночки и ее птенцов — пресмешные создания, слабые настолько, что при попытке сделать несколько шагов они непременно спотыкались о собственную голову, вооруженную клювом по росту непомерным.

В заключение своей работы я должен был снять цветною фотографией кое-какие цветы, — тут особенно крупны полярные маки. В поисках хорошего экземпляра я лез все выше и выше, — нашел. Солнце светило особенно ярко, крутизна скал манила подняться еще, — я незаметно ока-

Весной 1914 года.
Стоят слева направо Сахаров, Лебедев, Линник, Кушаков, Пищухин, Шестаков, Кизино, Пинегин, Никитин, Павлов

зался на вершине Рубини-Рока, считавшегося у нас неприступным.

Жутко смотреть в стосаженную бездну обрыва. Бросишь камень, он скрывается из глаз, падения не видишь, столкнешь крупный обломок — он разбивается об уступ, а птичье население серым облаком, как пылью, затягивает синюю тень на льду.

Наверху ровное мертвое поле, ни травинки, ни живых существ. Только крупные черные лишайники покрывают выветрившиеся камни.

Я сложил высокий гурий на западном краю скалы.

Глава Восемнадцатая

... Что встретится в море ему?
— Неведома странника доля...

Приближалось полярное лето. Теперь наш путь лежал не к северу, — на юг, но, как и прошедшим летом, мечтать об освобождении «Фоки» начали задолго до возможности. Но так и нужно. Не лишне быть на-чеку, когда готовишься к плаванию по дальним северным морям. К половине июля мы сделали все, чтоб «Фока» мог выйти из бухты под парами. Сняли и распилили на дрова утлегарь и высокую стеньгу* бизань-мачты. Получилась хорошая поленница дров. Однако, ее хватило бы только поднять пары; пришлось выпилить часть фальшборта**. Собрали в одно место остатки кубрика, грузовой палубы, кладовых и всякий горючий хлам. На случай, если бы корабль не мог дойти своими силами до мыса Флоры, где можно набрать еще немного топлива, а нам пришлось бы держать дальнейший путь в баркасе, — мы приготовили его к далекому плаванию. Все научные работы экспедиции на такой случай запаяли в цинковые ящики.

«Фока» стоял недалеко от большой полыньи, огибавшей о. Гукера. От воды отделяла узкая полоска льда. Пробивая канавки, к 21 июля отвалили большую часть льда. Стали появляться моржи. Первого я видел 4 мая во время охоты на медведя-великана; с половины июля мы часто видели моржей на воде. Говорили: хороший признак — открытая вода недалеко! Один — одержимый любопытством — повадился посещать «Фоку» ежедневно почти в одни и те же часы. Опираясь клыками на лед, сопя со скрипом и хрипом, он подолгу смотрел на «Фоку», нырял

* Стеньга — верхняя приставная часть мачты.
** Фальшборт — часть борта выше палубы.

и опять долго пыхтел и неодобрительно разглядывал работавших ледяной пилой и кирками. Матросы прозвали моржа «ревизором».

Двадцать первого июля два чудовища напали на Пустошного во время охоты на птиц. Один занес клыки над каяком. Что ему нужно было? Пустошный должен был выстрелить в морду, чтоб отогнать опасного соседа.

Освобождение «Фоки»

С половины июля мы прекратили почти все научные работы, за исключением метеорологических наблюдений, приведенных в походный порядок. Распределили должности по кораблю. Капитаном, естественно, остался Сахаров; он выбрал помощниками Визе и меня. За смертью Зандера мы остались без механика; из машинной команды осталось два кочегара — Коршунов и Кузнецов. Кушаков в прошлое лето был практикантом за помощника

механика, однако, когда предстояло такое серьезное дело, как сборка машины, — он не мог быть полезным. На положении старшего механика оказался Коршунов, больной, неспособный ходить. Машину предоставили в его распоряжение — судьба экспедиции зависела от его уменья. Скромный Коршунов оказался хорошим механиком-практиком. Три недели маленький человек стучал молотком, сверлил, чистил все части, завинчивал гайки «до места», поднимал на талях тяжелые части, потом потребовал людей помочь провернуть вал и сказал: «Машина готова. Пока будет топливо, со стороны ее задержки не ждите».

Двадцать третьего июля «Фока» качнулся на свободной воде. Канал к полынье пилили больше недели. Работы хватило бы надолго — помог шторм. Он наделал трещин во льду. Оттолкнуть ломанный лед было не трудно. Шторм разразился 25 июля; потом два дня стояли туманы. Когда разъяснило, мы поняли: минута отплытия близка.

Весь день 27-го — усиленные разведки. Павлов и Кушаков ездили на о. Скотт-Кельти, остальные осматривали лед с вершины Гукера. К сожалению, воздух был насыщен парами, — видимость не больше 25 километров. В моем дневнике отмечено: «В северной части Британского канала лед поломан. Между островами Нансена и Гукера широкая полынья; другая от Британского канала тянется в пролив Миерса. О, если так будет дальше, через неделю мы выйдем!»

Через два дня лед разредился. Открылось совещание, — не пора ли двинуться в путь? Решались два вопроса: ехать ли немедленно или подождать несколько дней, чтобы дать время льдам разредиться! Второй вопрос: итти северным путем вокруг о. Гукера или южным — по каналу Миерса? Решили: плыть северным путем, не теряя времени.

Тридцатого июля в десять часов утра подняли якорь. Проходя мимо мыса Зандера, приспустили флаг и отдали траурный салют — последнее прощание с погибшими.

Мы шли вдоль знакомых берегов. Через несколько часов «Фока» обогнул мыс Маркхэм и недалеко за ним уперся в неломанный лед. Поворотили обратно, чтоб пробиваться каналом Миерса. Недалеко от места зимовки,

когда «Фока» огибал о. Скотт-Кельти, случилось несчастье: «Фока» сел на мель. В это время я находился в наблюдательной бочке. Не видя прохода среди громадных ледяных полей, я крикнул вниз нашему капитану: «Не пройти ли у берега — там единственная лазейка?» Максимыч направил корабль под берег. Мне было видно: глубина резко уменьшилась. Бросили лот и как раз в мгновение, когда лотовый крикнул: «три сажени», судно влезло на мелкое место у самого берега. «Фока» сел не крепко. На наше несчастье произошла смена приливных течений. Ледяное поле, в поперечнике больше километра, двинулось на нас, — «Фока» поехал на берег. Давление длилось недолго, но корабль был выкинут на мель всем днищем. Выглядело так, как будто бы старый «Фока» пришел к своей последней стоянке!

Бывают в жизни моменты, особенно располагающие к проявлению находчивости. Мы сообразили: не нужно убирать ледяных якорей, занесенных ранее на ледяное поле, с надеждой, — подтянувшись к нему, сняться с мели. Поле должно пойти прочь, когда сменится приливное течение. Постарались облегчить судно, как могли, — в цистернах «Фоки» было налито вместо балласта около 35 тонн пресной воды, выкачали ее; без сожаления выкинули один якорь тонны в две весом со всей его цепью. В самом деле: поздней ночью поле двинулось прочь от берега и стащило корабль на свободную воду.

Спустился туман. Всю ночь мы шли по каналам между крупных ледяных полей. Один такой канал повел «Фоку» сначала на юг, потом, предательски и незаметно уклоняясь, направил нас на СВ к какому-то берегу. Под вечер 31-го туман слегка рассеялся. Мы разобрали, что вблизи южного берега о. Гукера имеется проход. Немедленно воспользовались им. На следующий день мы подходили к мысу Флоры.

Когда «Фока» покинул бухту Тихую, кучка топлива, сваленная в пустые угольные ямы, была невелика. У мыса Флоры мы подсчитали: котлы были под парами в течение 40 часов. Нужно оговориться: первоначальная кучка растаяла быстро. А потом, пред открывшимся проходом, нельзя было задумываться, — мы принялись за каюты на правом борту.

Стоит в глазах картина: на командном мостике напряженно глядят, — не закрылся бы канал, не отжало бы «Фоку». А свободная вода совсем недалеко! В это же самое время в машинном отделении маленький Коршунов со скрюченными ногами прыгает, опираясь руками о помост, от цилиндров к топкам и обратно, кричит в рупор: «Топлива, топлива! Давление падает, только 45 фунтов», звонит телеграфом и шлет на мостик гонца за гонцом. А в юте треск и крики. Ломают дерево, сдирая обшивку кают, рубят койки, превращают в щепы умывальники, шкафчики, полки. Из соседних кают спешная эвакуация. Лают нервные собаки.

— Морж! Морж на льдине! Ура!

Выстрел. «Фока» ударяется носом о льдину. Скачет за борт человек, заносит на голову строп — двойная петля, — и на лебедку. Ход вперед! Через десять минут первые куски жира убитого уже под котлом.

Проходит час. Снова вопли из машинного капа: «Топлива, топлива! Давление лишь 40 фунтов. Сейчас машина встанет!» Ломается другая каюта, высматривают нового моржа. От толчка выпал старый фальшбимс, в топку его: хватит часа на полтора. В топку табуреты, туда же растрепавшиеся книги... вперед, вперед! Не спускать паров. Снова поднять их нечем. Топлива, топлива!

До мыса Флоры три ленивых моржа и два странно-доверчивых тюленя сгорели на жертвеннике наших стремлений к югу.

В полночь на 25 июля «Фоку» оттиснул лед, задержавшийся близ островка Этеридж. Стараясь держаться подальше от берега, всегда опасного в напор льдов, мы не заметили, как очутились рядом с другой опасностью: громадный неустойчивый айсберг приблизился к корме. Когда ледяная гора проплывала метрах в шести-восьми, ее толкнуло ледяное поле, в то время давившее на «Фоку». Айсберг сильно покачнулся и свалился на бок. В следующее мгновение послышался глухой и грозный шум. Со страшным размахом, дробя лед, отшвыривая осколки и поднимая каскады пенной воды, айсберг перевернулся. К счастью, удар по корме пришелся снизу и скользом. Все же «Фока» изрядно затрещал и сильно рыскнул

вперед. Спустя секунду обнажилась вся подводная часть ледяной горы, изъеденная водой наподобие осиного гнезда. Айсберг продолжал раскачиваться. Мы ясно поняли, что рядом — опасная игрушка: опрокинься полярный Ванька-Встанька еще один раз падением в сторону «Фоки», ему не обойтись без серьезной аварии. Из последних паров мы протолкались подальше. Издали такие зрелища приятней. К полудню, огибая скопления льдов у восточной части о. Нортбрука, «Фока» стал приближаться к берегу. Мыс Флоры недалек.

Густой туман покрывал берега. Я был за капитана: эти места по зимней экскурсии были мне известны больше, чем другим, — Сахаров передал управление «Фокой» мне. Я стоял у телеграфа и старался определить, к какому месту Нортбрука мы приближаемся. Вот в проблеск тумана мелькнул какой-то мыс, я успел узнать по знакомому поясу глетчера мыс Гертруды; скомандовал держать левее. Через четверть часа опять прорвался туман — подходим к мысу Флоры.

Чернел неясно берег, окаймленный тонкой полосой битого льда, из курящегося моря недоуменно высовывались блестящие головы моржей, с невидимой нам горы планирующим полетом скользили на воду кайры и несся с берега ровный неразборчивый шум птичьих криков.

Сырой туман садился; отпотевали стекла бинокля. Я напряженно вглядывался в берег, — туман скрывал его весь, за исключением узкой полосы у самого уреза воды,— а по ней я долго не мог узнать, который из мысков нам нужный Эльмвуд. Колыхнулся туман ветерком, — я опознал наконец группу камней и невысокий откос берега с расчищенным пространством волока, сделанного Джексоном для разгрузки корабля. Показав рулевому, куда следует держать, я снова сосредоточил все внимание на полоске берега, — зимой я видел айсберг, стоявший на мели: там должны быть подводные камни.

Неожиданно среди камней на берегу я увидел предмет, похожий на человека. В первую минуту я подумал: мне почудилось. Инстинктивным движением отнял от глаз бинокль, чтоб, протерев стекла, посмотреть свежим взглядом. В это мгновение кто-то крикнул с бака:

У мыса Флоры

— Человек на берегу!

Да, человек, он движется! Кто это? Вся команда «Фоки» закричала: «ура!» Кто-то сказал: «Это, наверное, судно за нами пришло». Помнится, Линник, держа одну руку на штурвале, а другой выразительно водя под носом, ответил: «Ну вот, теперь-то мы и закурим!»

Я продолжал смотреть в бинокль. Облик человека, стоявшего на берегу, казался непохожим на свежего — недавно из культурных стран. Скомандовав отдать якорь, я еще раз вгляделся и запоздало ответил Линнику: «Подожди еще, Григорий, сдается, что там ждут от нас табачком попользоваться».

Человек что-то делал у камней. Минуту спустя, как мы отдали якорь, неизвестный столкнул на воду каяк, ловко сел и поплыл к «Фоке», широко размахивая веслом,— хороший каячный гребец.

Каяк подошел к борту, сидящий в нем заговорил на чистейшем русском языке. Слабо звучал голос. Первые слова, кажется — приветствие, я не расслышал, затем донеслось:

— ...Я штурман парохода «Святая Анна»... Я пришел с 83 градуса северной широты. Со мной один человек, четверо на мысе Гранта. Мы шли по пловучему льду...

В это время морж подобрался под каяк с весьма подозрительными намерениями.

— Морж, морж под вами! — закричали с борта.

— Ничего, ничего, эти противные животные порядочно надоели нам, когда мы шли с мыса Хармсворта, теперь мы к ним уже привыкли.

Спустили с борта шторм-трап. Человек поднялся по нему. Он был среднего роста, плотен. Бледное, усталое и слегка одутловатое лицо сильно заросло русой бородой. Одет в изрядно поношенный и выцветший морской китель.

— Альбанов, штурман парохода «Святая Анна» экспедиции Брусилова, — назвал себя приехавший. — Я прошу у вас помощи, — у меня остались четыре человека на мысе Гранта...

Мы знали об экспедиции Брусилова: она вышла с промысловыми целями в одно время с нами; слышали, что Брусилов намерен пройти морским путем вдоль Сибири во Владивосток. Кто мог предполагать, что, уходя почти в противоположные стороны, мы можем встретиться на дальнем севере с членами этой экспедиции! Как «Анна» попала на 83 градус?

Состояние льдов осенью 1912 года было неблагоприятно плаваниям не только в Баренцевом море, но и в Карском.

«Анна» нашла его заполненным льдами; «Анна» пробивалась на восток с величайшим трудом и в начале ноября была затерта льдом у СЗ части полуострова Ямала под 71°45 с. ш. С осени казалось, что случилась досадная задержка по пути во Владивосток — не более. Корабль стоял недалеко от берега, лед застыл гладко; зазимовавшие несколько раз бывали на берегу,— проторили даже дорогу, намереваясь построить там амбар. Вскоре после наступления темноты начались жестокие штормы с южной стороны, отмеченные и нашей станцией. Во время одного,— совершенно незаметно для находящихся на «Анне», — весь лед Карского моря двинулся на север. Невольные

путешественники заметили передвижение корабля и дрейф льдов только по расхождению астрономических определений. Движение «Анны» продолжалось непрерывно двенадцатый и тринадцатый годы по направлению прямо к полюсу.

Летом 1913 г., когда «Анна» находилась в широтах пролива между Новой Землей и Землей Франца-Иосифа, движение ненадолго изменилось на западное. Лед кругом был в это время поломан, слаб, виднелось много каналов и полыней, но большое поле, двигавшее «Анну», было очень прочно. Альбанов говорил, — будь на «Анне» некоторое количество сильно-взрывчатых веществ, она пробилась бы к ближайшему каналу и, без сомнения, вышла бы в Баренцево море. На «Анне» динамита не было, мины же черного пороха оказались слишком слабыми. Осенью движение на север возобновилось. На 82° лед, обогнув землю Франца-Иосифа, круто повернул на запад. 23 апреля 1914 г. «Анна» находилась уже в широте 82°55′ на долготе 60°45′ в. д.

Брусилов снарядил свою экспедицию для промыслов в Беринговом море. Провианта взял только на полтора года в расчете, что по пути к Берингову проливу более одного раза зимовать не придется. В первую зимовку почти вся команда и сам Брусилов переболели цынгой. В числе участников экспедиции находилась женщина — сестра милосердия Жданко. Она ухаживала за больными заботливо и самоотверженно. К лету, благодаря ее заботам и усиленному питанию медвежьим мясом, больные поправились (за два года убили 42 медведя). Во вторую зимовку стали ощущаться недостатки: провизия подходила к концу. Давно не было сахару и мало приправ.

В средине второй зимы Альбанов, помощник Брусилова, предложил уйти с половиной команды на Землю Франца-Иосифа: на «Анне» знали, что на мысе Флоры есть дом и склад провианта. В таком случае оставшимся хватило бы остатков провизии еще на год. Брусилов разрешил Альбанову покинуть судно со всеми желающими.

Не было ни каяков ни саней. Под руководством Альбанова сделали девять каяков, несколько саней, паруса и все нужное для путешествия. 23 апреля 1914 г. Альба-

нов и 13 матросов вышли, держа курс на Землю Рудольфа. Началось трудное путешествие без собак, без спальных мешков, — их заменяли совики; провизия — сухари, чай, клюквенный экстракт, малое количество сухого бульона. Среди ушедших — ни одного имевшего опыт санных путешествий. Двигались крайне медленно, — не более семи-восьми километров в сутки. Первые 3 дня партия не теряла связи с судном. Три человека решили вернуться на «Анну». С Альбановым остались 10 человек.

Спасавшиеся думали, что через месяц выйдут на землю Рудольфа. Проходили многие недели, земли не было видно. Альбанов знал о существовании западного течения в Ледовитом море и принимал необходимые поправки в курсе. Как хороший штурман, он старался возможно чаще проверять направление при помощи астрономических определений. Но было одно обстоятельство, лишавшее вождя уверенности: на «Анне» было всего два хронометра, не имевших поправки два года. Определяя долготы, полагаться на хронометры, идущие два года без поправки, конечно, не приходится. Альбанов *не знал, с какой долготы он отправился*, а не находя земли, совсем потерял веру в правильность своего счисления.

Прошло два месяца. Одиннадцать человек медленно двигались к югу. За это время один из матросов, Баев, уйдя на разведку, потерялся во время метели. Люди, не видя никакой земли, плелись наугад: несчастные поняли, — они заблудились в ледяных просторах океана.

В конце июня, когда все надежды были уже потеряны, когда сани и все каяки — за исключением двух — были сожжены, и почти не оставалось сухарей, покинувшие «Анну» увидели на востоке какую-то землю. Вышли на нее обессиленными,— без крошки провианта и топлива. На земле убили много гаг. Съедая их иногда сырыми, иногда поджаривая на сухом мху, несчастные страдальцы немного оправились, — все они были больны цынгой.

Альбанов не знал, к какой земле он привел товарищей. На низком и длинном мысе залитой льдом земли стоял гурий. В верхней части его Альбанов нашел бутылку с запиской Джексона. Только из записки штурман понял,

что вышел он на Землю Франца-Иосифа, а низкий мыс Мэри Харемворт — западная оконечность Земли.

После пройденного расстояния, казалось, до мыса Флоры рукой подать. Достичь его удалось только двоим. У южного берега, начиная от бухты Грэй-Бай, плескалось море, каяков же осталось только два. До Грей-Бай шли вместе,— дальше пришлось разделиться. По жребию пять человек сели в каяки, остальные пошли берегом. Было

Погрузка на «Фоку» разобранных построек Джексона

условлено соединяться на выдающихся мысах. На третьей остановке — на мысе Гранта — плывшие в каяках сухопутной партии не нашли. Ждали два дня. Потом было решено плыть к мысу Флоры, чтоб, запасшись там провиантом, вернуться и взять идущих берегом. Во время остановки на острове Белля умер матрос Нильсен. Похоронив его, поплыли к мысу Флоры. Когда каяки были уже посреди пролива, поднялся шторм. На глазах у Альбанова каяк с матросами Луняевым и Шпаковским был унесен в открытое море. Сам Альбанов успел добраться до большого айсберга и на нем переждал бурю. Стихло.

Второго каяка не было видно нигде. 22 июля Альбанов с матросом Кондратом приплыли к мысу Флоры. 30 июля Кондрат ездил к мысу Гранта на каяке, но не нашел там никого: Максимов, Регальд, Губанов и Смиренников пропали. Мы подошли к мысу Флора в разгар приготовлений Альбанова и Кондрата к новой зимовке. Живя в отремонтированной мною бамбуковой хижине, они приводили дом Джексона в вид, пригодный для жилья.

Кондрат — плотный парень с простодушной улыбкой и жемчужными зубами. Глядя на его цветущее лицо, можно подумать, что он только-что вернулся из веселого плавания на яхте, а не из скитания по льдам. Первые его слова были: «А у вас табачку не найдется?»

Альбанов сохранил на груди толстый пакет с копиями всех наблюдений над состоянием льда и воздуха за все время плавания «Анны». [68]

Глава Девятнадцатая

... уж томную главу
На берег желанный полагает,
В слезах от радости лобзает
Песок и мягкую траву.

На мысе Флоры расцвет полярного лета. Зеленели склоны гор, стаивали остатки снегов, бурно шумя, неслись по откосам водопады. Выше слоя тумана яркое солнце, — скоро оно прогнало туман совсем. С горы тогда открылась картина так радостная нам: на юге простор моря неизмерим, — ни льдинки на всем далеком горизонте!

Стремясь к мысу Флоры, мы предполагали разобрать на топливо только один амбар. После встречи с остатками экспедиции Брусилова пришлось подумать о большем: мы должны сделать попытку отыскать потерявшихся людей Альбанова, хотя бы ради нее пришлось сломать и дом; живые люди дороже полярных памятников.

Восьмого августа закончили погрузку бревен. Оставив в бамбуковой хижине склад провианта и ружье с патронами, поздним солнечным вечером мы вышли на поиски людей. Сначала «Фока» обошел острова Белль и Мабель. Тихо подвигаясь вдоль самого берега — насколько позволяла глубина — мы часто давали свистки и изредка стреляли из пушек. Ни на берегу ни в доме Эйры нельзя было заметить следов пребывания человека. Даже расположение досок в заколоченном мною окне дома Эйры оставалось таким же, как при моем уходе. Постояв несколько минут в гавани Эйры, — еще несколько свистков и выстрелов, — мы направились к мысу Гранта. К самому мысу подойти нельзя: у берега стоял припай из невообразимо нагроможденных торосов,— нужно отправлять сухопутную партию. На берегу же, насколько можно рассмотреть в сильные бинокли и подзорную трубу, одни

мертвые камни. Пушечные выстрелы и гудки будили только стада моржей. Очевидно, искать людей на мысе Гранта бесполезно; нужно обойти, тщательно осматривая, все берега, — такие поиски займут не меньше трех дней. Мы не могли стоять так долго под парами. Было решено поиски прекратить.

Раннее утро. «Фока», покачиваясь на крупной зыби, уходил на юг под паром и парусами. Все сильней лиловела земля и заволакивалась испарениями моря. Все ушли спать. На мостике остались Альбанов и я. И наступила минута: земля на севере предстала такой же, как в прошлом году, когда ее завидели впервые, — не то облако застывшее, не то пологие высокие горы встали над открытым морем. В моем мозгу быстрым вихрем пронесся весь минувший год. И снова встало ушедшее мгновенье, когда на мостике вскричали: «Смотрите, смотрите, ведь это земля!» Тогда рядом со мной стоял Седов. Он стремился к ней больше всех и отдал ей себя раньше всех. Теперь не он правит «Фокой», а я. Со мною рядом стоит человек, до этого года о Земле Франца-Иосифа не думавший вовсе. Судьба привела этого человека на «Фоку», Седова — к могиле на дальнем острове.

— Прощай, Седов, прощай, суровая страна!

Спрятались в воду острова. Почти сутки мы не встречали льдов. Приходила мысль: не выдался ли на наше счастье особо редкий год, когда ледяной пояс вокруг Земли Франца-Иосифа разрывается с южной стороны,— такие случаи наблюдались. Радовались недолго. Под вечер следующего дня температура воды резко понизилась, мы знали, что это значит; появились первые вестники — нежно-зеленые айсберги. Ночью вступили во льды, разрозненные и рыхлые. Имея достаточно топлива, пересечь такое пустячное препятствие не стоило труда, прошли бы не сбавляя хода, но в нашем положении всякий лед — большая помеха.

Ход «Фоки» сильно замедлился. Топливо пришло к концу в исходе вторых суток. В это же самое время лед сильно сгустился; по временам приходилось даже разбивать перемычки. Мы продолжали итти под парусами. Парусные

маневры даются во льдах нелегко; один раз, меняя галс, мы врезались в кашу битого льда так основательно, что долго не могли освободиться. Как раз поля, плававшие по сторонам, сомкнулись. «Фока» оказался зажатым, — не выбраться даже при помощи машины. В таких случаях помогает терпение.

Мы были уже на 76°. Оптимисты на «Фоке» находили, что положение блестяще. В худшем случае лед тянется до 75°,—там обычная граница плавающего льда. Неужели за два месяца навигации мы не пройдем одного градуса,— если бы даже пришлось на лямках тянуть свой корабль? Быть не может, чтоб за два месяца льды не разошлись! Мрачные пессимисты угрюмо качали головами и в другие минуты предсказывали всякие беды. Кто знает, что нас ждет? Чего не может случиться на море, хуже того — во льдах?! Кто поручится, что южные штормы не отбросят далеко на север беспомощного «Фоку»? Какими средствами мы обладаем, чтоб быть уверенными в возвращении домой?

Стояли туманы. Слабые ветры не раздвигали льда. Мы видели много нерп, лежавших на краях полей; в полынье недалеко от корабля я однажды заметил нарвала. Во время стоянки к «Фоке» подходили три медведя. Одного я застрелил, другой — раненный — скрылся в тумане, третий прибрел к «Фоке» во время сильной вьюги. Подняв на судне переполох, бродяга сам струсил и скрылся быстрым галопом.

«Фока» стоял недвижно около девяти дней. Вечером двадцатого августа туман рассеялся. Мы увидели вблизи широкий канал на юг. В то же время слегка раздвинулись поля. На «Фоке» поднялся аврал*, — нужно торопиться, пока поля опять не сомкнулись. Еще во время стоянки решили пожертвовать всеми каютами. Поломали их. После этой операции над палубой от юта остались только наружные стенки и спардэк, внутри же — голый амбар. В одном углу его, там, где была кают-компания, — обеденный стол, в другом — нелепо и сиротливо прижалось к стенке привязанное пианино; палуба под грудами разнообразней-

---

[1] Аврал — общая работа на корабле, когда всех поднимают на ноги.

ших вещей. Длинный ряд иллюминаторов лил свет на этот погром.

Приготовленного топлива едва хватило поднять пары. Только тронулись — давление в цилиндрах стало уменьшаться. В топки полетели табуреты, шкафы, запасные паруса и снасти, политые остатками медвежьего жира. Все сгорело очень быстро. «Фока» медленно пробирался узкими каналами; край ледяных полей был недалек. Понеслись из машинных недр старые вопли: «топлива, топлива! Пар падает, падает!»

На спешном совещании решили вырезать через один толстые дубовые бимсы*. Если бимсов нехватит, снесем наружные стенки и спардэк, сами же переселимся в кормовую часть трюма. Через несколько часов «Фока» вышел из области полей и вступил в разрозненный лед. С наблюдательной бочки виднелось впереди почти свободное море. Еще полчаса хода, можно будет сказать: льды позади, поставив паруса, поплывем на свободе.

Горел последний бимс, все слабее вращался винт. Мы пожалели спардэк. Нам жилось совсем не уютно. Но — переселиться в темный, сырой, насквозь пропитанный ворванью трюм? «Фока» остановился.

Несколько часов спустя подул слабый ветерок. Подняли паруса. «Фока» двигался медленно, почти незаметно для глаза, то задерживаясь у отдельных льдин, то совсем останавливаясь из-за безветрия. Доходила крупная зыбь. Так — несколько часов. Потом ветерок посвежел, и меньше, чем в час, расстояние, отделявшее от открытого моря, было пройдено. Слава «Фоке»!

Дальнейшее плавание — обыкновенное скучное плавание парусного судна, когда, выходя утром на палубу, каждый подымает помусоленный палец — узнать направление ветра, когда в затишье моряки считают долгом посвистать, «дразня ветер», или приговаривают: «Дуй, дуй, весели хозяина, вали мачту!»; когда при ветре встречном все ходят с тоской, при попутном — работают шутя.

Если б в таких широтах Ледовитого моря встречались суда, никто не обратил бы внимания на парусник со сня-

* Бимсы — поперечные крепления, связующие борта корабля изнутри.

тыми стеньгами, а если б какой-нибудь капитан и приметил, подумал бы наверно ленивой поморской думой: «Пропил, чать, стеньги-то, теперь пловет легонечко в Архангельско!»

На самом деле на «Фоке» обстояло не так благополучно. Мы шли только при помощи четырех парусов, с малым запасом пресной воды для питья. «Фока» имел течь угрожающую. Еще из Архангельска он вышел с изрядной течью. Она не беспокоила во время зимовок, когда корпус смерзался, ни на ходу под парами, когда паровые помпы, работая беспрерывно, держали трюм сухим. Двухлетние приключения — все столкновения со льдами и мелями — не прошли даром: течь сильно увеличилась. Мы вычислили по диаметру помп, откачивавших воду, что за сутки в корпус набиралось 5000 ведер воды. Мы должны были ежедневно работать ручными помпами в течение семи часов беспрерывно, чтоб сохранить пловучесть своего корабля.

Шли совсем без балласта, ничтожная зыбь играла кораблем, как пустым боченком. Следовало бы готовиться к худшему. Рассуждая трезво, мы не могли не понимать: первый же хороший шторм покажет «Фоке» его настоящее место. Но так создан человек: в «такую нелепость» никто не верил. Всех меньше — Альбанов. Как, быть на 83 градусе, растерять во льдах десять спутников, ежеминутно находиться на краю гибели, выйти на землю, съев последний сухарь, быть чудесно спасенным кораблем, показавшимся в тумане привидением, льды одолеть — и после того погибнуть в обыкновенный шторм?.. Альбанов смеялся: «Нет, так не бывает!»

Однообразно шли дни. Теперь мне даже не вспомнить отдельных,— все это плавание сгрудилось в образ широкого моря и грязного амбара. Там, на чемоданах, ящиках и на футлярах инструментов небритые мужчины торопливо едят еле разогретые консервы и тюленину, торопятся на вахту — качать воду, или валятся спать тут же на палубе, не раздеваясь. Когда постоянная качка сильней, спящие катаются по палубе вместе со всеми вещами. Стараются ложиться в ряд. Вот хороший размах, валится весь ряд в общую кучу. Тогда, ворча спросонья, люди поднимаются, чтоб устроиться по-новому — голо-

вами к движению волны. Вечная качка, торопливая еда, сон, частые вахты,— вот все, что помнится мне. Да, еще — один раз целую вахту близ корабля резвились касатки; они ныряли под киль и выставали, выкидывая дыхалами пар с водой.

Погоды стояли спокойные. Мы подвигались на юг, иногда делая за сутки 100, иногда 10—15 миль. Берег родной земли приближался.

Разве может быть отрадней иное для путника? Стоять на мостике, самому держать в руках румпель и править на юг, прямо к родному берегу, следить, как густеет небесная синева, как выплывают забытые, но так знакомые южные облака, как теплеет с каждым днем, как появляются новые птицы, темнеет сильнее по ночам. Новое море, новое родное небо, новые облака и ветер. Попадаются плывущие доски. Из вод голубого Гольфштрема уже не выходим,— все чаще проплывают в его прозрачнейших струях морские животные: вот ярко-цветистые медузы — «морское масло», водоросли, вот еще какие-то моллюски, рыбки сигают, вот стадо сельдей рябит спокойную воду, над ними чайки, прилетевшие оттуда, оттуда — с родного берега, пара гагар, обрывок сети в море, весло... *Что это* там, что на горизонте — дальше, за первым дымком парохода?..

Что за гряда над горизонтом слабо синеет вдали пониже курчавого облака?... Что капнуло на руку, стиснувшую румпель?..

По наблюдениям 28 августа оказалось, что мы пересекли уже 70 градус. Первый пароход встретился на следующий день, разошлись с ним милях в двух, — какой-то английский «купец», загруженный доверху досками. Он шел на запад. Мы не сигнализировали ему, не просили помощи, — берег был недалек.

Вечерело. Тянул попутный ветерок. Капитан Сахаров стоял на мостике. Максимыч родился на севере, с малых лет плавал вдоль Мурмана, знал каждую щель любого мыса. Ему ли не узнать родного берега! Вон Шельпино с маяком. Далеко там, направо, вход в Кольскую Губу, вот — Кильдин маячит.

— Идем в Шельпино? Там телеграф, стоянка пароходов, удобная бухточка.

Солнце ушло за горизонт, потянулись по морю вечерние тени. Темнело. Берег в 5—6 милях. Попутный ветер не оставлял. Еще два часа, мы увидим новых людей, узнаем, что случилось в мире за два года. Дуй, дуй, ветер! Держи парус на ветре, рулевой! Качайте, ребята, усердней, чтоб при встрече не затонул наш богатырь!

Вдруг с капитаном случилось непонятное: он забегал по мостику в явном беспокойстве и растерянности.

— Маяк!.. Где же маяк? Почему он не горит? В темноте войти невозможно. Что за беда такая? Шельпино тут, разрази меня на месте!

Мы повернули вдоль Мурмана к востоку. Шли рядом с берегом часа два-три, не видя ни одного огня. Не только капитан, все стали недоумевать. Где маяки? Почему весь берег темен и безжизнен?

И вдруг заблестел огонь. Нет, это не маяк, — пароход, большой, весь сияющий огнями пассажирский пароход! Он быстро приближался. Николай Максимович сразу опознал: «Ломоносов» в Вардэ идет. Ну, на нем-то — все приятели, остановим. Этому ничего не стоит перебросить две-три тонны угля для «Фоки»!

Ближе сияли огни. Как красив в море электрический свет, как ярок! — Терпение, терпение, — еще полчаса — узнаем все! Нас наверное не откажутся угостить папиросами. Итак, даем сигнал бедствия. Положа руку на сердце, мы в самом деле в бедственном положении. В обыкновенном плавании просят помощи совсем в маловажных случаях. Достали из заветного ящика фальшфееры. На борту загорелись два ярких голубых огня. Дали выстрел из пушки. Мы ожидали, что «Ломоносов» подойдет или спросит сигналами, что нужно нам. Но пароход шел мимо, как бы не замечая. — «Обыкновенное дело: погода спокойная, море глубокое, поужинал капитан и дремлет на мостике. Вот мы его сейчас разбудим!»

Из груды пакли, смоченной керосином, сделали громаднейший факел, зарядили пушку тройным зарядом. Вспыхнул огонь до половины мачт, ярким отсветом загорелись паруса и в ту же минуту наши бомбардиры выпалили. — «Уж сейчас-то заметил, вот глядите, повернет!»

Что случилось? Минута встречи с людьми казалась столь близкой! Там, где за минуту был пароход, ясно вырезанный на фоне берега длинным рядом огней по бортам и на мачтах, оказалось пустое место. Как будто бы наша безобиднейшая, не задевшая ни одного моржа салютная пушка, вмиг потопила пароход. Куда он девался? Макисмыч чесал в затылке и объяснял: «Зашел за остров пароход». Когда же спросили, какой такой остров, — ведь мы прошли уже все острова? — «А чорт его знает! Что тут за дьявольщина происходит!» — и завопил рулевому: «Не выходи из ветра, держи мористей!»

Всю ночь «Фока» крейсировал у берега. Ранним утром мы опознали Харловку. Пытались войти в эту бухточку, но ветер дразнил: как только подходили ближе к берегу, утренний бриз отгонял нас прочь — обогнуть входные мысы никак не могли. Прошли на запад до следующего становища. Стали попадаться рыбачьи лодки, выехавшие на утренний промысел. Мы подошли к одной ёле * и попросили рыбы.

Что подумал рыбак, по началу принявший «Фоку» за промысловое судно, когда, взяв лодку на буксир, мы выпалили из пушки и густой толпой сбежались на корму рассмотреть свежего человека, когда в ёлу соскочил один из матросов и отобрал у подручных кисет с махоркой? — Не попался ли в руки неприятелю?

Через минуту палуба заволоклась клубами едкого дыма,—закурили, кажется, и некурившие от роду. А на хозяина ёлы посыпались наперебой вопросы: «Что делается на свете? Что случилось за два года?»

Коршик ёлы, коренастый карел, был в явном затруднении. Он первым делом спросил: «А вы кто же такие будете?» И, получив ответ, сказал: «Слыхал. Вот оно какое дело-то. А у нас говорили, в газетах пропечатано, будто вы все погибли».

Затем рыбак стал рассказывать непонятное нам: «Был военный пароход, наши на шнеках побежали в Бело морё. Один вернулся. Болтали наши, что много шнек опружило

* Ела — промысловая лодка, род баркаса.

погодой в Горле, ну а которые добежали. В Александровском, сказывают, крепость готовится...»

Мы понимали одно: рыбак сообщает о каких-то событиях последних дней. Кто-то прервал рассказ вопросом:

— Ну, а как, на свете есть война где-нибудь?

— Как же, есть.

— Кто же воюет?

— Да мы воюем.

— Кто же против нас?

— Германия, сказывают, а с ней Австро-Венгрия. А за нас Франция и англичане с ипонцами, еще какие-то там государства.

Мы ушли в мирную эпоху. — Европейская война?.. Полуграмотный карел не мог нам объяснить ничего. Пересказал только искаженные слухи о неприятельских крейсерах, будто бы виденных с Рыбачьего полуострова, о том, что немецкий царь хочет взять Мурман, что напуганные этим слухом промышленники поплыли на своих скорлупках в Белое море: часть их по дороге погибла... На «Фоке» любимой темой разговоров были предположения, что мы застанем на родине? — Может быть, войну, или Российскую республику? До европейской войны никто не додумался. Так вот чем объяснялось отсутствие маяков и странный случай при встрече с «Ломоносовым»! [69]

Рыбак сообщил, что в становище Рынде стоят два моторных бота. Их владельцы, наверное, не откажутся ввести нас в гавань. В Рынде есть телеграф, туда заходят пароходы. Кушаков на ёле карела отправился на берег, переговорить с владельцами ботов и послать первые телеграммы.

К полудню из бухточки Рынды выполз небольшой моторный бот с огромным русским флагом на корме. Пыхтя и переваливаясь на волнах, как боченок, он остановился в сотне метров от «Фоки». Громкое «ура» и приветствия доносились еще издалека. От бота отделилась лодочка. На палубу «Фоки» взошел владелец бота Соболев с тремя исполинами-поморами, — все как один в новеньких непромокаемых куртках, как наподбор статные, дородные, с морским загаром лиц; смелые глаза, крепкие руки, твердая поступь.

— Здравствуйте, здравствуйте, рады приветствовать вас!

Соболев привез кипу разрозненных газет, табак и гильзы, — все самое нужное в первую минуту. Пока мы хватали газету за газетой, не выпуская изо рта папирос, расторопные ребята завезли буксир на бот. Он повел «Фоку» за собой. Вскоре из Рынды вышел еще один моторный ботик, забросил и свой канат. Таким торжественным по-

Становище Рында

рядком — впереди два буксирующих бота, за ними «Фока», весь в праздничных флагах, — вошли мы в гавань.

— Отдай якорь!

Мы на родине!

Теперь я разглядываю фотографию становища Рынды: голые гранитные скалы, мрачные — без кустика. Дальше в глубине — бухточка, кучка низких рыбачьих станов с сетями у входов, часовня, на берегу у речки узенькая зеленая лужайка, — угрюмый пейзаж!

Что же так радовало сердце, что приводило в восхищение? Эти чахлые березки и жидкая зелень у подножья горы?..

— Смотрите, смотрите — желтый песочек! А вон — баба идет. Ребята-то! Ребятенки белоголовые! Как жарко!

Еще не отгремела якорная цепь, «Фоку» облепила флотилия шнёк, ёл, шлюпок, карбасов и гичек. Толпа бронзовых поморов веселым натиском взяла «Фоку» на приступ, — палуба наполнилась рослыми краснолицыми и бородатыми молодцами, веселые голоса закидали нас вопросами, совались в руки широкие, негнущиеся, просоленные ладони, гулко бухали по палубе тяжелые бахилы, осматривалась вся обстановка «Фоки» — со всей сворой собак, с ручными медведями. Охали над разрушенными каютами, над пустым, без балласта, трюмом и хаосом в спардэке, дивились наружной обшивке по борту «Фоки», превратившейся в мочало после двухлетней борьбы со льдами. Мы угостили желающих остатками тюленьего жаркого, мясными консервами, разведенным спиртом. Подходили шлюпка за шлюпкой.

На одной находились две дамы: жены помора и местного псаломщика. Вот она, первая встреча с прекрасным полом!

Наши молодцы, закрутив усы до отказа, приготовились было встретить посетительниц особенно любезно. Дамы поднялись на борт и... подобрав чистенькие платьица, остановились. Войти на палубу они отказались, несмотря на самые настойчивые приглашения. Мы совершенно забыли, что борта пропитаны кровью, ворванью моржей и тюленей, которых свежевали наспех у мыса Флоры: свободного времени, чтоб привести корабль в приличный вид, еще не было. Нерешительность дам я понимаю вполне: к прибывшим предупредительно подскочили два самых галантных кавалера и протянули руки помочь сойти. Я видел отчетливо, что руки любезников были явно грязны, а вид рваных, истертых до последней степени курток, надетых на молодых хулиганах, совершенно не вязался с их утонченно-кавалерскими манерами. Дамы, не вняв грубым голосам, привыкшим к окрикам собак и к проклятиям во время бурь, сконфуженно удалились.

К заходу солнца все мы в сопровождении стайки ребят ходили по берегу, по домикам обитателей становища, наперебой зазывавших к себе, на телеграф. Станция Рында

за все время существования не передавала еще такого количества телеграмм. Начальник телеграфа и его помощник работали ключом аппарата день и ночь, разнося по всему миру весть, что пропавшая экспедиция вернулась без Седова. Мы слали вести родным и близким. Безжалостный аппарат не давал отдыха телеграфистам: как только передающие прерывали работу — тотчас же тянулась лента с сообщениями нам, с поздравлениями, с запросами телеграфных агентств и газет. Так длилось несколько дней, пока «Фока» стоял на рейде.

Под вечер мы сидели в чистенькой, уютной горнице Соболева и слушали новости мира. О сражениях миллионных армий, о городах, снесенных с лица земли, о боях аэропланов, о всем ужасе борьбы людей с людьми, которая для нас, занятых всецело борьбой с природой, стала так далека и чужда. Совсем не укладывались в мозг цели войны. Легче воспринимались известия о завоеваниях людей в области науки и культуры. Мы слушали рассказы о телефонах, записывающих слова собеседника, об успехах радиотелеграфа, о цветном кинематографе, об открытии новых земель к северу от мыса Челюскина...

Только голодавший или сидевший года в одиночном заключении может понять испытанное, когда мы, обложенные грудами газет, втягивались в жизнь мира. Узнали о поздней популярности нашей экспедиции, — мы не забыты: в это лето три корабля отправились на помощь нам, Брусилову и Русанову.[70] Нашлись средства снарядить поисковые экспедиции значительно богаче, чем некогда нас. Теперь «Фоку» ищут корабли, вооруженные радиотелеграфом, на их борту аэропланы. Отрываясь от газет, мы спрашивали Соболева о непонятном, о лицах, известных всему миру, но имена которых мы прочитывали в первый раз. Разговор заводил опять в неизвестное и затягивался, а тут под рукой пачка газет еще так толста! Так — от газет к расспросам — провели вечер. Когда поздней ночью мы располагались попрежнему — вповалку на палубе «Фоки» — все жаловались на головную боль.

На следующий день в становище остановился почтовый пароход «Николай», идущий в Архангельск. Толпа за-

полняла все палубы: пассажиры узнали о нашем возвращении еще в Александровске. Громкое «ура» неслось в нашу честь с палуб, мостиков, из всех иллюминаторов. Мы ответили пушечным салютом и поднятием флагов. Наш капитан сейчас же отправился просить угля.

Угля на «Николае» оказалось в обрез; капитан мог предложить нам только две тонны, чтобы избавить команду от тяжелого откачивания воды ручными помпами. Итак, «Фока» еще не мог двинуться в Архангельск. Четверо участников, ожидавшие встретить родных в Архангельске, решили проехать на «Николае»: «Фоке» не дойти до Архангельска раньше недели. А за это время можно два раза прокатиться из Рынды в Архангельск и обратно.

Как много людей! Тысячи взглядов, приветственные крики. Это в нашу честь? На нас смотрят слишком пристально!

Одежда не стесняла нас в рыбачьем поселке. Мы были в лучших своих одеяниях. У меня был припасен даже крахмальный воротничок. Правда — за два года он сильно пожелтел и посерел, — но все же это настоящий крахмальный воротничок. Запонка куда-то затерялась — пришлось заменить ее ниточками, однако воротничок держался! Я был в ботинках, в настоящих шевровых! Ботинки чищены два года назад, — но кому пришло бы в голову, отправляясь на полюс, брать с собою ваксу?.. Подобно воротничку и ботинкам выглядели все остальные части костюма, но нам казалось, что одеяния вполне приличны; когда пред Рындой вышел на палубу первый облачившийся в лучшее, все пришли в восторг.

Мы поднялись на верхнюю палубу «Николая», где пассажиры, гладко выбритые, и дамы, в тканях волшебной легкости, собрались поглазеть на нас. Выделилась отчетливая мысль: одеты мы грязно. Наши «приличные костюмы» измяты и прокопчены. На этом пароходе, сияющем чистотой, наше место не среди чистых людей на палубе и в классах, а разве только в кочегарке. Капитан был, очевидно, другого мнения, — он встретил нас с почетом. Все каюты и салоны были переполнены, — капитан уступил свое роскошное помещение из двух кают. Постояв недолго в салоне отдельной смущенной группой,

мы при первой же возможности спрятались в отведенное помещение. Неужели отныне предстоит спать на таких же ослепительно-белых койках? Неужели — умываться душистым мылом из мраморных умывальников?

Через полчаса зазвонил гонг. В каюту вошел человек во фраке. Он не прогнал грязных бродяг из роскошной каюты, а вежливо предложил им пообедать за общим столом в салоне первого класса.

Сесть за стол с превосходно одетыми людьми, пахнущими не ворванью, как мы, а нежными духами и ароматным табаком! Сунуть за серый воротничок белоснежную салфетку? Сидеть, быть может, с дамами?

Человек во фраке разъяснил, — если мы хотим, ужин можно заказать в каюту, но теперь приборы уже поставлены, нас ждут. Обед сегодня хорош. Мы были изрядно голодны. Отказаться от обеда, состоящего наверное из блюд, о которых мечтали два года?

Наши места рядом с капитаном. Свежие огурцы и редиска, сливочное масло, яйца, салат, — все это только на закуску!

Буфетчики, вероятно, косо посматривали на новых пассажиров: нам стоило не малого труда воздержаться, не высыпать на тарелки всех огурцов и редиски, а сливочное масло намазывать не гуще, чем другие, не наесться досыта одними сдобными пирожками. Мы были разочарованы одним: мясо кайр и чистиков, даже медвежье, вкуснее говядины: она слишком пресна.

За столом мы немного оправились от первого смущенья. Всеобщая предупредительность отвлекала от мыслей о своих грязных костюмах. Но мы решительно предпочитали расспрашивать, чем по нескольку раз рассказывать о пережитых приключениях. Спастись от вопросов, конечно, нельзя: из первого же становища полетели новые телеграммы корреспондентов о подробностях гибели Седова и о нашем плавании. Под вечер, почти совсем утратив полярное дикарство, мы говорили уже с людьми подолгу.

Ночью, стоя на палубе и следя за пенистой полосой у борта, я поймал себя на мысли: «Вот бы «Фоке» таким ходом...», и засмеялся. А недалеко у борта же один из на-

ших рассказывал стройной девушке с русой косой о том, как тяжело одиночество в полярную ночь. Навстречу несся теплый ветер.

Спустя неделю «Фока» подходил на буксире к Архангельску. С набережных плыла встречная волна приветственных криков и музыки. С приспущенным флагом мы подошли к Соборной пристани и стали у нее. Путь кончен.

Примечания

1 «Путешествие на Колыму в 1909 году», «Записки по гидрографии», 1917, т. XLI, вып. 2.

2 См. брошюру Седова: «Право женщин на море», Петербург, 1906.

3 «Святой мученик Фока» — деревянная, океанская шхуна-барк с двумя мачтами и утлегарем. На фок-мачте установлена бочка для наблюдения за льдом. Судно приводилось в движение парусами и паровой машиной в 100 лошадиных сил. Размеры корабля: длина — 133 фута, ширина — 30 и углубление трюма — $15^1/_2$ фут. Полная осадка в грузу 18 фут, водоизмещение 273 тонны. В кормовой части — жилая рубка с камбузом (кухней), 12 каютами и кают-компанией. Кубрик в носовой части на 20 человек. Грузовой трюм по бортам занят железными цистернами. Палубы две: верхняя и грузовая из съемных люков. Построен «Фока» очень прочно. Все главные части корабля: киль, штевни, дейдвуд, привальные брусья и бимсы — дубовые, увеличенной против нормальной толщины. Набор почти сплошной. Обшивка в 4 ряда: внутренняя (дубовая) и три наружных, из которых верхняя, из дуба, местами утолщена (так называемая «ледяная обшивка»). Носовая и кормовая части корабля сильно укреплены дополнительными бимсами и привальными брусьями. Кроме того, корма и нос, в защиту от ударов льдин, обиты полосовым и котельным железом. «Фока» построен в Норвегии в 1870 году для звериного промысла в Ледовитом океане. По конструкции принадлежит к типу судов «Заря» — экспедиции Толля, «Вега» — экспедиции Норденшельда и «Стелла Поляре» — экспедиции Абруццкого.

4 Существенным пробелом снаряжения, повлиявшим на конечную судьбу экспедиции, было отсутствие радиотелеграфа. Морское министерство за две недели до отплытия откомандировало приглашенного Седовым радиотелеграфиста. В короткий срок до ухода Седов не мог подыскать нужного специалиста, все аппараты пришлось оставить в Архангельске.

5 Числа месяцев во всей книге по новому стилю.

6 П. Кушаков никогда не был «помощником начальника экспедиции», о чем в предисловии к отрывку из дневника Кушакова повествует Л. Л. Брейтфус («Записки по гидрографии», т. XLII, кн. 1). Седов, выросший на море, не мог пригласить ветеринарного врача, не бывавшего на севере и моря не видавшего, на место помощника начальника морской экспедиции; было бы бессмыслицей даже на минуту вручить судьбу корабля и людей такому лицу. Несмотря

на горячее желание Кушакова встать во главе экспедиции хоть ненадолго, Седов, отправляясь в кратковременные экскурсии и в большое путешествие к мысу Желания, передавал управление экспедицией не Кушакову, а моряку, капитану Захарову. И даже через два года, перед походом к полюсу, Седов, уступая настойчивым просьбам Кушакова, оставил его своим заместителем лишь с оговорками. Все руководство научными работами было поручено В. Ю. Визе, а командование кораблем Н. М. Сахарову.

7 Парусная оснастка «Фоки» состояла из нижних: большого триселя, бизань-паруса, двух верхних — топселей и четырех передних парусов: косого штормового стакселя, кливера, бом-кливера и летучего кливера. Бизань-парус — нижний на задней бизань-мачте. Кливера — косые паруса на передней наклонной мачте — «утлегаре». Фал — канат, поднимающий парус.

8 При спешном наборе команды по требуемому портовыми властями комплекту несколько матросов оказались больными и лишними. Седов списал в Крестовой губе всех лишних людей.

9 Айсберги — обломки пресноводного льда, падающего в море с прибережных ледников. Среди плавающего и смерзшегося льда легко различаются: «*айсберги*» или «*ледяные горы*» — обломки пресноводного льда, оторвавшиеся от береговых ледников; «*торосы*» — нагромождения льда, образовавшиеся при столкновении ледяных полей; «*ропаки*» — торчащий мелкий, еще не уравненный снегом морской лед; «*стамухи*» — обмелевшие глыбы. По возрасту и образованию при небольшом опыте легко различаются: «*блинчатый лед*» — образующийся в открытом море: «*солончак*» — молодой, покрытый кристаллами солей; «*фьордовый лед*» или «*ровнушка*» — поля, образовавшиеся в покойных заливах и проливах; «*торосистый однолетний*» и «*торосистый многолетний*» лед и, наконец, «*припай*» — прибрежный лед.

10 Виллем Баренц — знаменитый голландский мореплаватель шестнадцатого века, упорно отыскивавший северо-восточный путь в Китай и Индию. Баренц совершил три плавания по Баренцеву и Карскому морям. Во время последнего плавания в 1596 году Баренц совместно с Гемскерком и Рийпом открыл Медвежий остров и Шпицберген. В то же лето корабль Баренца был затерт льдами в «Ледяной Гавани» на северо-восточном берегу Новой Земли. При возвращении на родину в лодках Баренц умер поблизости мыса Ледяного 20 июня 1597 года. Баренц составил первую карту Новой Земли. Подробный отчет о путешествии Баренца в изложении его спутника Геррит-де-Вера приведен в труде Свенске «Новая Земля в географическом и естественно-историческом и промышленном отношениях», Петербург, 1866.

11 Одна из ветвей Гольфштрема была нами обнаружена в 1914 году вблизи Земли Франца-Иосифа, милях в 50 к югу от мыса Гранта.

12 Австрийская экспедиция Пайера и Вейпрехта (1872—1874) поставила целью исследование неизвестной области к северу от берегов Сибири и проход северо-восточным путем в Берингов пролив. План экспедиции был основан на гипотезе известного географа Петермана о существовании открытого полярного моря у северо-восточных берегов Новой Земли и за островом Врангеля. Корабль австрий-

ской экспедиции «Тегетгоф» был затерт льдами недалеко от мыса Нассау на Новой Земле, а через год дрейфом льда был принесен к неизвестной земле, названной Пайером Землею Франца-Иосифа. Пайер исследовал юго-восточную часть архипелага Земли Франца-Иосифа и, пройдя по каналу «Австрия», дошел до северной оконечности о. Рудольфа. Пайер с мыса Флигели видел на севере отделенную землю: «Землю Петермана» и на северо-западе «Землю короля Оскара». (По позднейшим исследованиям, ни той ни другой не оказалось.) В мае 1874 года австрийцы покинули «Тегетгоф» и направились в шлюпках к югу. После 96-дневного перехода им удалось освободиться из льда под 77°40′ и достичь Новой Земли. Плывя вдоль западного берега ее, австрийцы встретили русские промысловые суда. Помор Воронин подобрал экспедицию и доставил ее в Вардэ.

13 Состояние льда в Баренцевом и Карском морях летом 1912 года было на редкость тяжелым. По данным датского метеорологического института, составляющего ежегодные сводки донесений о встрече со льдами, Баренцево море в августе 1912 года было покрыто льдами на 945000 кв. километров — это наибольшая площадь занятого льдами моря за 20 лет.

14 Пролив назван Седовым в честь известного исследователя Новой Земли. Пахтусов с ничтожными средствами и с малым количеством помощников исполнил громадную географическую работу. Первую экспедицию Пахтусов предпринял в 1832/33 году на частные средства. Перезимовав в устье р. Каменки, Пахтусов исследовал и снял на карту весь восточный берег южного острова Новой Земли. Вторая экспедиция — на правительственные средства — состоялась в 1834/35 году. На этот раз Пахтусов зимовал в Маточкином Шаре. Весной он отправился на большой шлюпке вдоль западного берега. Во время этого путешествия лед раздавил суденышко как раз около острова Берха. Возвратившись в Маточкин Шар на судне помора Еремина, неутомимый путешественник отправился по восточному берегу Новой Земли на север и положил его на карту до 74 градуса с. ш. Вернувшись в том же году в Архангельск, от понесенных трудов и лишений Пахтусов заболел и умер 7 ноября 1835 года.

15 «Бакан» — военное охранное судно, в 1910 году, выйдя на поиски становищ норвежских промышленников, самовольно поселившихся на Новой Земле, осмотрел Крестовую и Южную Сюльменева губы, группу Горбовых и пролив между Панкратьевыми островами. От Горбовых островов «Бакан» прошел прямым рейсом к мысу Ледяному. Вблизи Оранских островов встретился лед, почти прилегавший к мысу Желания. Не имея возможности форсировать его, «Бакан» повернул на юг и, запасшись пресной водой в Крестовой губе, вернулся в Архангельск.

16 Глубины по всей книге показаны в морских саженях шестифутовой меры.

17 «Ганза» — одно из судов второй германской экспедиции 1869 года — было затерто льдами недалеко от берегов Гренландии в широте 71°. Вскоре после начала зимовки «Ганза» была раздавлена напором льда и через несколько дней затонула. Участники экспедиции, 14 человек, еще заранее успели сгрузить на ледяное поле шлюпки,

часть провианта, топливо и инструменты. Построив из обломков судна хижину, путешественники, несмотря на то, что, увлекаемое к югу течением, идущим вдоль берега Гренландии, ледяное поле беспрерывно уменьшалось, — жили довольно спокойно до января. В половине этого месяца льдина, к этому времени уменьшившаяся до размера 200 шагов в окружности, внезапно во время шторма раскололась под самой хижиной. Пришлось искать спасения в шлюпках. Люди пытались направиться к берегу, но льды опять сомкнулись, пришлось снова устраиваться на пловучем льду. Происшествие случилось на 66 градусе. К 7 мая течение донесло льдину до южной оконечности Гренландии. Здесь, под 61 градусом, против миссионерской станции Фридрихсталь, экипаж «Ганзы» высадился на берег.

18 Плавник — плавной лес, выносимый реками и долго носящийся по морю и выбрасываемый в конце концов на берега. В некоторых местах Новой Земли и особенно на берегах Сибири в течение столетий скопились огромные залежи плавника, часто они покрывают всю прибрежную полосу. Большинство промысловых избушек на Новой Земле, начиная со времен новогородцев, строены из бревен, выброшенных морем. В более теплых странах из-за быстрого гниения, естественно, невозможны такие скопления дерева. Но в условиях холода и почти полного отсутствия гнилостных бактерий на крайнем севере процесс гниения происходит крайне медленно или не происходит совсем, тогда дерево окаменевает или превращается в каменный уголь. В глубине Крестовой губы я обнаружил в 1910 году скопления плавника в далеком расстоянии от берега, на значительной высоте в сравнении с теперешним уровнем моря. Плавник лежал на береговых террасах, образовавшихся путем поднятия острова. Даже в расстоянии от теперешнего уреза воды больше полкилометра я находил куски дерева, почерневшего, затверделого и очень тяжелого.

19 Гуго Виллоуби командовал одним из английских кораблей, снаряженных в 1553 году «Обществом купцов-искателей приключений для открытия новых земель, островов и держав». Один из кораблей под командой Ченселлера пришел в Архангельск. Ченселлер посетил Москву и был принят Иваном Грозным. Это свидание послужило началу торговых сношений между Россией и Англией. Виллоуби же доплыл до Новой Земли, но не мог подойти к берегу из-за скопления льдов. Повернув по направлению Мурманского берега, Виллоуби ввел корабли в устье речки Варсиной и зазимовал. На следующий год русские промышленники, приехавшие для промысла трески, нашли два корабля с трупами: Виллоуби и его спутники — числом 64 — погибли от холода и цынги.

20 Американская экспедиция Болдуин-Циглера посетила Землю Франца-Иосифа в 1901 году и зимовала на острове Альджер. Несогласия между Болдуином и командиром судна Иогансеном заставили экспедицию летом 1902 года вернуться в Норвегию.

21 Кэн — американский полярный путешественник, один из отправившихся на поиски погибшей английской экспедиции Франклина, зимовал у северо-восточных берегов Гренландии в 1850 — 1851 и 1853 — 1855 гг.

22 Врангель — выдающийся русский путешественник, в течение

трех лет (1820 — 1823) исследовал берега Ледовитого океана от реки Колымы до острова Колючина.

23 Прончищев — один из участников «Великой Северной Экспедиции» (с 1734 по 1749 год), исследовал берега Сибири от устья реки Оленека до залива св. Фаддея. Прончищев скончался от цынги вместе с сопутствовавшей ему женой.

24 Харитон и Дмитрий Лаптевы — работники «Великой Северной Экспедиции». Харитон Лаптев обошел Таймырские полуостров и остров. Дмитрий Лаптев в течение семи лет исследовал сибирский берег от устья р. Лены до мыса Баранова. Открыл Медвежьи острова.

25 Челюскин — спутник Харитона Лаптева и Прончищева — первый обогнул северную оконечность Азии и исследовал побережье Ледовитого океана на восток от устья Енисея.

26 Циволька — сподвижник второй экспедиции Пахтусова в 1837 году, стоял во главе правительственной экспедиции на Новую Землю, в 1839 г. умер в зимовьи в Мелкой губе.

27 Благодаря большой спешке при снаряжении экспедиции, а также упущению исполняющего обязанности врача экспедиции Кушакова, провизия, принимаемая на «Фоку», не подвергалась исследованию, а осматривалось лишь поверхностно и небрежно. По этой причине впоследствии, кроме некоторых (не особенно существенных) недостатков в весе и качестве продуктов, оказалось, что принятые солонина и треска поставлены самого низшего качества. Большую часть их пришлось выбросить за борт.

28 Гуриями называют на севере груды камней, складываемые для опознавания местности. Складывавшиеся нами гурии обычно делались в виде закругленного конуса, в вершину которого иногда вставлялось бревно или крест.

29 Нужно сказать, что во время первых экскурсий мы изрядно мерзли, уверяя, впрочем, друг друга, что чувствуем себя прекрасно. Особенно неприятна и даже опасна влажность рукавиц и носков, мы не могли бороться с нею, не имея палатки и огня. Впоследствии мы никогда не допускали оледенения рукавиц и носков, — брали всегда запас в несколько пар и всегда высушивали на примусе отсыревшие варежки и носки, пока варился обед. С оледенением верхней одежды путешественнику, живущему на морозе неделями, приходится отчасти мириться. Но при надлежащем уходе за одеждой возможно держать в хорошем виде и ее. Мы никогда не упускали случая подержать верхнюю одежду и спальные мешки на солнце во время дневок и при переходах. Влага, осевший на мехах иней и лед на солнце частью испаряются и не скопляются в чрезмерных количествах. В этот раз, чтоб не отморозить рук и приобресть некоторый запас тепла для оттаивания льда в рукавицах, нам приходилось отогревать руки, прикладывая под одеждой их к голому телу.

30 Борьба с тонко-раздробленной, всюду проникающей снежной пылью очень трудна. Единственным, не обесценивающим наблюдения средством была своевременная замена засоренного инструмента запасным и постоянная основательная чистка будки. Поэтому самопишущие инструменты осматривались каждые два часа. Перемена лент самопишущих приборов еще возможна в тихую морозную погоду (вносить инструмент в теплое помещение нельзя: все металли-

ческие части отпотевают). При сильном ветре и бурях, когда наблюдатель еле держится на ногах, конечно, переменить ленту невозможно. Для перемены лент вблизи нашей станции всегда ставился снежный домик, в котором и производились все манипуляции с инструментами.

31 В первое время для наблюдения высоты приливов я установил на льду футшток типа Пири (точнее Вергоева). Такой оказался неточным свыше всякой меры: он показывал не уровень воды, а высоту поверхности льда по отношению ко дну, а это, как показала практика, совсем не одно и то же: поднятие льда начиналось значительно позже начала прилива, а колебания уровня льда оказались значительно меньшими, чем воды. Нам пришлось перенести футшток к мелкому месту у самого берега. Там мы просто измеряли высоту воды в проруби. Рейка становилась точно в одно и то же место у постоянной свайки, забитой в дно и имевшей скобы для вставления рейки. Защитой проруби от замерзания служил ящик с отверстием для сваи. И ящик и прорубь были помещены внутри снежного дома, укрывавшего их от заносов.

32 Мыс Обсерватория у бухты св. Фоки, по определениям Седова, лежит под 76°00′07″ с. ш. и 59°55′04″ в. д. от Гринвича.

33 Литке — русский мореплаватель, совершивший на бриге «Новая Земля» четырехкратное плавание к берегам Мурмана и Новой Земли (1821—1824). Литке составил довольно подробное описание берегов Новой Земли от Карских Ворот до мыса Нассау.

34 В Поморьи местами до сих пор употребляются древне-русские названия румбов и ветров. Северный ветер зовется «сиверко», северно-восточный — «полунощник», восточный — «всток», юго-восточный — «обедник», южный — «летник», «лето», юго-западный — «шалонник». Западный — «запад». Промежуточный ветер — «стрик». Поморы говорят: «стрик лета обедник», т. е. юго-юго-восток.

35 Норденшельд — известный шведский путешественник, первый, прошедший на шхуне «Вега» из Атлантического в Великий океан северо-восточным путем мимо мыса Челюскина (1878—1879 г.). Норденшельду же вместе с Виггинсом и русскими купцами Сидоровым и Сибиряковым принадлежит честь разрушения легенды о непроходимости Карского моря.

36 Известный английский путешественник Джон Франклин (1786—1847), исследовавший берега Северной Америки. Франклин погиб со всей большой экспедицией для отыскания северо-западного прохода. Отсутствие вестей о Франклине в течение нескольких лет побудило английское правительство заняться поисками Франклина и его 138 спутников. На поиски было истрачено около 10 миллионов рублей. В поисках приняли участие и частные лица. В истории исследования полярных стран эпоха поисков Франклина занимает видное место. Попутно с поисками была исследована большая часть северных берегов Америки с прилегающими к ней островами и открыт Мак-Клюром северо-западный проход.

37 В своей книге «A Thousand days in the Arctic» Джексон приводит статью профессора В. Гарлея, посвященную исследованию причин заболеваний цынгой. Гарлей думает, что главной причиной нарушения правильности питания организма при цынге является

отравление его птомаинами. В подтверждение своего взгляда Гарлей приводит результаты опытов, произведенных в его лаборатории при Лондонском университете. Группа обезьян была посажена на диету вареного риса и кукурузы. Обнаружив, что в течение времени животные остаются вполне здоровыми, Гарлей стал некоторым прибавлять в рис немного свежего мяса, а другим мяса, постоявшего в лаборатории несколько дней, пока оно не тронется гниением, но не до такой степени, чтоб исходил запах. В то время, как одна группа обезьян, питавшихся только одними рисом и кукурузой, а также другая группа питавшихся кукурузой и рисом с прибавлением свежего мяса — оставались вполне здоровыми и не теряли веса, животные третьей группы, получавшие рис и кукурузу с попорченным мясом, заболели. Болезнь напоминала цынгу: общая слабость и истощение, кровоточащие, размягченные десны и кровавый понос. По современным воззрениям главной причиной расстройства питания организма при цынге считается отсутствие или недостаточность в пище так называемых *витаминов*, в частности *витамина С*. Этот витамин в большом количестве содержится в свежих овощах и фруктах.

38 Группа Горбовых и Крестовых островов, по моему впечатлению, одно из лучших мест для звериного промысла на западном побережьи Новой Земли. За время моих многочисленных посещений Южно-Крестовых и Панкратьева островов я всегда, начиная с марта, видел лежащих на льду тюленей, один раз моржа и множество медвежьих и песцовых следов. Два раза бывшие со мной собаки ловили песца. Развалины древних охотничьих становищ я находил всюду: на о. Берха, на Б. Заячьем, на о. Личутина. На берегу Панкратьева полуострова я однажды набрел на выложенный камнями круг — следы стоявшего здесь некогда чума (меховая самоедская палатка). Кругом валялись изгрызенные песцами тюленьи кости и медвежьи черепа.

39 После нашей экспедиции можно считать установленным, что дикий северный олень водится на Карской стороне Новой Земли до самого мыса Желания. Там Седов нашел оленьи кости и рога. На западной стороне острова за весь год мы не видели ни оленей ни их следов. Только Павлов нашел в прибрежных горах оленье копыто, повидимому, очень старое. Можно думать, что на западной стороне олени вообще не живут, так как топографические условия местности, в большей части занятой льдом, не благоприятствуют растительности.

40 Визе определил астрономически место выхода к Карскому морю (залив Власьева): по предварительным вычислениям φ N. — 75°26′11″ λ E. 62°07′44″. Место астрономического пункта отмечено гурием с крестом, на кресте надпись: «Экспедиция Седова».

41 Наибольшие скопления плавника во всем районе Горбовых, Крестовых и Панкратьевых островов находятся на северной стороне Панкратьева острова. Предполагалось использовать эти залежи плавника для топлива котлов «Фоки». Большое количество дров было заготовлено нами и сложено в поленницы недалеко от большого знака, поставленного экспедицией. Впоследствии обстоятельства сложились неблагоприятно: воспользоваться этими запасами дерева нам не пришлось.

42 Северо-западный берег острова Берха весь изъеден пещерами и гротами, образовавшимися путем размыва морским прибоем сланцев пермо-каменноугольной формации, составленных почти из одних органических остатков. Самая большая пещера лежит на ю.-з. от мыса Крушения. Пещера-тоннель, тянущийся с с.-в. на ю.-з. (магнитные) длиной 110—120 метров. Высота пещеры метров 12 — 15 (дно залито небольшим ледничком). Пещера прорезает береговой обрыв под общим уклоном в 45° и верхним отверстием выходит на высокое плато острова. Верхнее отверстие частью занято обрывом ледничка, образованного постоянным скоплением снега в яме при входе в пещеру. Валообразный ледник (или снежник) на дне пещеры тянется во всю длину ее. Поверхность ледника очень тверда. При осмотре и съемке пещеры мне пришлось терпеливо выбивать киркой ступеньку за ступенькой. Осмотр пещеры летом, по всем признакам, возможен только через верхнее отверстие, малодоступное зимой.

43 На мысе Крушения мною поставлен большой мореходный знак.

44 Мыс Виссингер-Гофт на старых картах именуется более правильно «Флиссингер-Гофт».

45 Седовым произведены астрономические определения пяти пунктов. По предварительным вычислениям —

Мыс Литке (на острове Баренца) — широта: 76°15′10″, долгота восточная (от Гринвича) — 60°51′04″,5. Магнитные элементы: склонение + 22°23′00″, наклонение — 81°25′,5, напряжение — 222.0 дефл. единиц.

Мыс Утешения: широта 76°15′08″, долгота — 62°35′49″,5. Магнитные элементы: склонение + 25°9′30″, наклонение — 81°35′3.

Гора Астрономическая (в заливе Иностранцева): широта — 76°30′47″, долгота — 65′57°49″,5. Магнитные элементы: склонение + 24°18′00″, наклонение — 82°8′0.

Мыс Желания: широта — 76°56′27″, долгота — 68°28′04″,5. Магнитные элементы: склонение — 24°56′00″, наклонение — 82°26′0.

46 За все время своего путешествия к мысу Желания Г. Я. Седов вел подробный дневник. Дневник этот в настоящее время утерян. Можно предполагать, что он находится за границей в руках Кушакова, эмигрировавшего в 1919 году.

47 Розовый или красный снег — снег, покрытый особого вида микроскопическими водорослями — диатомеями.

48 Большинство убитых нами тюленей относится к виду — полярная нерпа (Fhoca foetida). Попадалась и обыкновенная нерпа (Fhoca vitulina). Тевяков и гренландского тюленя мы в окрестностях бухты Фоки не видали. Один раз был убит морской заяц (Erignathus barbatus). Обилие ластоногих в проливах и заливах около Горбовых и Панкратьевых островов заставляет предполагать, что воды эти богаты и рыбой. Мы пробовали в июле два раза закидывать невод, но не поймали ни одной рыбы. Но позднее — в двадцатых числах августа под корой молодого льда, образовавшейся в пресноводных озерах, на льду было замечено большое количество молодых наваг.

49 По рассказам новоземельских промышленников, и на нерп, лежащих на льду, медведи охотятся способом, похожим на виденный нами: медведь подкрадывается к нерпам, пользуясь прикрытием торосов и складок снежной пелены. Когда расстояние сократится и приходится ползти уже по открытому месту, зверь распластывается на брюхе, закрывая лапой предательски-черную морду. Охотник подбирается в то время, как чуткая нерпа, опустив голову, засыпает. Промышленники говорят, что медведь может красться целыми днями, пока не приблизится на расстояние прыжка. Нерпа, видя желтоватый свернувшийся клубок, предполагает, что пред ней льдина. Если нерпа не особенно велика, медведь съедает ее за один раз. Если добыча при всем старании не помещается в желудок, зверь остается около нее, пока не доест.

50 Капитан Захаров прибыл не в Крестовую губу, как предполагалось, а в Маточкин Шар; Захаров не опознал Крестовой губы и проплыл мимо. После недолгого ожидания капитан на втором, последнем пароходе был доставлен в Архангельск. В виду позднего приезда Захарова главная цель его путешествия — сообщение сведения о месте стоянки «Фоки» для своевременной присылки угля — не осуществилась. Самым важным последствием вести об экспедиции была посылка морским министерством трех кораблей для помощи нам и на розыски ушедших одновременно экспедиций Русанова и Брусилова. Во время плавания Захарова на юг из-за чрезмерной экономии провианта, имевшегося в избытке, и нежелания Захарова заняться добычей свежего мяса, Катарин, Томиссар и Зандер заболели цынгой, от последствий которой М. Зандер и Катарин умерли.

51 В норвежской избушке на острове Заячьем нами оставлено: сухарей 4 ящика, масла 8 килограммов, сахару 8 килограммов, чаю 2,5 килограмма, кофе 1 килограмм, 2 винтовки и к ним 300 патронов.

52 Как и в 1912 году, около Горбовых островов и дальше на север лед держался на некотором расстоянии от берега, образуя вдоль него канал, немного суживающийся к северу и югу. На широте острова Вильяма ширина канала была 20 миль, а вблизи полуострова Адмиралтейства лед примыкал к самому берегу.

53 При выходе из бухты св. Фоки на корабле имелось каменного угля немногим менее 20 тонн.

54 Фредерик Джексон отправился в 1894 году из Англии, на средства Хармсворта, для достижения северного полюса. План достижения полюса, основанный на доверии Джексона ошибочному предположению Пайера о далеком протяжении этой земли на север, не был приведен в исполнение. Джексон предполагал достичь своей цели путем последовательного устройства складов провианта для людей и низкорослых манчжурских лошадок, хорошо переносящих холод. Джексону удалось устроить несколько складов по пути к северу, однако, скоро выяснилось, что земля Франца-Иосифа не что иное, как архипелаг островов, не простирающихся дальше 82 градуса с. ш. Научные заслуги Джексона — в подробном исследовании южной и западной частей архипелага Земли Франца-Иосифа. Джексон прожил на мысе Флоры три года, поддерживая связь с Англией при посредстве парохода «Уиндворт». В 1896 году «Уиндворт» отвез

в Норвегию Фритиофа Нансена, нашедшего приют и пищу на мысе Флоры после сказочного путешествия по пловучим льдам к полюсу и бедствий, перенесенных во время зимовки в землянке на о. Джексона.

55 Американская экспедиция Уэллмана зимовала на Земле Франца-Иосифа в 1898 году. Уэллман исследовал ее восточные острова.

56 Американская экспедиция Циглер-Фиала, имевшая целью достижение полюса, — одно из самых крупных и богатых предприятий этого рода. Экспедиция отправилась из Архангельска в 1903 году. В том же году зимовавшее у самого северного острова Земли Франца-Иосифа, о. Рудольфа, судно экспедиции «Америка» было унесено ураганом в море. Перезимовав на берегу, большая часть участников экспедиции ранней весной отправилась к мысу Флоры. Там провели лето и следующую зиму в бедственном положении. В июле следующего 1905 года посланное Циглером судно «Терра Нова» подобрало на мысах Флоры и Диллон всех участников экспедиции и доставило в Америку.

57 Адмирал Макаров посетил Землю Франца-Иосифа во время пробного рейса ледокола «Ермак».

58 Итальянская экспедиция герцога Абруццкого вышла в 1899 году из Архангельска. Судно Абруццкого «Стелла Поляре» зимовало в Теплиц-Бай на Земле Рудольфа — самом северном острове Земли Франца-Иосифа. Весной 1900 года вместо отморозившего руку Абруццкого попытку дойти до северного полюса сделал лейтенант Каньи и достиг 86°34′ с. ш.

59 В. Ю. Визе вычислил соотношение площади льда и свободной от него земли на некоторых островах Земли Франца-Иосифа. Для острова Гукера это соотношение таково: материковый лед 87,9% общей площади острова, свободные мысы и горы — 12,1%.

60 Снежник в полкилометре расстояния от «Фоки» имел вид настоящего ледника. На поверхности его встречались трещины, в береговом обрыве ясны годовые слои. Последовательное уплотнение снежных слоев и превращение их в фирн и лед выражены наглядно особенно в нижних слоях. Морен нет. Ясно выраженные морены на острове Гукера вообще встречаются довольно редко, их можно видеть только в местах, где лед скатывается по крутому уклону. Такой ледничок — просто скопление снега, наметаемого по зимам на крутой каменистый откос острова. Одной лощиной ледник соединяется с гигантским куполообразным щитом льда, закрывшим верхнее плато острова. Если бы отбросить явное несоответствие площади, занятой этим ледничком, с площадью нити, связавшей его с ледяным покровом острова, можно бы притти к заключению, что этот ледник питается общей массой льда на вершине острова.

61 Отто Свердруп в отчете о норвежской гренландской экспедиции, описывая жизнь белого медведя, указывает, что никто не встречал беременных медведиц иначе, как весной в берлоге, незадолго перед родами. Многочисленные рассказы о жизни белых медведей, слышанные мною от русских промышленников на Новой Земле, вполне совпадали с описаниями Свердрупа. Тем интереснее находка беременной медведицы осенью в берлоге. По всем признакам, мед-

ведица залегла не позже конца августа (снег, покрывавший берлогу, был розоват и особенно плотен, такую плотность снег приобретает только будучи смочен дождем или в морозы после нескольких оттепелей). Факт, на который указывает Свердруп, легко объясняется, если сделать предположение, что все самки, почувствовав беременность, ложатся под откос берега, где всегда скопляется много снега. (Все девять виденных мною берлог были в таких местах.) Вырытая яма быстро заносится толстым слоем снега, предохраняющим самку от нежелательных посетителей. Только благодаря исключительному чутью одной из наших собак, Разбойника, была открыта берлога. Припоминая обстоятельства, при которых Седов нашел берлогу с мертвой медведицей, отысканной тем же Разбойником, — можно заключить, что и та медведица залегла с осени. За зиму намело такой толстый слой снега, что выбраться обессиленной родами медведице оказалось не по силам. Возможно, впрочем, допустить, что матерые, но недостаточно упитанные медведицы выходят из берлог на добычу. (Джексон указывает на один случай, когда была убита беременная медведица в конце ноября недалеко от открытой воды.) Этот факт не противоречит предположению, что беременные самки с осени устраивают берлоги в местах, наиболее заносимых снегом и наименее посещаемых своими сородичами.

62 В письме, переданном Седову перед уходом, я, предостерегая от легкого отношения к болезни и доверия диагнозу Кушакова, просил Г. Я. отложить свое путешествие до выздоровления.

63 Ли-Смит, английский мореплаватель, открывший западную часть Земли Франца-Иосифа, названную Смитом «Земля Александра». Во время вторичного посещения вновь открытых земель в 1881 году судно Ли-Смита «Эйра» потерпело крушение от напора льдов вблизи мыса Флоры. Перезимовав в хижине, построенной из обломков парохода, Ли-Смит весной следующего 1882 года поплыл со спутниками к Новой Земле в шлюпках и при помощи русских промышленников, встреченных там, вернулся на родину.

64 Кайры, прилетевшие в б. Тихую, в первые после прилета дни, когда полынья в б. Тихой была еще невелика, улетали кормиться куда-то на юг.

65 За недостатком места я не могу более подробно остановиться на санных путешествиях Визе и его тщательном и точном описании группы островов вблизи нашей зимовки к востоку от о. Гукера. Более подробные описания санных путешествий В. Ю. Визе на Земле Франца-Иосифа напечатаны в «Известиях архангельского общества изучения русского севера» за 1918 год, март—июль, №№ 3, 4, 5, 6 и 7 (статья В. Ю. Визе «Год на земле Франца-Иосифа»).

66 Течения в проливах между островами Земли Франца-Иосифа очень стремительны. По движениям айсберга «Бродяги» мы скоро составили понятие о силе течений, но уловить направление их не представлялось возможным даже приблизительно. Течения эти вызываются приливо-отливными волнами, причудливо отраженными извилистым берегом. Мы могли предсказать, когда произойдет смена приливо-отливной волны, но никак не указать, куда направятся главные и боковые струи, ни времени, когда те и другие столкнутся с тем же течением, обошедшим остров с другой стороны. Весь год

айсберг Бродяга — указатель главной составляющей этих течений — перемещался с места на место, совершенно не согласуясь с предсказаниями. При одной и той же высоте приливной волны он то подходил к самому судну, то к Рубини-Року, то к о. Скотт Кельти, то исчезал, огибая северный мыс о. Гукера, и снова проявлялся в моменты самые неожиданные. К сожалению, мы поздно обратили внимание на этот айсберг: движение его, графически нанесенное на карту вместе с указаниями футштока с направлением — силою ветра и с глубоководными гидрологическими наблюдениями,—внесло бы, вероятно, некоторую ясность в вопрос: какую роль играет столкновение приходящей с севера приливной волны с волной Баренцова моря в общем состоянии льдов архипелага. Этот вопрос заслуживает тщательнейшего изучения: вскрытие приливов и каналов, доступных нашему наблюдению, происходило главным образом под влиянием сильных течений. Ветры ломали уже разъеденный лед.

67 Из птиц, убитых 8 июня, два читика (Uria grille mandtii Mandt.) оказались в необыкновенном оперении: спинки были покрыты светлыми пятнышками. Одна птичка казалась совершенно серой даже издалека. У той и другой на белой части крыльев темные крапинки.

Несколько таких чистиков и люриков (Alle alle) были убиты мной в начале марта 1914 г Нужно отметить, что из нескольких сотен чистиков, убитых на Новой Земле, в очень раннее время (апрель — начало мая), я не видел ни одной в подобном оперении. На земле Франца-Иосифа количество чистиков в пестром оперении не превышало одного процента. К тому следует еще добавить, что необычное оперение всегда обращало внимание охотников: они старались убить такой экземпляр. Подобный же процент ненормального оперения встречался и среди люриков, а их было убито в марте около 1000 штук. Среди всего количества только четыре оказались в пестром оперении.

68 Шхуна «Св. Анна» вместе с оставшимися на ней пропала без вести. В 1915 году Главное гидрографическое управление снарядило экспедицию на розыски Брусилова, она отправилась на шхунах «Андромеда» и «Герта». Во главе экспедиции стоял доктор Коган. «Андромеда» не могла пробиться к Земле Франца-Иосифа, которую предполагалось подробно осмотреть, а Коган на «Герте», обойдя западный и часть северного берега Шпицбергена и не найдя там следов «Анны», счел необходимым вернуться. После этой слабой попытки «Св. Анна» была предоставлена собственной участи.

Альбанов написал книгу, очень подробно и жизненно рисующую его страшное путешествие. Книга вышла отдельным изданием в виде «Приложения к 41 тому Записок по гидрографии» под названием: «На юг к Земле Франца-Иосифа». Петроград, 1917. В виде приложения же к «Запискам по гидрографии» вышло и общее описание экспедиции Брусилова: «Полярная экспедиция лейтенанта Брусилова на шхуне «Св. Анна», Петроград, 1914. См. также Н. Пинегин «70 дней борьбы за жизнь». Архангельск, 1932.

69 Впоследствии мы прочли в газетах сообщение, что капитан «Ломоносова», приняв «Фоку» за неприятельский крейсер «с пушками и прожекторами», приказал потушить все огни и спрятался под берег.

70 Русанов, геолог, исследователь Новой Земли, предпринял в 1912 году последнее путешествие на шхуне «Геркулес» на Шпицберген для отыскания и заявок каменного угля. Закончив работу на Шпицбергене, Русанов не вернулся в Россию, а отправился на восток в Карское море с целью исследования северо-восточного пути и с тех пор пропал без вести. Последнее сообщение с «Геркулеса» было оставлено Русановым в Маточкином Шаре для передачи лицам, снарядившим экспедицию. В этой последней записке Русанова сообщалось о его намерении итти в Карское море вокруг северной оконечности Новой Земли. В случае отсутствия вестей, Русанов просил искать его на о. Уединения или у Новосибирских островов. Поисковая экспедиция, отправленная в 1914 году морским министерством под начальством Свердрупа, не нашла никаких следов Русанова.

СОДЕРЖАНИЕ

Карта Панкратьева о-ва и окрестности зимовки экспедиции Седова

ОБЗОРНАЯ КАРТА
плавания Экспедиции Седова
1912-1914 гг
и дрейфа „св. Анны"
Условные знаки
Путь „Фоки" в 1912 г.
1913 г.
1914 г.
Дрейф „Анны"
Путь Альбанова
Маршруты санных экспед.
Кромка льдов 1913 г.
1914 г.
Земля Франца Иосифа
О. Рудольфа
Могила Седова
О. Грэем Белля
Земля Вильчека
О. Гукера
М. Флора
Баренцево
море
Карское
море
М. Ледяной
М. Желания
О-ва Исакова
М. Утешения
М. Медвежий
М. Дальний
О. Пахтусова
Маточкин
Шар
М. Бритвин
Крестовая губа
М. Сухой Нос
М. Саввы Лошкина
Ст. Белушья губа
Карские ворота
О. Вайгач
Югорский Шар
О. Белый
П-в Ямал
П-в Рыбачий
Рында
М. Св. Нос
М. Канин Нос
О. Колгуев
О. Моржовец
Белое
море
Архангельск
0° от Гринича
30°
45°
60°
75°
80°
83°
82°
80°
75°
70°
65°
64°

— Ну, не знаю,—развела руками Наташа и замолчала.

Карташеву жаль было Наташу, и онъ старался быть съ ней особенно ласковымъ и внимательнымъ. Легкой тучкой набѣжавшее-было сомнѣніе относительно брата быстро исчезло, и Наташа думала:

„Что жъ, если это его убѣжденіе? Онъ любитъ меня и, конечно, желаетъ добра“.

И она была съ братомъ нѣжна и ласкова. Они ѣздили вмѣстѣ по магазинамъ. Тёма купилъ ей духовъ, накупилъ подарковъ и остальнымъ сестрамъ, брату купилъ большой перочинный ножъ, взялъ ложу въ театрѣ, катался съ родными на лодкѣ.

— Какой Тёма сталъ любящій, ласковый,—говорила Аглаида Васильевна.

Пять дней, а только на пять дней и пріѣзжалъ Карташевъ, пролетѣли быстро.

Былъ Карташевъ и у Корневыхъ. Говорилъ съ Маней о прошломъ, заглядывалъ въ ея будущее, рисовалъ ей, какъ она выйдетъ замужъ, въ какихъ дворцахъ будетъ жить, просилъ позволенія и тогда быть ея другомъ. Оба весело смѣялись, и Карташевъ краснѣлъ, всматриваясь въ ея ласковые каріе глазки, въ ея шейку, такую же бѣлую, какой была она, когда въ первый разъ онъ увидѣлъ ее гимназистомъ. Теперь и шейка и вся она, Маня, была еще красивѣе, сильнѣе тянула къ себѣ безъ боли, какъ красивая картинка, прекрасный пейзажъ. Наклонился бы, поцѣловалъ это бѣлое плечико и почувствовалъ бы сильнѣе прелесть дня, радость жизни, свою и ея молодость... И казалось Карташеву, что она отвѣтила бы тѣмъ же или, по крайней мѣрѣ, поняла, что влечетъ его къ ней. Засыпая, онъ думалъ о Корневой... Прекрасная, стройная, она была гдѣ-то близко-близко, онъ чувствовалъ ея дыханіе, ея голосъ, взглядъ — влажный, жгучій, чудный, какъ лучшее изъ всего, что есть на свѣтѣ. Жениться, увезти ее съ собой?—Карташевъ задыхался при мысли о такомъ блаженствѣ и долго ворочался подъ одѣяломъ.

Опять отъѣздъ и проводы. Дали денегъ на всю дорогу безъ вычета за билеты, дали на лекціи и за лекціи, снова нашили всего, кромѣ платья, на которое дали тоже денегъ, чтобъ заказалъ его по послѣдней модѣ въ Петербургѣ.

Карташевъ признался, что вещи свои, въ сущности, заложилъ и продалъ, разсказалъ, какъ ѣхалъ домой... Аглаида Васильевна больше всего жалѣла о подушкѣ:

— Лучшую тебѣ дала.

Крестя и цѣлуя сына, она говорила:

— Все-таки будь, мой дорогой, больше хозяиномъ.

— Ты хоть подушку привези мамѣ, — ласково говорила Наташа.

— Даю слово, подушку привезу.

Наташа ѣхала съ братомъ проводить его къ Зинѣ въ деревню. Хотѣла-было ѣхать и Маня, но у нея уже начались уроки.

Маня стала красавицей въ полномъ смыслѣ слова, съ смѣлымъ живымъ взглядомъ. Изъ всѣхъ только она одна не высказывала уѣзжавшему брату почтенія.

— Уѣдетъ опять мой голубчикъ, — говорила на вокзалѣ Аглаида Васильевна, — улетитъ мой орелъ.

— А голубчикъ только и думаетъ, мама, какъ бы ему поскорѣе уѣхать, — сказала Маня, кивнувъ пренебрежительно головой въ сторону брата.

— Только и думаю, какъ бы уѣхать? — вспыхнулъ Карташевъ: — ну, такъ вотъ на зло тебѣ сегодня и не поѣду.

— Тащи вещи назадъ, — обрадовавшись, крикнулъ толстый Сережа и неуклюже, счастливый, потащилъ самъ тяжелый чемоданъ брата къ выходу, боясь, что тотъ передумаетъ. Всѣ были рады, всѣ цѣловали Карташева.

— Ѣдемъ въ нашъ старый домъ пить чай, — предложилъ Карташевъ.

Старый домъ былъ недалеко отъ вокзала.

Осень была теплая, ясная; вечеръ тихій, прекрасный. Точно убаюканное, засыпало синее нѣжное море, нѣжный ароматъ послѣднихъ осеннихъ цвѣтовъ разливался по пыльному саду. Вся семья собралась на террасѣ, пили чай, говорили, вспоминали прошлое, ходили по саду, заглядывали въ старый колодецъ, взбирались на бесѣдку. Изъ-за ограды выглядывало то же кладбище, тѣ же памятники, тотъ же сарай изъ сѣраго темнаго камня. Камни на стѣнахъ еще потемнѣли, точно спаленные огненнымъ солнцемъ: пыль такъ и осталась отъ лѣта и лежала толстымъ слоемъ вездѣ — на солнечныхъ часахъ, на статуяхъ, на мраморныхъ скамеечкахъ. Желтые листья валялись по дорожкамъ такіе же неподвижные и безмолвные, какъ эти статуи, скамьи, деревья и пыль лѣта, какъ то прошлое, что̀ безмолвно, но сильно вставало и хватало за сердце. Все говорило еще объ отцѣ, все было дѣломъ его рукъ. Сколько пережито хорошаго и дурного, какимъ длиннымъ казалось тогда время и какимъ мгновеніемъ кажется теперь все промелькнувшее. Какъ сонъ какой-то, — дѣйствительно ли то было, или только пригрезилось все то, что̀ было.

Послали телеграмму о выѣздѣ и приступили къ сборамъ. Выкупили вещи, часы. Тысячи въ три обошелся этотъ годъ, и еще рублей триста истратилъ дядя на выкупъ вещей, уплату долговъ. Онъ только качалъ головой. Передъ отъѣздомъ дядя пожелалъ, чтобы Карташевъ свезъ его къ Казанской Божіей Матери.

— Лучше сами поѣзжайте: я вѣдь невѣрующій... хотя и молюсь...—прибавилъ Карташевъ, подумавши.

— И молись: сегодня не вѣришь, завтра не вѣришь, а все-таки придетъ твой часъ.

— Пожалѣетъ наконецъ Господь?

— Пожалѣетъ.

Дядя настоялъ на своемъ, и Карташевъ поѣхалъ съ нимъ въ Казанскій соборъ. Тамъ подъ громадными сводами звонко отдавались ихъ шаги, и дядя, съ большимъ вытянутымъ лицомъ, испуганно спрашивалъ племянника:

— Тёма, гдѣ икона?

Карташевъ оглянулся и показалъ на одну изъ иконъ.

Дядя, запасшійся цѣлымъ пучкомъ свѣчей, подошелъ благоговѣйно къ иконѣ, поставилъ свѣчи и, стоя на колѣняхъ, сталъ читать молитвы.

Карташевъ стоялъ въ сторонѣ и безучастно смотрѣлъ на образъ.

— Ежели Казанской,—шепнулъ ему на ухо сторожъ,—то не тому образу молятся они...

Карташевъ быстро подошелъ къ дядѣ и смущенно сказалъ:

— Дядя, я ошибся: вонъ тотъ образъ.

Дядя, оборванный въ разгарѣ молитвы, вскочилъ и съ непривычной горячностью накинулся на племянника:

— Ну, вѣдь это же просто безсовѣстно! Ну, что же это? ткнулъ куда-то... Ну, ей-Богу же, просто на смѣхъ... такъ вотъ, чтобы только издѣваться...

— Дядя, голубчикъ, ей-Богу же, я не виноватъ... Честное слово, не нарочно...

— Э! Терпѣть ужъ этого не могу... Ну, гдѣ же настоящая?

— Вонъ, вонъ...

— Опять что-нибудь окажется?

— Вѣрно, настоящая,—кивнулъ головой сторожъ.

— И свѣчи всѣ истратилъ!

Дядя мелкими шажками пошелъ купить новыхъ свѣчей и направился къ указанному образу.

Карташева разбиралъ смѣхъ, но онъ удерживался и, когда дядя кончилъ молиться, онъ съ серьезнымъ лицомъ пошелъ рядомъ съ нимъ изъ церкви. Дядя шелъ озабоченно-торопливо и съ упрекомъ говорилъ племяннику:

.. 25 коп.

О-43коп.

Склад изданий:
„Сектор художественной литературы"
Книготоргового объединения Гос. Изд-в
Москва, Центр, Никольская, Б. Черкасский 2
№ 341